ЗАГАДКА

ГОДА

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ОТВЕТНЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

Загадка
37
года

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ОТВЕТНЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2008

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-6
Г 15

Оформление С. *Курбатова*

Галин В. В.
Г 15 Ответный сталинский удар / Василий Галин. — М.: Алгоритм, 2008. — 272 с.

ISBN 978-5-9265-0557-0

Оценивая политику И. В. Сталина в 1930-е гг., не следует забывать о международной обстановке в этот период. Советский Союз оказался один на один с сильнейшими противниками: не только фашистская Германия представляла угрозу для СССР, но и страны так называемой «западной демократии». «Антикоминтерновский пакт», «Мюнхенский сговор», провоцирование Финляндии на войну с СССР — части одной антироссийской подлости.

В таких условиях Сталин был вынужден нанести ответный удар...

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-6

ISBN 978-5-9265-0557-0

© Галин В. В., 2008
© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

1933 год

Когда оценивают политику Сталина в 30-е гг., почему-то забывают о том, какая была в то время международная обстановка. Между тем многие внутриполитические решения советского руководства напрямую зависели от того; что происходило тогда в мире. Советский Союз подвергался беспрецедентному прессингу на международной арене; более того, усиливается угроза военного вторжения на советскую территорию. И страны «западной демократии», и национал-социалистическая Германия вели в отношении СССР весьма двусмысленную политическую линию, сочетая дипломатическое маневрирование с непрекрытой враждебностью.

В Германии в 1933 году к власти пришел А. Гитлер, успех которого был во многом связан с его многолетней антибольшевистской риторикой. Так, например, 22 февраля 1933 г. Гитлер в публичном воззвании к национал-социалистам провозглашал: «Враг, который... должен быть низвер¬жен, — это марксизм! На нем сосредоточена вся наша пропаганда и вся наша предвыборная борьба».

В очередной речи 2 марта Гитлер заявлял: «Устранил ли марксизм нищету там, где он одержал стопроцентную победу... в России? Действительность говорит здесь прямо потрясающим языком. Миллионы людей умерли от голода в стране, которая могла бы быть житницей для всего мира... Они говорят «братство». Знаем мы это братство.

Сотни тысяч и даже миллионы людей были убиты во имя этого братства и вследствие великого счастья... Еще говорят они превзошли тем самым капитализм... Капиталистический мир должен давать им кредиты, поставлять машины и оснащать фабрики, предоставлять в их распоряжение инженеров и десятников... Они не в силах это оспаривать. А систему труда на лесозаготовках в Сибири я мог бы рекомендовать хотя бы на недельку тем, кто грезит об осуществлении этого строя в Германии... Если слабое бюргерство капитулировало перед этим безумием, то борьбу с этим безумием, вот что поведем мы».

Между тем накануне выборов в рейхстаг 5 марта 1933 г. министр иностранных дел Германии Нейрат извещал Литвинова: «Хочу вас предупредить... Рейхсканцлер, возможно, перед выборами будет в своих речах резок по отношению к вам, но это, увы, реальности предвыборной тактики. Как только будет созван рейхстаг, фюрер сделает декларацию в дружественном для вас духе». Крестинский из наркомата иностранных дел также уверял советского полпреда в Германии: «Я убежден в том, что после выборов Гитлер, его приближенные и его пресса прекратят или, во всяком случае, ослабят свои нападки на СССР».

И действительно, 23 марта прозвучала речь Гитлера, в которой он выступил за «культивирование хороших отношений с Россией при одновременной борьбе против коммунизма в Германии». Заявление Гитлера полностью совпадало с мнением представителей Союза германской промышленности: «... Борьба с немецкими коммунистами не испортит наших взаимоотношений с СССР. Русские в нас экономически слишком заинтересованы и кроме этого... экономически мы слишком связаны с СССР».

28 апреля Гитлер принял советского полпреда Л. Хинчука. На встрече фюрер объяснил свою антикоммунистическую позицию — в Германии произошла революция. И хо-

тя она не была кровавой, но, как во всякой революции, без эксцессов тут не обойтись... Наша эпоха трудна... Чем явилось бы для Германии падение национал-социалистского правительства? Катастрофой! А падение Советской власти для России? Тем же! В этом случае оба государства не сумели бы сохранить свою независимость. И что бы из этого вышло?... Это привело бы ни к чему другому, как к посылке в Россию нового царя из Парижа. А Германия в подобном случае погибла бы как государство. В конце встречи Гитлер подтвердил свой интерес к развитию деловых и экономических отношений с Россией.

5 мая 1933 г. Гитлер ратифицировал Московский протокол[1], с чем тянули до него все предыдущие канцлеры. Центральный печатный орган нацистов газета «Фолькишер беобахтер» откликнулась на ратификацию громадной редакционной статьей в двух номерах. Геббельс отмечал: «Этим актом национальное правительство Германии продемонстрировало, что оно намерено сохранять и развивать в дружественном духе политические и экономические отношения с Советским правительством».

Показательна и реакция Гитлера на выступление его ближайшего сподвижника министра экономики А. Гугенберга на Международной экономической конференции в Лондоне 17 июня. В меморандуме министра речь шла об утраченных рейхом колониях, о необходимости новых земель «для энергичной немецкой расы», а также, кроме критики в адрес СССР, о его расчленении и должной эксплуатации богатств Украины. Лондонская «Дейли геральд» назвала меморандум прямой угрозой германской агрессии против СССР. Официальный германский МИД в ответе на запрос советской стороны отверг подобный подтекст. Бюлов, представитель германского МИДа, убеждал советскую

---

[1] Московский протокол от 24 июня 1931 г. должен был пролонгировать действие Берлинского торгово-экономического договора 1926 г.

сторону, что, говоря о новых поселениях, Гугенберг имел в виду Канаду, Чили и вообще Южную Америку. Говоря о колониях — Африку. А Россию он попрекал низкой покупательной способностью. Тем не менее Гитлер немедленно отозвал А. Гугенберга из Лондона и, к крайнему неудовольствию вице-канцлера Ф. Папена, демонстративно вынудил его уйти в отставку.

Относительно «планов строительства Великой Германии Розенберга», предусматривающих «крестовый поход» против России и ее расчленение, Бюлов заявлял советскому полпреду: «Розенберг не имеет государственного статуса. Позвольте начистоту, господин Хинчук. Что бы вы сказали, если бы мы начали цитировать вам рассуждения основателя СССР Ленина о мировой революции? Или статьи из журнала Коминтерна? Ведь если бы мы исходили в своей практической политике из буквального их анализа, то нам бы уже давно следовало сойтись с Россией в смертельной схватке. А мы покупаем у вас рожь и продаем вам краны, трубы и турбины... Германия в отношении СССР стоит на точке зрения традиционных дружественных отношений и никогда не примет участия в интервенции Антанты против вас, к которой нас кое-кто подталкивает».

Оставался еще «Майн кампф», где в 1923 г., говоря о новых землях на востоке, Гитлер однозначно указывал на Россию. Однако в своем анализе расстановки сил накануне Первой мировой он писал: «Политику завоевания новых земель в Европе Германия могла вести только в союзе с Англией против России, но и наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли Германия могла вести только с Россией против Англии». В настоящее же время: «Раз Германия взяла курс на политику усиленной индустриализации и усиленного развития торговли, то, в сущности говоря, уже не оставалось ни малейшего повода для борьбы с Россией. Только худшие враги обеих наций заинтересованы были в том, чтобы такая вражда возникала».

Тем не менее, по мнению Гитлера, союз России с Германией был невозможен: «Между Германией и Россией расположено Польское государство, целиком находящееся в руках Франции. В случае войны Германии — России против Западной Европы Россия раньше, чем отправить хоть одного солдата на немецкий фронт, должна была бы выдержать победоносную борьбу с Польшей».

В то же время «говорить о России как о серьезном техническом факторе в войне не приходится. Всеобщей моторизации мира, которая в ближайшей войне сыграет колоссальную и решающую роль, мы не могли бы противопоставить почти ничего. Сама Германия в этой важной области позорно отстала. Но в случае войны она из своего немногого должна была бы еще содержать Россию, ибо Россия не имеет еще ни одного собственного завода, который сумел бы действительно сделать, скажем, настоящий живой грузовик. Что же это была бы за война? Мы подверглись бы простому избиению. Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен: конец Германии».

Серьезным инцидентом против СССР в 1933 г. в Германии стал подлинный террор, развязанный против Общества по продаже советских нефтепродуктов — «Деропа». Его заправочные станции подвергались «налетам и разграблениям... в некоторых случаях бензин насильственно забирается бесплатно... штурмовиками, в других случаях бензин просто выпускается». Столь предвзятое отношение к «Деропу» объяснялось просто — ему на немецком рынке противостояли «Стандарт ойл» и «Ройял датч шелл» Детердинга, которые не только не пострадали, но и увеличили свою долю на рынке за счет ликвидации советско-германской компании.

Несмотря на примирительные жесты Гитлера, годовой отчет полпредства СССР в Германии был полон пессимизма: «1933 год был переломным годом в развитии советско-

германских отношений. Приход фашистов к власти в Германии поставил в порядок дня германской внешней политики осуществление давнишних антисоветских планов Гитлера и Розенберга. Конечная цель этих планов состояла в создании антисоветского блока стран Западной Европы под руководством Германии для похода на СССР...»

Советская общественность и Советское правительство с чрезвычайной настороженностью и скепсисом отнеслись к «миролюбивым» заверениям Гитлера от 23 марта и 17 мая, к ратификации Берлинского (Московского) договора и к выступлению Нейрата от 16 сентября 1933 г., считая эти выступления и акты лишь маневром. По данным отчета за 1933 год, в Германии было проведено 39 кратковременных арестов советских граждан и 69 обысков на их квартирах. За тот же 1933-й, отмечает С. Кремлев, одних письменных нот германскому МИДу наркомат Литвинова подал аж 217, не считая по выражению полпредства в Германии «бесчисленных устных заявлений».

Но главным, по мнению авторов отчета, была практическая сторона сотрудничества: «Советско-германский товарооборот в первые девять месяцев 1933 г., по сравнению с тем же периодом 1932 г., уменьшился на 45,7%... Значительное сокращение всего товарооборота и особенно сокращение германского экспорта в СССР обусловили довольно сильное, абсолютное сокращение (на 61,1%) активного для Германии сальдо советско-германского торгового баланса».

Коллективная безопасность

1933 г. стал действительно переломным в отношении положения СССР на международной арене. Народный комиссар иностранных дел Литвинов был убежден в формировании единого фронта против СССР западными стра-

нами. Литвинов докладывал Сталину: «В настоящее время призывами к антисоветской войне не только пестрят газеты почти всех буржуазных стран, но ими полны выступления влиятельных политических деятелей и представителей делового мира. Об этом говорят не только в таких империалистических странах, как Англия и Франция, но и в только что допущенной в приличное империалистическое общество — Германии». При этом Литвинов не сомневался, что роль непосредственного исполнителя агрессии отводится именно последней.

Это мнение разделяло большинство руководства СССР. Показателен в этом плане разговор американского бизнесмена Файлина с Микояном. В 1927 г. Файлин спрашивал: «В Советском Союзе... со столбцов печати правительство призывает к обороне страны, хотя, насколько ему известно, нет никакой опасности войны. Не желает ли советское правительство таким образом потушить оппозицию и объединить все силы страны, которые в противном случае не были бы объединены?»

[В ответ] тов. Микоян указал... что, к сожалению, военная опасность гораздо сильнее, чем это представляет себе Файлин. «В 1914 г. за несколько месяцев до войны никто не ожидал ее, но мы на опыте 1914 г. знаем, как подготовляется мировая война, и мы наблюдаем в современности те же процессы и поэтому мы должны быть на страже. Если бы мы знали, что Советскому Союзу угрожает от войны так же мало опасности, как угрожает американскому капитализму от коммунизма, то мы были бы гораздо спокойнее».

Развитие событий подтверждало эти прогнозы. В 1928 г. VI Конгресс Коминтерна пришел к выводу, что период стабилизации капитализма заканчивается и наступает новый, «третий период» кризиса капитализма, революций и войн. Через год начало Великой депрессии показало, что это предсказание Коминтерна о кризисе капитализма было пророческим. Кто должен был стать первой жертвой новой войны, сомнений в советском руководстве не вызывало.

Между тем советское военное командование, в том числе М. Тухачевский, Я. Берзин, считало явно враждебными по отношению к СССР только Англию, Францию, Польшу, Румынию, Финляндию и Прибалтийские страны. Германию Тухачевский и его сторонники врагом СССР не считали, что явно противоречило реалиям международной обстановки.

Приход Гитлера к власти потряс французов. М. Литвинов тогда наблюдал «полуанекдотический случай, когда содержатель карусели под Парижем перемалевал красовавшегося в течение десятков лет кавалергарда в красноармейца». Не прошло и месяца после прихода Гитлера, как Эррио уже заявлял: «Я придаю большое значение сближению французской и советской демократий для борьбы с фашизмом». П. Кот, французский министр авиации, докладывал: «Через несколько лет, в ходе конфликта, который продлился бы более 1 месяца, индустриальная мощь Франции была бы равной 1, мощь Германии выражалась бы коэффициентом 2, России — коэффициентом 4 или 5. В таких условиях соглашение между Германией и Францией привело бы к разгрому Франции, а прямой союз Франции и России дал бы победу нашей стране».

Французы уже ощущали дыхание приближающейся войны. В конце 1933 г. У. Додд записывал слова французского посла: «Англичане вновь склоняются к признанию того, что Германия угрожает миру в Европе... если Соединенные Штаты и Англия не придут на помощь Франции, мир опять будет вовлечен в большую войну». Англия и США особо не торопились, тогда взоры Франции вновь обратились к России. Так, один из шефов французского МИДа Леже заявлял советскому полпреду в Париже М. Розенбергу, что его «руководящей мыслью было найти наиболее эффективную формулу для сотрудничества СССР и Франции против Германии».

За сотрудничество с СССР выступали: Ванжер, гендиректор корпорации «Петрофина», Марлио, алюминиевый магнат, председатели банков «Union Parisien» и «National de

credit», Дюшемен, глава Федерации промышленников. Германская угроза заставила высказываться за сближение с СССР даже националистов и антикоммунистов, таких, как граф д'Аркур, Ж. Нуланс, маршал Лиотэ, генералы Вейган и де Тассиньи, редактор «Echo de Paris» Анри де Кериллис. В Сенате за пакт о взаимопомощи голосовали Мильеран, М. де Ротшильд, Ф. де Вандель, председатель «Comite des forges» (комитета тяжелой промышленности), правые радикалы Ж. Кайо и К. Шотан. Французский министр иностранных дел Л. Барту восклицал: «Посмотрите на него (Литвинова) внимательно. Разве он похож на бандита? Нет. Он вовсе не похож на бандита. Он похож на честного человека».

Литвинова не надо было уговаривать. «Всего через месяц после прихода Гитлера к власти,— отмечал Г. Дирксен, — стал очевиден уклон политики Литвинова в сторону Франции». Советско-французские переговоры начались в июле 1933 г. Германию не могли не волновать происходившие перемены. Официальное заявление немецкого правительства гласило: «Мы можем усмотреть действительную причину, вызвавшую прискорбное отчуждение в германо-советских отношениях, только в установке Советского Правительства по отношению к национал-социалистическому режиму в Германии. Поэтому мы можем лишь снова подчеркивать, что различие во внутреннем устройстве обоих государств, по нашему твердому убеждению, не должно затрагивать их международные отношения. Успешное развитие этих отношений является в конечном итоге вопросом политического желания. В области внешней политики не имеется каких-либо реальных явлений, которые препятствовали бы этому желанию; наоборот, многочисленные общие интересы обоих государств указывают это направление». Германский посол в Москве, обращаясь к Литвинову в то время, отмечал, что «основная причина ухудшения советско-германских отношений — антигерманская установка вашей прессы. Собственно, лично мне непонятен и смысл за-

ключения вами пакта о ненападении с Польшей. Но это — неофициально и к слову. А возвращаясь к теме, скажу, что после прихода Гитлера к власти ваша пресса начала систематическую травлю Германии».

4 декабря Литвинов был вынужден объяснить свою позицию Муссолини: «С Германией мы желаем иметь наилучшие отношения», однако СССР боится союза Германии с Францией и пытается парировать его собственным сближением с Францией. 13 декабря Литвинов повторил: «Мы ничего против Германии не затеваем... Мы не намерены участвовать ни в каких интригах против Германии».

11 января 1934 г. было подписано советско-французское торговое соглашение, а 16 февраля — советско-британское. Однако внешне безобидный шаг оказался только началом. Спустя полгода на Лондонских переговорах Л. Барту уже заявлял: «География определяет историю...Французская республика и монархическая Россия, несмотря на различие их форм правления, пошли на установление союзных отношений». П. Рейно, вице-председатель Демократического союза, высказывался в том же ключе: «География определила союз между Третьей республикой и царской Россией перед лицом кайзеровской Германии. География диктует союз Третьей республики и большевистской России перед лицом гитлеровской Германии». Л. Барту поддержал Э. Бенеш: «Франция не должна будет при каждом новом конфликте с Германией изгаляться перед лицом двух арбитров — Англии и Италии — которые всегда толкают ее на компромисс. Наряду с Малой Антантой... она будет иметь еще и Россию, с которой можно договариваться и маневрировать».

18 сентября СССР вступил в Лигу Наций. Л. Барту в этой связи заявил: «Моя главная задача достигнута — правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой». И. Сталин пять лет спустя, говоря о причинах этого шага, отмечал: «Наша страна вступила в Лигу Наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может при-

годиться как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны». Литвинов, по мнению М. Карлея, стал наиболее заметным советским сторонником новой политики, которую назвали «коллективной безопасностью». Мир, как он утверждал, неделим.

В том же 1934 г. произошел новый резкий спад советско-германской торговли, доля Германии в советском импорте снизилась почти в два раза по сравнению с 1932 г. Под угрозой оказались выполнение даже текущих торговых соглашений. Но в Советском Союзе по-прежнему оставались сторонники сближения с Германией. К. Радек в то время говорил руководителю военной разведки в Европе Кривицкому: «Только дураки могут вообразить, что мы когда-нибудь порвем с Германией. Для нас порвать с Германией просто невозможно».

В начале января 1934 г. Радек рассказывал немецким журналистам: «Мы ничего не сделаем такого, что связывало бы нас на долгое время. Ничего не случится такого, что постоянно блокировало бы наш путь достижения общей политики с Германией. Но над ним стоит твердый, осмотрительный и недоверчивый человек, наделенный сильной волей. ***Сталин не знает, каковы реальные отношения с Германией. Он сомневается. Ничего другого и не могло быть»***.

Были и другие противники советско-французского сближения, делавшие ставку на Германию. Так, например, на странности советско-французского пакта о ненападении, заключенного в 1935 г., указывал Л. Троцкий. По его мнению, пакт давал Франции несравненно больше выгод, чем Советам. «Обязанность военной помощи СССР имеет безусловный характер; наоборот, помощь со стороны Франции обусловлена предварительным согласием Англии и Италии...» Таким образом, фактически Франция, а в след за ней и Англия получали односторонние советские гарантии. СССР в

свою очередь, подписав антигерманский пакт, превращался в прямого врага Германии.

Все они — и Тухачевский, и Радек, и Троцкий, — не замечали или не хотели замечать очевидного факта: пока у СССР была возможность договориться со странами «западной демократии», этой возможностью необходимо было воспользоваться. Почему тогда СССР пошел на подписание советско-французского пакта? Литвинов отвечал на этот вопрос несколько лет спустя в беседе с американским послом Д. Дэвисом, поведав ему о двух главных страхах советского правительства: первый страх — это гитлеровская жадность «к завоеваниям» и к «европейскому господству», второй страх — возможность «некоторого улаживания спорных вопросов между Францией, Англией и Германией».

Мотивы внешней политики СССР проясняло выступление Сталина 26 января 1934 г. в его докладе партийному съезду: «Дело явным образом идет к новой войне... победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса, а и как результат измен социал-демократии, расчистившей дорогу фашизму... дело идет к новой империалистической войне как выходу из нынешнего положения... У нас не было ориентации на Германию, — говорил он далее, — так же, как у нас нет ориентации на Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем ***на СССР и только на СССР.*** И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний... Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами, СССР не думает угрожать кому бы то ни было и тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны». Это были не пустые слова. С одной стороны, экономи-

ческое сотрудничество СССР с Германией продолжалось, а с другой — в планах на вторую пятилетку были резко увеличены расходы на вооружение, численность Красной Армии выросла почти в два раза — до 940 тыс. человек.

Женевская конференция

Опасность возникновения новой войны подчеркивали результаты Женевской конференции, начавшейся еще весной 1932 г. Она была посвящена сокращению и ограничению вооружений и созвана по решению Совета Лиги Наций, при участии 63 государств. На конференции французская делегация предложила «План Тардье», предусматривавший создание под эгидой Лиги Наций международной армии, под руководством Франции. Делегация Великобритании предложила «План Макдональда», предусматривавший предельные цифры сухопутных вооруженных сил европейских стран и предоставлявший Великобритании и США преимущества в военно-морских и военно-воздушных силах. Англия вообще не была настроена на сотрудничество; так, например, К. Райт из Чикагского университета утверждал, что «английские консерваторы враждебно относятся к целям Лиги наций». Для Англии, привыкшей на протяжении веков к «блестящей изоляции», обеспечивавшей ей доминирующее положение в мире, Лига Наций действительно была обузой, сдерживающей свободу действий. Вступление в Лигу СССР означало, что усиление Лиги ведет к усилению международных позиций Советского Союза, чего Англия допустить не могла ни под каким видом. Формально оставаясь в Лиге, Англия на деле уже отбросила последний инструмент, способный предупредить новую войну.

Германская делегация выступила с требованием «равенства в вооружениях». У. Черчилль в октябре 1932 г., обраща-

ясь к палате общин, предупреждал: «Не обманывайте себя. Не позволяйте правительству Его Величества поверить, будто все, чего просит Германия, — это равный статус... Не к этому стремится Германия. Все эти отряды упорной тевтонской молодежи, марширующие с горящими глазами по улицам и дорогам Германии, ищут вовсе не равного статуса». Министр иностранных дел Великобритании Дж. Саймон, в свою очередь, рассуждал о Германии как о какой-то допотопной колонии: «Суровые и грубые методы быстро приведут Германию в чувство... недостаток твердости при рассмотрении (требовании равноправия) повлечет за собой новые тщательно продуманные атаки на структуру договора... Несколько резких слов, сказанных нами (британцами) в Берлине, произведут благотворный эффект».

Немцев поддержал американский сенатор Бора, который заявил, что считает их требования справедливыми; что, продолжая вооружаться, союзники сами нарушили «дух» Версальского договора, хотя бы даже они и могли доказать, что «буквы» договора они не нарушили. «Если Женевская конференция окончится неудачно, дело разоружения придет к позорному концу, и виновниками будут не немцы, а союзники...» Не добившись удовлетворения своих требований, Германия в октябре 1933 г. вышла из Лиги Наций. Как писал в то время Нейрат на имя председателя конференции по разоружению Гендерсона: «Окончательно выяснилось, что Конференция по разоружению не выполнит своей единственной задачи, состоящей в осуществлении полного разоружения». Консервативная «Морнинг пост» заявила, что она не прольет «ни одной слезы из-за кончины Лиги Наций и конференции по разоружению», скорее следует испытывать чувство облегчения от того что «подобный балаган» подошел к концу.

Отношение к конференции США демонстрируют записи в «дневнике посла» У. Додда. В 1934 г. он убеждал президента: «Соединенные Штаты должны вступить в Лигу Наций и заставить Германию и Италию сотрудничать с Англией и Фран-

цией в целях сохранения мира и сокращения вооружений...» Посол передал слова фон Бюлова: «Мы немедленно вернемся в Лигу Наций, как только Соединенные Штаты вступят в нее». Рузвельт ответил: «Относительно вступления Соединенных Штатов в Лигу Наций... я не уверен, что общественное мнение сейчас благоприятствует этому...» События подтвердили слова Ф. Рузвельта, в январе следующего года «сенат отклонил предложение Рузвельта о вступлении Соединенных Штатов в Палату международного суда». По мнению У. Додда, «Рузвельт. .. как будто не слишком сожалел по поводу решения сената. Мне кажется, он не был в этом деле достаточно настойчив». В результате Лига Наций окончательно теряла свой международный авторитет, превращаясь в клуб по интересам.

Что касается Советской России, то еще до начала конференции газета «Уоррен таймс миррор» отмечала, что в Женеве продолжает обсуждаться вопрос о сокращении вооружений лишь под давлением «русских». 18 февраля 1932 г. Советский Союз внес на рассмотрение конференции два проекта «о всеобщем, полном и немедленном разоружении» и «о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооруженных сил», а в феврале 1933 г. проект декларации об определении агрессии. Предложения советской делегации не были приняты. Тогда Советский Союз на последней сессии конференции предложил превратить ее «в перманентную, периодически собирающуюся конференцию мира». Но и это предложение было отклонено.

Идея «вооруженного народа»

Между тем направление тенденций развития Германии проявлялись все более отчетливо. Так, Шнитман в апреле 1933 г. сообщал из Берлина: «В настоящее время ведется неслыханная агитация в пользу идеи «вооруженного народа».

Эта агитация проникает буквально во все отрасли и области государства и быта и ведется самыми разнообразными методами: в кино появилась масса военно-патриотических картин (бои Фридриха Великого и т. д.); в театрах появились пьесы типа «Шлагейтер» (расстрелянный французами на Рейне во время оккупации немецкий патриот), и т.д.; школьники маршируют под звуки марша «Frederiks — Rex»; газеты беспрерывно рассказывают о страданиях немцев в оторванных от Германии областях, о безоружности Германии и т.д. Словом, такого разгула шовинизма не знала даже гогенцоллернская Германия. А под весь этот «бум» рейхсвер упорно и систематически реорганизуется и вооружается, и нет ничего удивительного в том, что, как говорил в прошлый раз 37-й, в 1935 году вся намеченная программа организации вооруженных сил будет полностью закончена».

Еще в декабре 1932 г., когда конференция в Лозанне фактически покончила с вопросом о военных репарациях Германии, У. Черчилль впервые указал, что Германия может перевооружиться. Он процитировал Гитлера, которого он назвал «движущей силой, стоящей за германским правительством, которая может значить еще больше в будущем». 23 марта — через два месяца после прихода Гитлера к власти, Черчилль забил тревогу: «Когда мы читаем о Германии, когда мы смотрим с удивлением и печалью на эти поразительные проявления жестокости и воинственности, на это безжалостное преследование меньшинств, на это отрицание прав личности, на принятие принципа расового превосходства одной из наиболее талантливых, просвещенных, передовых в научном отношении и мощных наций в мире, мы не можем скрыть чувства страха».

В апреле Черчилль выразился еще более определенно: «Как только Германия достигнет военного равенства со своими соседями, не удовлетворив при этом своих претензий, она встанет на путь, ведущий к общеевропейской войне». В ноябре Черчилль снова выступал в палате общин:

«Огромные силы пришли в движение, и мы должны помнить, что речь идет о той могущественной Германии, которая воевала со всем миром и почти победила его; о той могущественной Германии, которая на одну немецкую жизнь ответила убийством двух с половиной жизней своих противников. Неудивительно, что, видя эти приготовления, открыто провозглашаемые политические доктрины, все народы, окружающие Германию, охватывает тревога».

Военный атташе американского посольства в Берлине полковник Уэст в конце 1934 г. утверждал: «Война неизбежна, к ней готовятся повсюду». Голландский посол также не сомневался, что «Нидерландам придется участвовать в следующей европейской войне или же они будут присоединены к Германии. Он уверен, что война близка». У. Черчилль в своем радиообращении по британскому радио 16 ноября призвал слушателей подумать о том, что всего лишь в нескольких часах полета от них «находится семидесятимиллионная нация самых образованных в мире, умелых, оснащенных наукой, дисциплинированных людей, которых с детства учат думать о войне и завоеваниях как о высшей доблести и о смерти на поле боя как о благороднейшей судьбе для мужчин. Эта нация отказалась от своих свобод, чтобы увеличить коллективную мощь. Эта нация, со всей своей силой и достоинствами, находится в объятиях нетерпимости и расового высокомерия, не ограниченного законом... У нас есть лишь один выбор, это старый мрачный выбор, стоявший перед нашими предками, а именно, подчинимся ли мы воле сильнейшей нации или покажем готовность защищать наши права, наши свободы и собственно наши жизни».

ВОССТАНОВЛЕНИЕ «ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ»

Саар

Саарская область невелика 50 x 50 км. Но Саар — это уголь, чугун, сталь, прокат. Это машиностроение и химия. Согласно Версальскому договору Саар на 15 лет был отдан под мандат Лиги Наций, ее дальнейшую судьбу должен был решить плебисцит. Лига Наций в эти годы управляла Сааром лишь формально, подлинными хозяином была Франция.

Накануне плебисцита, по словам А. Симона: «Всесторонние обследования, проводившиеся нейтральными наблюдателями, говорили о том, что большинство жителей этой области с преобладающим католическим населением предпочло бы воздержаться от присоединения к национал-социалистической Германии». Однако на плебисците 13 января 1935 г. 90% взрослого населения Саара голосовало за присоединение к Германии. Мнения относительно влияния немецкого террора на результаты голосования вызывают споры до сих пор. Однако ни Франция, ни Англия, гаранты Версальского мира, не высказали по этому поводу никаких официальных претензий. Позицию Запада отражали слова норвежского министра Кута, который в беседе с советским дипломатом Якубовичем отметил, что Клемансо привел политическую карту Европы в дикий вид, а поэтому мир невозможно обеспечить на базе вечного сохранения версаль-

ского статус-кво. Гитлер не скрывал своих намерений и уже в 1930 г. открыто заявлял, что, придя к власти, он и его сторонники «разорвут Версальский договор на части».

Единственным защитником Версаля неожиданно выступил Литвинов. С трибуны Лиги Наций он посвятил саарской проблеме целую речь. Литвинов объяснял Кремлю свое решение тем, что «саарская победа может настолько ударить в голову Гитлеру, что он станет более требовательным, чем раньше. Мы тоже не остаемся пассивными и принимаем все меры для противодействия германской агитации». Литвинов оказался прав: спустя месяц Германия отказалась от статей версальского договора, ограничивающих ее вооружение.

В марте 1935 г. Геринг официально объявил о наличии у Германии военно-воздушных сил, запрещенных Версальским договором. Спустя несколько дней Гитлер заявил о введении всеобщей воинской повинности. По мнению У. Манчестера, «это был конец Версальского договора. Гитлер его похоронил и уже читал некролог... Рейхсвер стал называться по-новому — вермахт. Люфтваффе сняло свой покров, к ужасу Европы. Военное ведомство теперь снова стало всем известно как Генеральный штаб, а морское ведомство... превратилось в военно-морской флот. Новые названия звучали внушительно и были популярны — Гитлер... затронул верную струну». В то воскресенье был День памяти героев Германии, по поводу которого была устроена официальная церемония. У Ширер вспоминал: «Я пошел на церемонию... и стал свидетелем сцены, которую Германия не помнит с 1914 года. Весь... этаж был заполнен светло-серым морем военных мундиров и остроконечных шлемов старой императорской армии вперемешку с военной формой новой армии... Церемония стала триумфальным празднованием кончины Версальского договора и рождения регулярной германской армии. Генералы, и это видно по их лицам, были чрезвычайно довольны».

Как пишет И. Фест, «хотя британское правительство выступило с серьезным протестом, оно в той же ноте запрашивало, не хочет ли еще Гитлер принять министра иностранных дел. Для немецкой стороны это было «сенсацией в нужном направлении», как заметил один из участников событий». «Франция и Италия были опять готовы применить более решительные меры и собрали... конференцию трех держав в Стрезе... Муссолини настаивал на том, чтобы остановить дальнейшие поползновения Германии, но представители Великобритании с самого начала дали понять, что их страна не собирается применять санкции».

По мнению А. Уткина, «это был конец попыток контроля над военным развитием Германии». Теперь политика умиротворения получала новое содержание. Уступать Германии было уже нечего, умиротворение стало возможно осуществлять только за счет территорий в Европе. У. Додд в те дни отмечал: «Почти все американцы считают, что Германия идет к войне». Аналогичного мнения был, очевидно, и британский посол Фиппс, который писал американскому послу в Париже, что «считает Гитлера фанатиком, который успокоится, разве что добившись господства над Европой». В разговоре со своим американским коллегой в Берлине он утверждал, что Германия не начнет войну ранее 1938 года, но что «война — это ее цель».

В это время Гитлер решил очередной раз успокоить «мировое сообщество». 21 мая 1935 г. он выступил с одной из своих самых миролюбивых речей: «Кровь, лившаяся на Европейском континенте в течение трех последних столетий, не привела к каким бы то ни было национальным изменениям. В конце концов, Франция осталась Францией, Польша Польшей, а Италия Италией». Войны в Европе, таким образом, бессмысленны: «Война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации... Германии нужен мир, она жаждет мира!» А с точки зрения идеологии нацизма территориальные захваты бессмысленны вдвойне: «Наша

расовая теория считает любую войну, направленную на покорение другого народа или господство над ними, затеей, которая рано или поздно приводит к ослаблению победителя изнутри и в конечном счете — к его поражению... Германия торжественно признает границы Франции, установленные после плебисцита в Сааре, и гарантирует их соблюдение... мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию — земли, из-за которых между нами велись две великие войны... Забыв прошлое, Германия заключила пакт о ненападении с Польшей. Мы будем соблюдать его неукоснительно. Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием».

У. Додд замечал по поводу этой речи: «Англичане, видимо, поверили обещаниям фюрера. Если и дальше так пойдет, то в ближайшие полгода не будет заключено действительного соглашения о разоружении, и Германия успеет лучше, чем теперь, подготовиться к нападению, как это имело место и в 1914 году». Лондон не только «поверил»... но и в июне, в ответ на франко-советский пакт заключил с Берлином свое соглашение, тем самым, по словам Папена, «Великобритания первой признала гитлеровский режим де-факто, заключив с ним военно-морское соглашение, которое находилось в прямом противоречии с Версальским договором».

Днем подписания пакта, отмечает И. Фест, избрали 18 июня, день, когда 120 лет тому назад англичане и пруссаки разбили французов у Ватерлоо. «Невел ревю» — орган британских ВМС писал по поводу пакта: «Хотя Франция и будет опасаться германо-английского договора, ей придется осознать, «что у Англии нет постоянных друзей, а есть лишь постоянные интересы». «Именно этим интересам, — отмечал И. Фест, — как полагали, отвечало бы признание британских претензий на господство на морях со стороны такой великой державы, как Германия, тем более на столь умеренных условиях, которые выдвинул Гитлер».

Эра Версаля, которая значила так много для Франции, отошла в любом случае в прошлое и, как говорилось в докладной записке Форин Оффис от 21 марта 1934 года, «если уж проводить похороны, то лучше сейчас, пока Гитлер настроен оплатить услуги похоронной конторы»».

В это время У. Черчилль, впервые за несколько лет, задумался о необходимости пробиться в правительство. «Растущая германская угроза вызвала у меня желание участвовать в работе нашей военной машины. Я теперь знал абсолютно определенно, что ждет нас впереди». У. Додд в то время записывал: «Немцы отмечают воскресные дни муштрой и военными учениями. Однако Гитлер постоянно твердит, что он не допустит войны. Возможно, кое-кого из этих бедняг страшит опасность общеевропейского конфликта, однако большинство из них уверено, что война возвышает немецкий характер. Война для них — единственный путь служения родине».

Мнение американского посла: «Если Гитлер останется у власти еще лет пять, вероятно, будет война». В конце года У. Додд отмечал: «Все военные и военно-морские специалисты здесь сообщают, что перевооружение Германии происходит исключительно быстро. Немцы создают величайшую в мире военную машину», и в это время «Англия и Франция предприняли шаг, который грозит расколоть Лигу». На этот раз вопрос касался Италии.

Эфиопия

По союзническому договору Италии за участие в Первой мировой войне на стороне Антанты были обещаны значительные колониальные компенсации за счет колониальных империй поверженных противников. Однако по Версальскому договору Италии не досталось почти ничего из того, что ей обещали союзники[1].

---

[1] Что, по мнению Клемансо и Пуанкаре, соответствовало ее вкладу в победу.

3 октября 1935 г. Италия без объявления войны напала на Абиссинию (Эфиопию)[1]. Эфиопия внесла протест в Лигу Наций. А. Иден увидел в агрессии Италии опасность британской колониальной империи и 11 апреля 1936 г. с трибуны Лиги Наций выступил за прекращение войны. В те дни американский посол в СССР Буллит докладывал в Вашингтон, что Литвинов был очень обрадован решением Великобритании применить санкции Лиги Наций. «Он [Литвинов] выразил убеждение, что англичане решили уничтожить Муссолини... что англичане устроят блокаду Суэцкого канала... Он предполагает, что, покончив с Муссолини, англичане покончат и с Гитлером».

Однако события разворачивались прямо противоположным образом. В декабре 1935 г. Англия и Франция, пытаясь удержать Италию в рамках бывшей Антанты, не посоветовавшись с другими членами Лиги Наций, встали на сторону Италии и заключили соглашение Хора — Лаваля, предусматривающее передачу Италии значительной части эфиопской территории. При этом У. Черчилль отмечал, что итальянские войска никаким путем, кроме контролируемого англичанами Суэцкого канала, не могли выйти к Эфиопии. Гигантские армады британских кораблей на рейде в Александрии, одним движением могли бы преградить путь итальянским транспортам[2]. Итальянские военно-воздушные силы по качеству и количеству значительно уступали британским.

Тем не менее У. Черчилль поддержал план Хора-Лаваля, дававший Муссолини все, чего тот желал. По мнению У. Додда, «идея о соглашении Хора — Лаваля была вызвана страхом Англии и Франции, как бы в случае падения Муссоли-

---

[1] Пограничный конфликт был спровоцирован Муссолини годом раньше, что дало ему повод обвинить Эфиопию в развязывании агрессии против Италии.

[2] Итальянский флот в то время равнялся лишь четверти британского.

ни в Италии не восторжествовал коммунизм. Я думаю, что это отчасти правильно и что нацистская Германия, конечно, хочет успеха Муссолини. Возможно, эти два диктатора уже заключили соглашение». Однако Англия еще пыталась соблюдать политес, и Хор был отправлен в отставку, на его место министром иностранных дел был назначен А. Иден, однако коренного изменения во внешней политике Великобритании не произошло.

Американский посол в то время отмечал: «В огромном дворце Лиги Наций в Женеве состоялись совещания Совета Лиги и стран Локарнского договора. Иден не смог, а Фланден, министр иностранных дел Франции, не захотел ничего сделать. Два диктатора счастливы, как никогда. Малые европейские страны... встревожены сильнее, чем когда-либо после окончания мировой войны. Австрия — следующая жертва Гитлера, а Египет — следующий объект вожделения Муссолини. По крайней мере, такой вывод напрашивается на основании имеющихся фактов. Англия и Франция... фактически уничтожили Лигу Наций — их единственную надежду избежать войны». Развитие ситуации привело к концу лета У. Додда к мнению, что «отказ от согласованных англо-французских действий против итальянской агрессии в Абиссинии... обрекает демократии в Европе на гибель».

К середине февраля 1936 г. в Африке уже находилось более 350 тысяч итальянских солдат, не считая полутора сотен тысяч вспомогательных сил. «Эта орава двигалась на 15 тысячах автомобилей, вооруженная десятком тысяч пулеметов, тремя сотнями танков, восемью сотнями орудий. Почти 2 тысячи радиостанций заливали африканский эфир непривычными для него радиоволнами». У эфиопов был десяток тысяч винтовок и сотня пушек. И все же итальянцев били. Они не смогли установить прочный контроль над страной при подавляющем военно-техническом превосходстве.

Опасность для Муссолини возникла вроде бы и с другой стороны. Лига Наций ответила на агрессию против своего члена экономическим эмбарго против Италии, однако среди десятков пунктов товаров, которые было запрещено ввозить в Италию, отсутствовал главный — нефть. Муссолини признавал, что если бы Лига Наций включила в список санкции «нефть, то мы вынуждены были бы вернуться из Эфиопии в течение восьми дней. Для нас это была бы катастрофа, которую трудно себе представить». Именно этот шаг — эмбарго на поставку нефти Италии — и предложил Литвинов с трибуны Лиги Наций. Но Лига не отреагировала на советское предложение. По словам У. Додда, отмена нефтяных санкций произошла под давлением нефтяных компаний и нескольких крупных предпринимателей в Лондоне: «Я убежден, что нефтяные компании оказали давление. На карту поставлены их интересы, особенно и в первую очередь интересы компании «Стандард ойл»..., а эти интересы в прошлом не раз были причиной чрезвычайных событий в Соединенных Штатах».

Поставки «нефти в итальянскую Африку быстро выросли в 30 раз! 75% нефти Италия получала от девятки государств — членов Лиги Наций...», главным образом из США, и в том числе из ... СССР. Помимо того «Англия, Франция, Германия, Австрия и США потоком слали дуче уголь, хлопок, никель и лес. Венгрия снабжала итальянцев салями, шпиком и окороками». Как пишет С. Кремлев: «Итальянские берсаль¬еры посмеивались и фотографировались с головами эфиопских офицеров-расов в руках. Даже сдержанные англичане из Красного Креста признавали: «Это не война, это даже не избиение. Это казнь десятков тысяч беззащитных мужчин, женщин и детей с помощью бомб и отравляющих газов». Впрочем, написавший это Д. Меллоу поделикатничал — по некоторым оценкам, погибло около миллиона».

«Некоторые офицеры, в том числе сыновья Муссолини Бруно и Витторио... хвастались, что они устраивали веселую охоту на целые толпы, сотни и тысячи людей и истребляли их зажигательными бомбами и бортовым оружием своих самолетов». Впрочем для европейцев агрессия Италии в Эфиопии была обычным колониальным завоеванием, которое ни по форме, ни по целям особо не отличалось от традиционной для Англии, Франции, Голландии и т.д. колониальной политики. Она осуществлялась ими на протяжении веков. Поэтому итальянская агрессия не вызывала не только протестов, но даже сколько либо значимого осуждения. Санкции же Лиги Наций были лишь политическим жестом призванным отдать дань меняющемуся миру[1].

Речь Литвинова в Лиге Наций вызвала яростную реакцию в Германии и Италии. В Генуе представителей советского торгпредства побили палками, в Ливорно — арестовали. У. Додд сообщал в те дни: «Лейпцигские и берлинские газеты полны статей о выступлениях Гитлера, Геббельса и Розенберга против коммунистов... ***Невольно поражаешься их речам и очевидному убеждению, что Германия и Италия должны принудить все народы объединиться с ними для свержения государственного строя в России, как будто одна страна имеет право диктовать другой, какое правительство она должна иметь у себя».***

В октябре Германия и Италия подписали протокол о взаимодействии во внешней политике. Несмотря на то что протокол был секретным, Муссолини публично заявил: «Это взаимопонимание, эта диагональ Берлин — Рим не есть линия раздела, но ось, вокруг которой могут объединиться все европейские государства, воодушевленные волей к сотрудничеству и миру». О каком мире и сотрудничестве говорил дуче, писал Геббельс: «У Муссолини отчаянное положение...

---

[1] Великобритания и Франция признают аннексию Эфиопии Италией в 1938 г.

Все началось на три года раньше, чем надо. Фюрер ясно видит ситуацию. Точно знает, чего хочет. Вооружать и готовиться. Европа вновь в движении. Если мы будет умны, останемся в выигрыше... Будущее народов не в нейтралитете, а в интервенции... Мы должны ждать и, если ничего не изменится, действовать».

В декабре советский полпред Штейн сообщал в Москву: «Сегодня «Пополо ди Рома» опубликовала статью, открыто призывающую Германию к нападению на СССР. На основании ряда признаков можно уже предвидеть, что возможность компромисса с Англией будет сопровождаться одновременно яростной атакой против нас. Пресса будет пытаться доказывать, что основным врагом является СССР, заинтересованный в санкциях в целях свержения фашистского режима».

Рейнская область

Рейнская демилитаризованная зона появилась благодаря Версалю. На конференции Париж, в качестве одной из мер, направленных на обеспечение безопасности страны, потребовал включить Рейнскую область в состав Франции. Против выступили президент США и премьер-министр Англии, в обмен они предложили создать демилитаризованную зону и свои гарантии безопасности Франции[1].

12 февраля 1936 г. Франция ратифицировала франко-советский пакт. Гитлер заявил, что в ответ на этот враждебный акт западная полоса за Рейном для укрепления обороны страны будет занята немецкими войсками. 7 марта три батальона немецкой пехоты церемониальным маршем пе-

---

[1] США не ратифицировали Версальского договора, а следовательно, отказались и от своих гарантий.

решли мосты и заняли демилитаризованную Рейнскую область. В тот же день Гитлер выступил с речью в рейхстаге, в которой оправдывал ввод войск в Рейнскую область. По словам И. Феста, она «была шедевром демагогической игры на противоречиях, страхах, желании мира, характерных и для Германии, и для Европы. Он пространно живописал «ужасы интернациональной коммунистической диктатуры ненависти», опасности с Востока, которая при попустительстве Франции нависла над Европой...» Гитлер вновь говорил о мире и о неравноправном положении Германии. Он предложил заключить соглашение о демилитаризации обоих берегов Рейна. Гитлер также заявил, что из-за франко-советского пакта намерен расторгнуть Локарнский договор, вернуться в Лигу Наций, договориться об ограничении авиационных вооружений и потребовал возврата германских колоний.

Франко-советский пакт привел к подрыву экономических отношений СССР и Германии. На вечере в советском посольстве, месяц спустя, У. Додд, озабоченный выплатой германских долгов своей стране, отмечал: «Гостей было много, среди них лишь несколько немцев, причем все — неофициальные лица. Это достойно сожаления, так как немцы очень нуждаются в продаже товаров России на золото. Однако выпады Гитлера против России в официальной речи 7 марта уже привели к прекращению торговых переговоров с советской делегацией...»

Тогда же — 7 марта — министр иностранных дел Франции Фланден потребовал от премьер-министра Англии Болдуина подтверждения союзнической солидарности. На что Болдуин ответил: «Если существует хотя бы один шанс из ста, что за вашей полицейской операцией последует война, я не имею права вовлекать в нее Англию». 13 марта Черчилль записал: «Если международный суд найдет, что претензии Франции справедливы, и в то же время не взыщет

средств удовлетворения претензий Франции, тогда коллективная безопасность окажется призраком». Потерпев поражение в своих попытках мобилизовать общественное движение за вывод немецких войск, Черчилль заявил в палате общин: «Мы не можем гордиться нашей внешней политикой последних пяти лет, безусловно, это были годы несчастий...»

Против захвата Рейнской области 17 марта на сессии Лиги Наций официально выступил только Литвинов: «Единственным достойным ответом Гитлеру явилось бы всемерное укрепление коллективной безопасности, включая и те меры репрессии в отношении Германии, на которые сочла бы возможным пойти Лига Наций».

19 марта последовало заявление Советского правительства: «Вся помощь, необходимая Франции в связи с возможным нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не содержит никаких ограничений в этом отношении, была бы оказана со стороны Советского Союза». Американский посол в России Буллит поинтересовался, действительно ли Красная Армия выступит против Германии в поддержку Франции. «Это будет просто, — ответил Литвинов, — по сравнению с тем, как трудно будет заставить французскую армию выступить против Германии в поддержку Советского Союза».

В тот же день 19 марта Великобритания, заключив соглашение с Францией, впервые после Первой мировой войны согласилась взять, хоть и ограниченные, военные обязательства в отношении другого государства. Разъяснение понятия «ограничений» дал английский посол Э. Фиппс: «Франция может ворваться в Германию через ее западную границу, но Англия не поддержит такой шаг. Германия изо всех сил готовится к агрессии на востоке, но Англия и здесь ничего не предпримет». У. Додд по этому поводу заметил: «Тогда возникнет новая Европа: Франция потеряет свое

влияние, Британская империя развалится, а Германия будет господствовать над всем». Но, очевидно, подобный риск в данный момент интересовал английское правительство в меньшей степени. Главной целью британских ограниченных обязательств, по мнению Л. Эмери, было стремление убедить Францию, «не искать поддержки России».

С аналогичным предложением выступил американский посол Буллит. «Он рекомендовал Соединенным Штатам поддержать Францию в ее политике умиротворения Германии, чтобы ***тем самым изолировать Советский Союз».*** Буллит «также решил, по собственному усмотрению, заняться антисоветской кампанией в Москве. Он выражал протесты, устраивал интервью для прессы, в которых нападал на советские власти и призывал других послов занять антисоветскую позицию. «Я делал все что мог, — вспоминает он, — чтобы создать неприятные условия»». Но, по словам Дж. Кеннана, у Рузвельта «не было никаких намерений одобрять» позицию Буллита.

Англо-французское соглашение оставило Францию один на один с немецким вторжением. Но французы вполне могли нанести ответный удар сами. В этом случае, как заявлял впоследствии фюрер, «нам пришлось бы уйти, поджав хвост, так как мы не располагали военными ресурсами даже для слабого сопротивления». «Мы были, — вспоминал Йодль, — в положении игрока, который поставил все свое состояние на одну карту. Германская армия была в этот момент наиболее слаба, так как сто тысяч солдат рейхсвера были распределены в качестве инструкторов ко вновь формируемым частям и не представляли собой организованной силы». Бломберг, по его словам, «был в ужасе. Мне казалось, что… Франция будет реагировать немедленно военной силой. Редер и Геринг разделяли мои опасения...» Ж. Мандель подтверждал: «Немцы... входили в зону, как во вражескую страну, оглядываясь и пугаясь каждой тени».

Но Франция, обладавшая 13 дивизиями на границе и десятками дивизий в тылу, не решилась вступить в бой. Еще до захвата Рейнской зоны Германией Фланден спрашивал военных, какие меры могут быть предприняты в случае вторжения немецких войск. Военный министр генерал Л. Морен тогда доложил, что французская армия полностью неспособна к каким-либо наступательным операциям. Публицист А. Жеро-Пертинакстак в то время придавал этим словам образное звучание: «Французский военный аппарат не обладает гибкостью. Пускать его в ход частично — значило бы рисковать общей аварией».

Ограниченность возможностей французской армии предопределялась и тенденциями снижения ее численности. Так, призыв 1936 г. составил всего 112 тыс. чел, тогда как 1934 г. — 226 тыс. Совещание французского правительства 7 марта в связи с этим пришло к выводу, что любая эффективная военная акция требует всеобщей мобилизации, что было бы безумием — оставалось всего 6 недель до всеобщих выборов. «Если у страны нет армии, соответствующей ее политике, она должна иметь политику, соответствующую ее армии», — замечал по этому поводу Р. Рекули. Этой политикой стала политика «умиротворения», отвечавшая пацифистским настроениям в обществе. Она соответствовала интересам и правых кругов, которых больше всего волновала угроза того, что лишения войны приведут к укреплению позиции левых сил. В итоге Даладье заявлял: «Уверяю вас, ни при каких обстоятельствах я не вступлю в войну».

Были и другие причины подрывавшие воинственный дух французов. По словам М. Джордана, «в данном случае решающую роль сыграли финансовые соображения». Из-за экономического кризиса Франция была на грани банкротства. Негативное отношение к противостоянию с Германией выразили и некоторые деловые круги, например в Комите де Форж (крупнейшем машиностроительном тресте), что

было вполне объяснимо, если учесть, что, например, трест де Ванделя в начале 1936 г. продавал Германии до 500 тыс. т железной руды.

Позицию Великобритании на Совете Лиги Наций объявил А. Иден: поскольку последние события «не затрагивают жизненно важных британских интересов», Англия не собирается на них реагировать. Рейнская зона создавалась в основном ради безопасности Франции и Бельгии, так пусть те сами и решают, «какую цену готовы они заплатить за ее сохранение...» Лорд Лотиан дополнил: «Гитлер всего лишь возвратил свой собственный приусадебный сад».

Но «восстановление исторической справедливости» было в данном случае лишь кажущимся. Бездействие гарантов Версальской системы в рейнском кризисе нанесло сокрушительный удар по системе европейской безопасности. Так, голландский посланник в Берлине был уверен, что гитлеровская политика «направлена на захват Балкан и балтийской зоны. Нейтрализация Рейнской области, как это предлагает Гитлер, распространяется на узкую территорию… шириной по тридцать миль в обе стороны от Рейна. При таком положении Франция не сможет вмешаться, когда Германия захватит Чехословакию, Австрию, Литву или Эстонию… в этом заключается план Гитлера...». Голландец был не единственным, кто пришел к подобным выводам. Задолго до знаменитой речи Черчилля в Фултоне о «железном занавесе» М. Джордан писал: «Захват демилитаризованной зоны опустил железный занавес между Францией и ее союзниками в Центральной Европе». Французский обвинитель на Нюрнбергском трибунале позже признает, что захват Рейнской зоны и строительство линии Зигфрида парализовали возможность Франции прийти на помощь своим восточным союзникам, что стало «прелюдией к агрессивным действиям против Австрии, Чехословакии и Польши». Биограф Черчилля Дж. Чамли по этому поводу заметит: «Франция фактически бросила на чашу весов сво-

ей политики судьбы малых стран Европы, находившихся в орбите французского влияния...»

По словам очевидца событий У. Ширера: «Вскоре союзники на Востоке начали понимать, что даже если Франция не останется столь бездеятельной, она не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке возводит на франко-германской границе Западный вал. Сооружение этого укрепления, как понимали восточные союзники, очень быстро изменит стратегическую карту Европы, причем не в их пользу. Вряд ли они могли надеяться, что Франция, которая, имея сто дивизий, не выступила против трех батальонов, бросит своих молодых солдат проливать кровь на неприступные немецкие укрепления, в то время как вермахт начнет наступление на Восток». У. Додд в то время с тревогой говорил: «Если балканские народы, численностью 80 миллионов человек, не найдут пути к объединению, они лишатся независимости».

В феврале 1936 г. У. Додд записывал: «Лишь слепые могут не видеть, что нацисты проникнуты воинственным духом... Мне непонятно, как думает Европа обуздать 68 миллионов немцев, жаждущих новой войны. Если все страны объединятся и вооружатся до зубов, это может отсрочить войну, но не сделает ее невозможной. Если сплоченный фронт не будет создан, результатом будут захваты на востоке, западе и на севере, создание германского рейха с населением в 90 миллионов человек. Французский и английский народы в подавляющем большинстве настроены пацифистски, и немцы знают это. Позиция Соединенных Штатов также пацифистская, но пацифизм приведет к большой войне и к порабощению Германией всей Европы, если только миролюбивые народы не будут действовать смело в этот критический момент их истории». Спустя несколько дней У. Додд продолжит: «Эта история еще больше укрепила меня в том, что программа окружения, если она будет поддержана всеми государствами, граничащими с Германией на востоке

и западе, а также Англией, Францией и Россией, — почти единственная надежда на мир для Европы».

В июне У. Черчилль восклицал: «КАК ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ? Несомненно, это самый главный вопрос, который должен занимать умы человечества. По сравнению с ним все другие человеческие интересы второстепенны, а другие темы — незначительны. Почти все страны и большинство людей в каждой стране больше, чем чего-либо другого, желают предотвратить войну». По мнению У. Ширера, «в марте 1936 г. две западные державы имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили». 1 декабря 1941 г. первый заместитель госсекретаря по иностранным делам Великобритании Кадоган запишет в дневнике: «Отдает ли себе Иден отчет в том, что *он* (курсив Кадогана) несет ответственность за великое и трагическое «умиротворение», не приняв ответных мер в связи с оккупацией Германией Рейнской области в 1936 году? Как ему везет. Никто никогда не упомянул об этом, а именно это было поворотным пунктом».

Франция же тем временем продолжила совершенствовать линию Мажино. Ш. де Голль так видел ее предназначение: «Вооруженная нация, укрывшись за этим барьером, будет удерживать противника в ожидании, когда, истощенный блокадой, он потерпит крах под натиском свободного мира». Интересно кого де Голль подразумевал под свободным миром, который должен был идти умирать за Францию?

Очередной проверкой, отражающей подлинные интересы сторон, стоящие за фасадом их внешнеполитического политеса, стала Испания.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ И АНШЛЮС АВСТРИИ

No pasaran!

В июле 1936 г. в Испании вспыхнул мятеж генерала Франко, направленный на свержение избранного в феврале того же года социалистического правительства. На помощь Франко пришли Германия и Италия. Испанское правительство обратилось за помощью к Лиге Наций. А. Симон, присутствовавший на том заседании Совета Лиги, вспоминал: «Республиканская Испания требовала применения 16-й статьи устава Лиги, предусматривающей коллективную помощь против агрессии. Лорд Галифакс в весьма холодном тоне заявил, что Великобритания не намерена присоединиться к предложению испанского делегата... «Нет», произнесенное среди мертвой тишины лордом Галифаксом и Ж. Боннэ, прозвучало, как пощечина... Один только советский представитель поддержал республиканскую Испанию». Причины «Нет» председателя палаты лордов, заместителя премьер-министра Англии и министра иностранных дел Франции проявились довольно скоро:

Франко провозглашал: «Наша война… Это крестовый поход... — война религиозная. Мы, все, кто ведет сражение… солдаты Бога, и мы сражаемся не против людей, а против атеизма и материализма». Своей целью он ставил ***«крестовый поход за освобождение Испании от безбожных московских орд».*** Что касается Италии и Германии, то

«причина вмешательства Италии повторялась итальянскими дипломатами в течение всей гражданской войны: Италия «была не готова к появлению коммунистического государства» в Испании»». В свою очередь, Вайцзеккер, глава политического департамента германского МИДа, отмечал: «Цель Германии, так же как и Италии, одна. Мы не хотим коммунистической Испании». Министр иностранных дел Германии Нейрат: «Мы никогда не допустим победы в гражданской войне теперешнего правительства Испании. Это — коммунизм, а мы никогда не допустим этого ни в одной европейской стране».

Сам Гитлер заявлял, что война Франко это война против коммунизма, «старого, заклейменного каиновой печатью врага человечества». Гитлер живописал «жестокую массовую расправу с офицерами-националистами, сжигание облитых бензином офицерских жен, истребление детей, в том числе и грудных, чьи родители были из националистического лагеря». Он предрекал такие же ужасы Франции, где у власти было правительство Народного фронта. А. Розенберг, глава политического отдела НСДАП, в очередной своей речи нападал на «коммунистическую систему и предупреждая об опасности, угрожающей всей западной цивилизации. Но он не нападал на демократические страны». Почему?

Весной того же 1936 г. во Франции на всеобщих выборах победил Народный фронт, во главе правительства встал социалист Л. Блюм. «Вскоре начались забастовки и захваты заводов. Британским тори, по словам М. Карлея, казалось, что Франция погружается в пучину социализма. Французским консерваторам казалось, что за фасадом Народного фронта скрываются коммунисты. Доклады британских дипломатов из Парижа представляли собой гнетущее чтение для Форин Офиса». В августе 1936 г. Иден пометил на одном из докладов: «Когда читаешь это сообщение, прямо-таки чувствуешь, как Франция «краснеет»...» В сентябре британ-

ское посольство в Париже представило доклад о «советизации во Франции». Но «если Народный фронт лишил тори равновесия, то испанская гражданская война просто выбила из колеи» — отмечает М. Карлей. Масла в огонь подливала «Нью-Йорк таймс», утверждавшая, что при победе республиканского правительства очень скоро к власти могут прийти коммунисты.

Сам «Блюм опасался, что активная поддержка Испанской Республики будет способствовать радикализации политической обстановки в самой Франции, в результате чего социалистам придется уступить руководящую роль компартии, которая особенно решительно требовала оказания помощи законному испанскому правительству». Аналогичного мнения был и Гитлер, о чем говорят его слова, сказанные Риббентропу: «Если создать коммунистическую Испанию действительно удастся, то при нынешнем положении во Франции большевизация и этой страны тоже всего лишь вопрос времени... Тогда нас заклинивают между мощным советским блоком на востоке и сильным франко-испанским на западе... мы не можем здесь рисковать. Тем более, что со времени появления крупного социального вопроса нашего века текущую политику надо подчинять его интересам. Речь идет о будущей судьбе нацизма как альтернативы большевизму...» Кадоган спустя несколько лет писал, осуждая французский Народный фронт 1936 г. и «красное» правительство в Испании: «...миллионы людей в Европе (я не исключаю и себя) до сих пор думают, что эти вещи были ужасны».

Даже У. Черчилль, несмотря на свою антиправительственную риторику, в испанском конфликте встал на сторону правительства: «Нам предстоит бороться против зверя социализма, и мы будем в состоянии справиться с ним куда более эффективно, если будем действовать как единая стая гончих, а не как стадо овец». О составе этой стаи гончих Дж. Оруэлл писал: «Самое непостижимое в испанской войне —

это позиция великих держав… Самым подлым, трусливым и лицемерным способом английские правящие классы отдали Испанию Франко и нацистам. Почему? Самый простой ответ: потому что были профашистски настроены. Это, вне сомнения, так...»

Близкого мнения, по всей видимости, был и У. Додд. Так, после очередной встречи с английским послом Э. Фиппсом, американский отмечал: «Я обнаружил в нем больше симпатий к фашистской клике в Испании, чем прежде. Теперь я убежден, что он почти фашист, как и Болдуин и Иден». Говоря о другом представителе правящего класса Британии, У. Додд, отмечал: «Лорд Лотиан, в прошлом Ф. Керр, секретарь Ллойд Джорджа во время мировой войны… (теперь) восхвалял Гитлера... Он кажется мне самым закоренелым фашистом из всех англичан, с которыми мне приходилось встречаться». Аналогичных взглядов придерживался другой американский посол — Дэвис, который воспринимал англичан как антисоветчиков. Французский посол в Берлине Р. Кулондр выражался мягче, он «не одобрял точку зрения англичан на нацизм…».

Дж. Оруэлл, вернувшись в Англию после участия в гражданской войне в Испании, писал: «…Не верьте ничему, или почти ничему из того, что пишется про внутренние дела в правительственном лагере. Из каких бы источников ни исходили подобные сведения, они остаются пропагандой, подчиненной целям той или иной партии,— иначе сказать, ложью. Правда о войне, если говорить широко, достаточно проста. Испанская буржуазия увидела возможность сокрушить рабочее движение и сокрушила его, прибегнув к помощи нацистов, а также реакционеров всего мира. Сомневаюсь, чтобы когда бы то ни было удалось определить суть случившегося более точно. Помнится, я как-то сказал Артуру Кестлеру: «История в 1936 году остановилась»,— и он кивнул, сразу поняв, о чем речь».

«Страсти разгорались как политические, так и экономические. Испания экспортировала в деньгах не так уж и много — примерно... на 40 млн. долларов. Но она давала 45% мировой добычи ртути, более 50% пирита, поставляла железную руду, вольфрам, свинец, цинк, серебро. Тут прочно обосновались капиталы Англии и Франции (включая обе ветви Ротшильдов). Выходит, и капиталы Соединенных Штатов. Социализм в Испании, — отмечает С. Кремлев, — такой компании был ни к чему, не допускалась даже малейшая его угроза. Буллит, перебравшийся из московского посольства США в парижское, недаром нажимал на французского министра иностранных дел Дельбоса, чтобы Франция, не дай бог, не помогла Испании». «Арифметика простая, — пишет С. Кремлев. — Акция английской компании «Рио Тинто» накануне мятежа стоила 975 франков, во время наступления фалангистов каудильо на Мадрид — 2600, после успехов итальянцев под Гвадалахарой —3400, а после их поражения там — 2500 франков. Как только фалангисты заняли Бильбао, английская «Орконера» возобновила вывоз оттуда железной руды, а Франко получил кредит в миллион фунтов стерлингов».

Правда, в данном вопросе интересы Лондона и Парижа пересекались с устремлениями Германии и Италии. Последние также претендовали на получение своей доли. Они требовали от Франко экономических компенсаций за оказанную помощь в виде режима наибольшего благоприятствования и передачи им горнорудной промышленности[1]. Гитлер заявлял, что «поддерживает Франко лишь для того, что бы получить доступ к испанским залежам железной руды».

Еще более серьезно интересы стран пересекались в вопросе о Гибралтаре — ключе от Средиземного моря, а сле-

---

[1] В 1937 г. Германия импортировала из Испании 1,6 млн. т металла, 0,96 млн. т пиритов. В конце 1937 г. ежемесячный импорт Германии из Испании составлял 10 млн. марок. *(Хью Т.* С. 421—422)

довательно, от всей Северной Африки и Ближнего Востока. Кто владел этим ключом, тот господствовал в регионе. Италия и Германия в случае успеха становились первыми претендентами на англо-французское колониальное наследство. В этой связи, например, Ллойд Джордж выступал в поддержку республиканского правительства, заявляя своим избирателям: «Вы патриоты или нет? Вы хотите победы Франко? Вы хотите, чтобы наши коммуникационные пути зависели от милости Италии и Германии? Или вы совершенно забыли об интересах империи?» Эта угроза поколебала даже антисоветские настроения официального Лондона и Парижа. Полпред СССР в Берлине Суриц в то время докладывал: «Безмерное злоупотребление советской угрозой, принявшее особенно неслыханные размеры в связи с испанскими событиями, значительно притупляется от того бесспорного факта, что германская агрессия последнего времени в первую очередь задевает интересы западных стран». Планы Гитлера между тем шли еще дальше — ведь фашистская Испания завершала окружение Франции. Не случайно меморандум германского МИДа гласил: «Европейский конфликт, в котором ось Берлин — Рим будет противостоять Англии и Франции, приобретет совершенно иной вид, если сильная Испания присоединится к оси Берлин — Рим».

Официальный Лондон и Париж не могла не тревожить активность Гитлера и Муссолини в делах Франко, но без них невозможно было подавить распространение социализма. Так, советник немецкого посольства в Мадриде Швендеман сообщал: «Развитие обстановки в начале мятежа... отчетливо свидетельствует о растущей силе и успехах правительства и о застое и развале у мятежников». Недаром Франко сразу запросил помощи у Гитлера и Муссолини. Даже спустя год, 22 мая 1937 г., Франко признавал, что если согласиться на перемирие, то свободные выборы приведут к созданию «левого правительства», а это будет означать конец «белой Испании».

Чемберлен по этому поводу позже напишет: «Я обдумал всевозможные формы ответных действий, и мне абсолютно ясно, что ни одна из них не будет эффективной, если мы не собираемся воевать с Франко... Конечно, может дойти и до этого, если он окажется совсем глупым». Идеальное решение дилеммы для Англии высказал Иден — обеспечить победу Франко, после чего добиться соглашения о выводе итальянских и немецких войск.

Париж, в отличие от Лондона, не имел времени на раздумья, он должен был предпринимать решительные действия с первых дней. И Париж действовал. С самого начала, пока силы мятежников были невелики, и, по мнению французских военных, хватило бы 50 самолетов, чтобы их остановить, Франция отказалась отдать испанскому правительству эти самолеты, оплаченные задолго до мятежа. 8 августа правительство Блюма официально запретило вывоз самолетов и вооружения в Испанию. Мало того, Франция обратилась к другим странам заключить соглашение о «невмешательстве», который на деле санкционировало интервенцию Италии и Германии в Испанию. Но формальных поводов для отказа не было, и 9 сентября был создан Международный комитет по невмешательству, в который вошли 27 государств, в том числе и СССР.

Правда, «русские были готовы обсудить пути и способы помощи республиканской Испании и договориться о необходимых мероприятиях на тот случай, если оказание помощи Испании привело бы к всеобщему конфликту...». Но предложения советского правительства, сделанные еще до соглашения о невмешательстве, были отклонены. «Мотивы Сталина, заставлявшие его присоединиться к соглашению о невмешательстве, — по мнению Т. Хью, — заключались главным образом в желании вступить в альянс с Францией и Англией». Отношение Франции к этому вопросу вполне определенно в октябре 1936 г. продемонстрировал Леже, кото-

рый «намекнул советскому поверенному в делах, что франко-советские отношения могут пострадать, если Советский Союз не будет придерживаться менее агрессивной политики в Испании».

Были и другие причины, по которым СССР вступил в комитет по невмешательству. О них Сталину докладывал замнаркома иностранных дел Н. Крестинский: «Мы не можем не дать положительный, или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам». 28 августа 1936 г. Сталин запретил экспорт военного снаряжения в Испанию.

Между тем поставки оружия Германией и Италией националистам продолжались. В ответ 24 октября НКИД заявил, что СССР не может считать себя «связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из участников». Соглашение превратилось «в ширму, прикрывающую военную помощь мятежникам», и СССР будет считать себя свободным от обязательств, если немедленно не прекратится помощь Франко со стороны Германии и Италии. Сталин возобновил поставки оружия республиканцам, и в критические дни ноября, по мнению Т. Хью, именно организованная международная поддержка коммунистов, т.е. Коминтерна и СССР, спасла Мадрид.

Англия и Франция тем временем шли своим путем. По словам Т. Хью: «При Чемберлене британское правительство стало искать способы умиротворения Гитлера и Муссолини куда более активно, чем при Болдуине». Против выступал один Ллойд Джордж, который предостерегал свое правительство от участия в «воровской сделке между диктаторами». Он заявлял, что для Англии лучше начать войну теперь, чем позорно капитулировать перед фашизмом. Но правительство Чемберлена продолжало проводить свою политику, стремясь «умиротворить» Муссолини и Гитлера «любой ценой».

Галифакс в то время уверял Г. фон Дирксена, что Британия «ни в коем случае не желала бы вызвать неприязненных чувств в Германии».

Одним из шагов политики «умиротворения» стал предложенный Англией план за контролем политики невмешательства, т.е. попыткой установить «эффективный контроль, после чего прекратить снабжение Испании». Республиканцы сочли эти действия за оскорбление: «Мало того, что Германия и Италия без всяких препон доставляли оружие националистам, так теперь они получают право препятствовать таким поставкам. Законченное издевательство». Оружие Германия и Италия поставляли через Португалию, где диктатор Салазар активно поддерживал Франко. Когда же 13 мая на Совете Лиги Наций Советский Союз призвал к пересмотру политики невмешательства и призвал к действиям, то против проголосовали *Англия, Франция, Польша и Румыния,* остальные девять держав, входивших в Совет, воздержались. Республиканцы были обречены. Между тем, по мнению американского посла, именно «победа республиканцев в Испании может приостановить процесс установления диктаторских режимов в Европе и привести к падению Гитлера и Муссолини».

Сами США тем временем формально также присоединились к политике «умиротворения», проголосовав за Акт о запрете поставок оружия в Испанию. Он сразу получил одобрение Франко и Гитлера. В Сенате против акта выступил только сенатор Най. В палате представителей также только один человек проголосовал против. «Этот инакомыслящий, Бернард, заявил, что данный акт лишь формально нейтральный а на деле «мешает демократической Испании воспользоваться ее законными международными правами в то время, как ее атакуют орды фашистов»». У. Додд, находившийся в Берлине, признавал, что «американский нейтралитет означает германо-итальянское господство в Испании.

Это, по-видимому, так и будет, если только Франция не пошлет десятки тысяч солдат и сотни самолетов в Мадрид».

Следующим шагом на пути «умиротворения» стал подписанный 16 апреля 1938 г. англо-итальянский пакт о Средиземноморье, согласно которому Италия обязалась вывести свои войска из Испании после окончания войны. На этот раз даже У. Черчилль[1] не выдержал и заявил Идену: «Это полный триумф Муссолини, который получил наше сердечное согласие на укрепление своих позиций в Средиземноморье, направленных против нас, на военные действия в Абиссинии, на насилие в Испании». Даладье не отставал от своих островных соседей и, следуя политике умиротворения отменил планировавшееся еще в 1936 г. заключение технических соглашений с СССР, поскольку опасался, что подобные мероприятия дадут немцам повод говорить об окружении Германии.

«После Мюнхенского соглашения, — отмечает Т. Хью, — стало ясно, что Англия и Франция никогда не вступят в войну ни из-за Испании, ни из-за какой-либо другой страны». Мюнхен развязал немцам руки, до него они были убеждены, что их серьезное вмешательство в испанский конфликт перерастет в общеевропейскую войну. В решающие дни Германия начала массированные поставки вооружения в Испанию.

Франция же наоборот закрыла границу с Испанией, а итальянские подлодки топили советские корабли с оружием для республиканцев. В итоге к концу 1938 г. сложилась ситуация, о которой Д. Ибарури писала: «Соотношение вооружений республиканцев к франкистам по самолетам 1:15, по артиллерии 1:30, по танкам 1:35, по пулеметам 1:15. В то время как слабо вооруженные республиканские солдаты, истекая кровью, сдерживали натиск вооруженного до зубов врага, во Фран-

---

[1] К середине 1938 г. У. Черчилль уже проникся симпатиями к республике.

ции лежали закупленные испанским республиканским правительством пулеметы, орудия, самолеты, которые французские власти не разрешали перевезти в республиканскую Испанию»[1]. Впрочем и до этого, как вспоминал позже адмирал Н. Кузнецов: «Транспортировка военных грузов по территории Франции требовала наших значительных усилий, а нередко и «жирной смазки» чиновников железных дорог».

За всю войну стороны поставили сравнимое количество оружия. Следует учитывать, что кроме СССР оружие республиканцам поставляла Мексика, частные лица и компании из Америки, Англии и других стран[2].

Поставки вооружения в Испанию (имеющиеся данные)

	орудия	танки	авто-машины	само-леты	винтовки, тыс. шт.	пулеметы	патроны, млн. шт.
Италия	2000	700	12 000	1000	240	10 000	325
Германия	700	200	н/д	650	н/д	н/д	н/д
СССР*	1555	362	120**	806	500	15 000	862

* Поставки советского оружия оплачивались за счет золотого запаса Испании. 510 т испанского золота прибыло в Одессу 5 ноября 1936 г. Т. Хью утверждает, что СССР воспользовался испанским золотом в своих целях. Однако, когда этот запас к концу 1938 г. был исчерпан, СССР продолжил поставки в счет кредита в 85 млн. долл., который он предоставил республиканцам.

** Бронемашин.

---

[1] В то время в Марселе находилось 10 тыс. пулеметов, 600 самолетов, 500 орудий... поставленных СССР, однако французское правительство отказалось пропустить их через свою границу, а доставка морем была невозможна из-за морской блокады националистов. (*Хью* Т. С. 537).

[2] СССР был вынужден помогать и на другом конце мира. 7 июля 1937 г. началась борьба Китая против японского вторжения. Советские летчики-добровольцы сражались в китайском небе. К марту 1938 г. СССР поставил в Китай 282 самолета. Чан Кайши писал Сталину: «Вопрос с самолетами не терпит отлагательства. В настоящее время в Китае не осталось и десяти легких бомбардировщиков». 82 советских танка Т-26 составили первую китайскую механизированную дивизию. (*Кремлев С.* Путь к пакту. С. 199).

Проблема на этот раз была в другом, не в оружии, а в уровне профессионализма в его использовании. На помощь Франко Гитлер и Муссолини бросили регулярную армию. Германия — легион Кондор — 50 тыс. солдат, Италия — 150 тыс. солдат. Против них в интербригадах сражалось примерно 40 тыс. добровольцев 35 национальностей, большей частью не имевших профессиональной военной подготовки. Как пишет Т. Хью, скоро «идеалы добровольческой армии вступили в болезненное столкновение с потребностями войны... Жестокий режим был чужд идеализму, и у молодых англосаксонских и скандинавских романтиков вызывал отвращение. К этому они не были готовы». Исключение составляли, пожалуй, только советские военспецы, но их количество не превышало 3,5 тыс. человек. Костяк республиканской армии составляла прежняя милиция. Мятеж же Франко опирался на регулярную испанскую армию. Отмечая этот факт Ф. Конде говорил Франко в 1938 г.: «Если бы не регулярные войска, я очень сомневаюсь, были бы вы сейчас на этом месте».

Тем временем Франция передала франкистам на 7,5 млн. ф. ст. золота республиканцев, хранившегося в банках Франции, оружие интернированной во Франции республиканской каталонской армии, и т.д. в обмен на заверения франкистского министра иностранных дел Хорданы, что иностранные державы будут не допущены во внутренние дела Испании. 9 февраля 1939 г. английский крейсер «Девоншир» поддержал франкистский десант на остров Менорка, а 27 февраля Англия и Франция разорвали дипломатические отношения с Республикой и признали Франко. Причину объясняла газета «La Republique»: «Признавая Франко, мы получаем право надеяться на то, что в более или менее короткий срок он попытается уйти из-под влияния своих прежних союзников. Не признавая его, мы определенно имели бы его против нас».

Папа римский по случаю, победы Франко послал ему свое приветствие: «Обращая наши сердца к Богу, мы приносим искреннюю благодарность Вашему сиятельству за победу католической Испании». 1 апреля Франко признали США. Единственной из великих держав, не признавшей Франко была Советская Россия.

После окончания войны Франко развязал жестокий террор против республиканцев. В тюрьмы было брошено до 2 млн. человек, более ста тысяч убито. В ответ на обвинения в отсутствии реакции на этот террор со стороны английского правительства, первым признавшего Франко 9 марта 1939 г., Галифакс заявил в палате лордов, что ни одна страна, кроме Испании, не может судить, виновен ли хоть один испанец в преступлениях или нет. Кроме этого британская помощь в эвакуации республиканцев, по словам министра иностранных дел, осложнила примирение с победителями.

Официально признавая Франко, Чемберлен не известил об этом даже палату общин. И не случайно против признания выступили лейбористы и либералы. Эттли: «В этом поступке мы видим откровенное предательство демократии, завершение двух с половиной лет лицемерной политики невмешательства, которая на самом деле потворствовала агрессии. И это всего лишь один шаг по пути, на котором правительство его величества не просто продавало, а предавало постоянные интересы своей страны. Оно ничего не делало, чтобы восстановить мир или прекратить войну, а заявляло всему миру, что тот, кто не будет применять силу, всегда будет удостоен дружбы британского правительства».

Голландский посланник был потрясен случившимся: «Возможно, в нашей жизни уже не будет счастливых дней. Все лишились рассудка. Англичане за последние три года совершили величайшие ошибки в своей истории!» Посланник продолжал: «Мы все убеждены, что Германия в подходящий для себя момент намерена аннексировать нашу

страну, а также Швейцарию и другие страны, где в Средние века германские народы жили или оставили свое потомство… Если ваша страна (США), Англия, Франция и Россия не будут действовать совместно, чтобы сохранить мир, новая мировая война станет неизбежной».

Осенью 1938 г. появилась статья В. Гальянова «Международная обстановка второй империалистической войны». Под этим псевдонимом скрывался заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин. Статья отражала внешнеполитическую доктрину Советского Союза, которая исходила из того, что Вторая мировая война уже началась. В том же году офицер германского ВМФ Г. Клотц начинал написанную по горячим следам книгу «Уроки гражданской войны в Испании» словами: «На испанской территории идут первые бои новой европейской войны, которая без всякого объявления идет уже полным ходом». А в 1939 г. выходит книга начальника отдела боевой подготовки Красной Армии С. Любарского «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании». Начиналась книга фразой: «Боевые действия на испанском участке второй империалистической войны закончились».

5 октября 1937 г. Рузвельт произнес так называемую «карантинную речь», означавшую начало отхода от официального изоляционизма: «К сожалению, эпидемия беззакония распространяется. Отметьте это себе хорошенько! Когда начинается эпидемия заразной болезни, общество решает объединиться и установить карантин больных, чтобы предохранить себя от болезни». А. Шубин в связи с этим отмечает: «Вроде бы в речи говорилось об изоляции от войны («изоляционизм»), но с применением силы. А чтобы устанавливать карантины, Америка должна была выйти за пределы Американского континента».

Сущность политики «карантина» пояснял У. Додд: «Только «подлинное сотрудничество между Соединенными Штатами, Англией, Францией и Россией представляет

собой единственный путь сохранения всеобщего мира. Несомненно одно: если демократические страны будут и дальше придерживаться своей обычной политики изоляции, тоталитарный строй распространится на всю Европу и Азию. Гитлер и Муссолини спекулируют на страхе народов перед возможностью новой войны и рассчитывают, держа всех в страхе, прибирать к рукам все, что угодно. Боюсь, что они не ошибаются в этой оценке». Заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт тогда замечал: «Нынешний режим в Германии, обязательно развяжет новую европейскую войну, как бывало не раз, стоит ему почувствовать себя достаточно сильным». Действительно, события не заставили себя ждать: вскоре Германия совершила аншлюс Австрии.

Австрия

12 марта 1938 г. Гитлер въезжал в Австрию. Повсюду его встречали восторженные и ликующие толпы, кардинал Иннитцер приветствовал Гитлера и призывал голосовать за аншлюс. 15 марта в Вене при безбрежном стечении соотечественников Гитлер объявил об аншлюсе (включении в рейх) Австрии. На улицах немецких офицеров заваливали цветами.

Еще за двадцать лет до этого в 1918 г. Австрийское национальное собрание единогласно выступило за Австрийскую республику в рамках Большой Германии. В 1919 г. австрийское Учредительное собрание поддержало это решение. Однако усиление Германии за счет Австрии не входило в планы союзников. Поэтому в нарушение своего же принципа «о праве наций на самоопределение» страны Антанты на основании Сен-Жерменского договора запретили объединение двух стран. Спустя месяц Австрийское национальное собрание единодушно опроте-

стовало это решение, направленное против чаяний австро-германского народа «обрести экономическое, культурное и политическое единство со своим германским отечеством». В поддержку Австрии Веймарская ассамблея приняла решение, по которому «германская Австрия должна войти в состав Германского рейха на правах союзной земли». В 1921 г. Австрийское национальное собрание организовало референдум по проблеме аншлюса. Под давлением стран-победительниц федеральный референдум был отменен, но он частично прошел на провинциальном уровне, «за» проголосовало более 90% населения. Но союзники нашли «слабое место» — в 1922 г. Австрии, находившейся в полной экономической зависимости от стран-победительниц, был обещан международный заем в обмен на отказ от идеи объединения.

Нацистская партия в Австрии была запрещена, а к власти пришла диктатура. Однако идея совсем не умерла. Так, в 1931 г. появился проект австро-германского таможенного союза, за ним последовали другие шаги, направленные к аншлюсу. С приходом Гитлера процесс интенсифицировался. Так, уже в июле 1934 г. он инициировал при поддержке австрийских нацистов вооруженный путч в Вене, закончившийся убийством канцлера Дольфуса, а в 1936 г. Гитлер объявил Австрию «вторым немецким государством».

Нарыв созрел к 1938 г.; предчувствуя неизбежное, канцлер Шушниг отправился в Париж, Лондон и Женеву. Но, как отмечает Ф. Папен, его «визиты имели мало успеха, и ему не удалось получить гарантий австрийской независимости». Накануне решающих событий Гитлер послал Риббентропа в Англию, чтобы узнать мнение последней по данному вопросу. 10 марта Риббентроп сообщал Гитлеру, что «Англия останется безучастной в отношении Австрии». Впрочем, зондаж был лишь перестраховкой. Годом раньше, по данным У. Додда, английский посол заявил, что Австрия, будучи нацистской,

должна быть присоединена к Германии[1]. Это тотчас было сообщено австрийскому канцлеру. Галифакс в ноябре того же года заявлял: «Английский народ никогда не поймет, почему он должен вступить в войну из-за того, что два германских государства хотят действовать сообща».

11 марта Гитлер предложил Шушнигу подписать документ, который, по словам Ф. Папена, был «равнозначен ультиматуму». Деваться канцлеру было некуда, после этого в Вене произошел «тихий» дворцовый переворот. Шушниг передал власть новому канцлеру, который немедленно призвал на помощь Германию. На следующий день «Фолькишер беобахтер» писала: «Немецкая Австрия спасена от хаоса». В ней были помещены сочиненные Геббельсом невероятные рассказы о «красных» беспорядках в Вене...» На плебисците, проведенном 10 апреля, 99% австрийцев проголосовали за аншлюс. Впрочем американский корреспондент У. Ширер, в данном случае, не слишком верил в силу демократии, утверждая, что те австрийцы, «которые 13 марта сказали бы «да» Шушнигу[2], 10 апреля скажут «да» Гитлеру».

«Известия» в те дни опубликовали карикатуру, на которой Гитлер был изображен в виде шакала, терзающего Ав-

---

[1] Примечательно, что Шушниг пытался спастись, сыграв на царивших антикоммунистических настроениях, и тем самым купить лояльность Гитлера и Запада. Полпред СССР в Австрии Лоренц доносил Литвинову еще до аншлюса, 28 февраля 1938 г.: «Речь Шушнига многое выяснила... Там имеется место, которое в скрытом виде содержит резкий выпад против нас. Он подчеркивает, что корректуре подлежат границы континентов. Здесь, в Вене, это заявление Шушнига понимают как желание подчеркнуть, что из границ Европы надо исключить СССР, не допуская его влияния на европейские дела» (*Кремлев С.* Путь к пакту. С. 218—219).

[2] Шушниг, пытаясь предотвратить развитие событий и опередить Гитлера, назначил на 13 марта плебисцит, надеясь, что австрийцы проголосуют против аншлюса. Однако Гитлер не стал дожидаться плебисцита и предъявил Шушнигу ультиматум о передаче поста канцлера Зейсс-Инкварту.

стрию. Подобные отношение продемонстрировала не только советская, но и пресса многих других стран. Гитлер по этому поводу заявлял: «Иностранные газеты заявляют, что мы коварно напали на Австрию. На это я могу сказать одно: даже умирая, они не перестанут лгать. За время своей политической борьбы я завоевал любовь своего народа. Но когда я пересек границу с Австрией, я был встречен с такой любовью, какой раньше нигде не встречал. Мы пришли не как тираны, а как освободители».

17 марта Литвинов выступил с официальным заявлением, где говорилось о «насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости». В тот же день «Советское правительство предложило созвать международную конференцию под эгидой Лиги Наций или вне ее для обсуждения мер, которые могли бы предотвратить дальнейшую агрессию Гитлера». Чемберлен воспринял перспективу подобной встречи довольно холодно и публично отклонил это предложение: «Такие действия, — заявил он, — неизбежно приведут к тому , что усилится тенденция к образованию групп государств... что само по себе враждебно перспективам мира в Европе». Очевидно он не придал значения оси Берлин — Рим и Ан¬тикоминтерновскому пакту или не захотел его придавать, отмечал по этому поводу У. Ширер. В том же выступлении Чемберлен отклонил предложение, по которому Британия гарантировала бы помощь Чехословакии в случае нападения на нее, и отказался помогать Франции, если последней придется выполнить свои обязательства по франко-чешскому пакту. 2—6 апреля 1938 г. Великобритания и США признали аншлюс Австрии.

ТАЙНА МЮНХЕНА

Операция «Грюн»

План операции «Грюн» — внезапного нападения на Чехословакию Гитлер подписал 24 июня 1937 г. Подготовка к его осуществлению началась сразу после легкого аншлюса Австрии. Этот шаг не был полной неожиданностью. Уже в 1924 г. был заключен явно антигерманский бессрочный франко-чехословацкий договор о союзе и дружбе. В 1935 г. он перерос в договор о взаимопомощи между Чехословакией, СССР и Францией. Президент Чехословакии Бенеш тогда предупреждал, что «его страна будет бороться за свою независимость, если ее союзники придут к ней на помощь; в противном случае ей останется только капитулировать, согласившись на «дружбу» с Германией». «Интересно, — замечал в этой связи У. Додд, — сомневается ли Бенеш в искренности французских и английских обещаний?»

Обострение ситуации почувствовалось через два года. В начале 1937 г. советский посол В. Потемкин в письме к главе правительства Франции Л. Блюму предложил, в случае отказа Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию, направить их во Францию морским путем. При этом посол интересовался, какая помощь будет оказана Францией, если Германия нападет на СССР. Но Франция не реагировала, дух Л. Барту ушел в прошлое. Ее настоящие настроения отражали слова министра иностранных дел Боннэ, сказанные чехословацкому послу Осускому

в июле 1937 г.: «Франция не будет воевать из-за Судетов... Ни в коем случае чехословацкое руководство не должно считать, что если война разразится, мы будем на его стороне...» В декабре У. Додд записывал в своем дневнике: «Как наша современная цивилизация сползает к средневековью! Сегодня у меня был чехословацкий посланник; он страшно озабочен судьбой своей страны; демократические страны ничего не предпринимают и тем самым дают возможность Муссолини, Гитлеру и Японии распространять свое влияние на весь мир».

Чехословакия, несмотря на демократическую витрину, по сути, была одной из маленьких империй[1], возникших в Восточной Европе после Первой мировой войны и поддерживаемых силовым полем Версаля (к их числу можно отнести также Польшу, Румынию и Югославию). Риббентроп по этому поводу заявлял: «Чехословацкого народа как такового не было никогда. Напротив, речь шла о многонациональном государстве с различными народными группами... Искусственное образование, каким являлась Чехословакия, составленная в 1919 году из столь разнородных элементов, с самого начала своего возникновения тяготело к распаду и могло сохраняться только в результате сильного давления чехов».

Действительно, правящая элита формировалась преимущественно из чехов, которые приступили к созданию единой чехословацкой нации на базе чешской культуры. Обещанная словакам при создании государства автономия так и не была предоставлена. Активность нацменьшинств в этом вопросе строго подавлялась. Так, лидер умеренных

---

[1] В Чехословакии помимо 7,2 млн. чехов жило 3,5 млн. немцев, 2,5 млн. словаков, 0,7 млн. венгров и полмиллиона украинцев-русинов, около 100 тыс. поляков (*Ширер У.* Т. 1, с. 395). Немецкие судетские провинции (Дойчебемен, Судетенланд, Бемервальдгау, Дойчеюдмерен) были фактически отрезаны от Австрии — оккупированы чешскими войсками к концу 1918 г., после того как 22 ноября они были приняты в состав Немецкой Австрии.

националистов В. Тука был отправлен в тюрьму на 15 лет за «измену», выражавшуюся в настойчивых напоминаниях о праве словаков на автономию. То же касалось и судетских немцев, хотя, по словам У. Ширера, они жили «совсем неплохо — лучше, чем любое другое меньшинство в стране и немецкое меньшинство в Польше или в фашистской Италии. Их раздражала мелкая тирания местных властей и дискриминационные меры, принимаемые иногда против них в Праге. Им трудно было примириться с потерей своего господства в Богемии и Моравии...» Но до прихода Гитлера там не было сепаратистских политических движений. Судетско-немецкая партия (СНП) образовалась только в 1933 г.

Ее час настал в марте 1938 г., когда Гитлер поставил перед СНП задачу «выдвигать требования, неприемлемые для правительства Чехословакии». На помощь пришли правительства Франции и Англии, усилия которых, по словам Галифакса были направлены на то, чтобы «убедить Бенеша удовлетворить максимум требований судетских немцев», пойти на «крайние уступки». В том же марте Великобритания через своего посла Гендерсона «начала сепаратные переговоры с Германией, в которые не была посвящена даже ближайший союзник Франция. Цель переговоров, — отмечал Г. Дирксен, — не заключение сделки, но попытка установить искреннюю и серьезную дружбу с Германией...»

В качестве предлога для дружбы Чемберлен в обмен на жесты «в направлении обеспечения мира» в Европе предложил Гитлеру не более и не менее, как поделить французские колонии, а также бельгийское Конго и португальскую Анголу. Заинтригованный Гитлер спросил, а что, если европейские метрополии не согласятся? «Возможно, к счастью для Чемберлена, — пишет А. Уткин, — Гитлер отверг широкий английский жест». 3 марта Гендерсон услышал от фюрера, что тот не нуждается в колониях, «они будут для меня лишь бременем», этот вопрос может подождать.

Колониальный вопрос был решен Гитлером еще в период написания «Майн кампф»: «Ясно, что политику завоевания новых земель Германия могла бы проводить только внутри Европы. Колонии не могут служить этой цели, поскольку они не приспособлены к очень густому заселению их европейцами. В XIX столетии мирным путем уже нельзя было получить таких колониальных владений. Такие колонии можно было получить только ценой очень тяжелой борьбы. Но если уж борьба неминуема, то гораздо лучше воевать не за отдаленные колонии, а земли, расположенные на нашем собственном континенте».

После встречи с Гитлером у Гендерсона не оставалось сомнений в том, что фюрера интересует только «достижение доминирования в Центральной и Восточной Европе». С этого времени в стратегии Англии появилась новая нота. Ее удачно выразил один из наиболее популярных английских журналистов — Доусон, выступая в Оксфорде: «Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?» Случай подтвердить свои дружеские чувства скоро представился.

В мае после победы немецкой партии на муниципальных выборах в Судетах там «начались волнения с применением оружия. В течение всего мая, по словам У. Ширера, геббельсовская пропаганда нагнетала напряженность, выдавая один за другим невероятные рассказы о «чешском терроре» против судетских немцев. Обстановка, казалось, обострилась до предела». Геббельс до второй половины октября 1938 г. израсходовал уже свыше 20 млн. марок на пропаганду за границей, из них 10 млн. марок в Австрии и Чехословакии. Цели этой пропаганды отражали слова профессора Банзе: «Во враждебных и нейтральных странах должна быть развернута густая сеть незаметных, но влиятельных и регулярно работающих вспомогательных бюро. Эти бюро должны применять все сколько-нибудь целесообразные средства:

они должны использовать прессу и радио, кино и шпионаж, благотворительные организации и т.д. Все средства оправданы с самого начала и навсегда, если они подрывают дух врага и укрепляют наш германский дух». Слова Гитлера дополняли общую картину: «Пропагандистская война имеет целью, с одной стороны, запугать Чехословакию и подорвать ее силы сопротивления, с другой — дать национальным меньшинствам стимул к поддержке военных действий, а на нейтральные страны повлиять в нужном для нас направлении... Экономическая война имеет целью привести в действие все имеющиеся у нас средства, чтобы ускорить окончательный развал Чехословакии».

20 мая началась концентрация немецких войск в Саксонии. В ответ Чехословакия объявила частичную мобилизацию, в ее поддержку выступили министры иностранных дел Франции, Англии и СССР. Гитлеру пришлось отступить, заявив «Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Чехословакии». Но это был лишь временный отход, спустя несколько дней Гитлер вносит коррективы в план «Грюн», согласно которым все военные приготовления для разгрома Чехословакии должны быть закончены к 2 октября. Тем не менее фюрер еще колебался: 18 июня он указывал: «Я приму окончательное решение начать кампанию против Чехословакии лишь в случае, если буду твердо убежден... что Франция не выступит против нас и это не повлечет вмешательства Англии».

Англия же изо всех сил демонстрировала свою лояльность, правда пока только неофициально. Так, нью-йоркские газеты 14 мая привели слова из частной беседы Чемберлена, в которой он заявил, что «ни Британия, ни Франция, ни, вероятно, Россия не придут на помощь Чехословакии... что Чехословакия не может долее существовать в нынешнем виде...». В те же дни постоянный секретарь Форин Оффис

Великобритании А. Кодаган «обронил»: «Чехословакия не стоит шпор даже одного британского гренадера». Галифакс убеждал фон Дирксена, что дальше предупреждений Англия не пойдет. Дирксен докладывал в конце мая, что правительство Чемберлена — Галифакса «по отношению к Германии проявляет максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков». А. Гендерсон 6 августа неофициально проинформировал германский МИД: «Англия не станет рисковать ни единым моряком или летчиком из-за Чехословакии».

На деле британский кабинет шел еще дальше. 3 августа Чемберлен отправил в Чехословакию лорда Ренсимена в роли посредника в решении судетского кризиса. У. Ши¬рер по этому поводу замечал, что ««вся миссия Ренсимена дурно попахивает. Сообщая о ней в палате общин Чемберлен уклонился от прямых ответов — уникальный случай в истории британского парламента... чехам миссия Ренсимена была предельно ясна... подготовить Судетскую область Германии, — по мнению Ширера. — Это был нечистоплотный дипломатический прием».

В это же время в Париже американский посол Буллит обрабатывал чешского — Осуского, заявляя, что мир стоит на грани войны, которая уничтожит всю Европу. Когда Германия двинется на вас, говорил Буллит, ей на помощь придет Венгрия, а Польша и Румыния выступят против России. Италия выждет и присоединится к немцам. Ни Англия, ни Франция не придут Чехословакии на помощь. Сам Буллит еще в мае рекомендовал Рузвельту предпринять шаги по освобождению Франции от ее обязательств перед Чехословакией. Кроме того, считал Буллит, необходим созыв конференции для перекройки карты Европы. Дж. Кеннеди в то время заявлял: «Я никак не могу взять в толк, почему кому-то хочется воевать ради спасения чехов». Изменение обстановки в Ев-

ропе отразилось в смене в 1938 г. американского посла в Берлине прекраснодушного У. Додда на циничного Вильсона. В том же году Берлин посетил известный своей антисоветской позицией экс-президент США Гувер.

* * *

2 сентября 1938 г. советский посол Майский встретился с У. Черчиллем. Майский предложил немедленно начать переговоры представителей штабов СССР, Франции и Чехословакии, а также с Румынией, для обеспечения пропуска советских войск. Черчилль тотчас сообщил об этих предложениях министру иностранных дел Галифаксу, с предупреждением, что вторжение Германии в Чехословакию «неизбежно вызовет мировую войну». Но английское правительство шло своим курсом; неслыханное дело — Чемберлен представил Муссолини возможность внести поправки в ту речь, с которой премьер собирался выступить в палате общин. Дуче милостиво одобрил речь и прокомментировал ее так: «Впервые в английской истории глава британского правительства предложил другому правительству проинспектировать одну из своих речей. Для англичан это плохой знак». Но не Муссолини было учить хитрости «британскую лису».

Между тем события развивались и 5 сентября Бенеш неожиданно удовлетворил все требования судетских немцев, кроме выхода Судет из состава Чехословакии. По мнению А. Шубина, это был неприятный сюрприз для Гитлера — спекулировать на неравноправном положении немцев было уже нельзя. На помощь пришла лондонская «Таймс», которая 7 сентября писала: «Правительству Чехословакии стоит задуматься на предмет того, чтобы принять, либо отклонить получивший распространение в определенных кругах проект превращения Чехословакии в более однородное государство путем отделения Судетской области...»

Министр иностранных дел Франции Боннэ 10 сентября запросил английского посла в Париже Фиппса: «Завтра Гитлер, возможно, атакует Чехословакию, и Франция приступит к мобилизации своих сил. Она на марше. Присоединяетесь ли Вы к нам?» Ответ Галифакса последовал на следующий день, он гласил: «На данной стадии Британия не может ответить определенно». Французы осведомились у англичан, на какую военную помощь — если Англия решится — они могут рассчитывать? Из Лондона последовал ответ: на две дивизии и на 150 самолетов в первые 6 месяцев войны. Как писал У. Черчилль по поводу этой истории в «Дейли мейл», если бы у Боннэ было желание получить извиняющее его бездеятельность обстоятельство, то он смело мог кивать на позицию Англии.

12 сентября в Нюрнберге Гитлер на огромном стадионе в день закрытия партийного съезда яростно потребовал, чтобы Чехословакия справедливо отнеслась к судетским немцам, иначе Германия позаботится о том, чтобы это было сделано. Речь Гитлера стала сигналом к восстанию в Судетской области, чехи ввели военное положение и войска. Гитлер потребовал присоединения Судет к Германии. В тот же день Чемберлен обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече.

15 сентября почти 70-летний премьер-министр Великой Британской империи, население которой составляло четверть тогдашнего населения Земли, впервые в жизни сел в самолет. Ему предстояло 7 часов через Мюнхен добираться до Бергхофа, где его соизволил принять фюрер. На фотографии Гитлер, стоя на лестнице двумя ступеньками выше Чемберлена, со свастикой на рукаве, взирает сверху вниз на правителя Британской империи. По просьбе Чемберлена свидание проходило один на один. В тот день Гитлер *«потребовал»* от Чемберлена проведения плебисцита во всех округах Чехословакии с преобладающим немецким населе-

нием по вопросу присоединения этих территорий к Германии. Чемберлен обещал в течение недели самолично доставить Гитлеру устраивающее его решение[1].

18 сентября в Лондоне Чемберлен, Галифакс, Даладье и Боннэ договорились, что те округа Чехословакии, в которых немецкое население превышает 50%, должны быть переданы Гитлеру без плебисцита. Совместная декларация гласила: «Правительства Англии и Франции... понимают, насколько велика жертва, которую должно принести правительство Чехословакии во имя мира. Однако это дело является общим для всей Европы...» При этом, как отмечал У Черчилль: «В одном они были все согласны — с чехами не нужно консультироваться. Их нужно поставить перед совершившимся фактом решения их опекунов. С младенцами из сказки, брошенными в лесу, обошлись не хуже». Как записал в своем дневнике в тот же день постоянный секретарь Форин Оффис Великобритании А. Кодаган о чехах: «Мы грубо сообщили им о необходимости капитуляции...» Великобритания и Франция давали гарантии новых границ Чехословакии, которые фактически дезавуировали франко-чехословацко-советский договор.

19 сентября нарком иностранных дел СССР Литвинов, выступая в Лиге Наций, заявил: «В настоящее время происходит вторжение во внутренние дела Чехословакии со стороны соседнего государства... Один из самых культурных и прилежных европейских народов, получивший независимость после столетней борьбы, может начать борьбу за свою

---

[1] По мнению И. Феста, «Чемберлен вне всякого сомнения видел насквозь уловки и маневры Гитлера, в своем отчете перед кабинетом двумя днями позже он назвал его «самой что ни на есть ординарной шавкой», которую ему когда-либо довелось встречать». (Cooper D. Das lasst sich nicht vergessen, Munchen, 1954, S. 291 *(Фест И.* Гитлер. Триумф... С. 272—273)). Кто кем был, показало время, а пока Чемберлен с невероятной для старика и лидера величайшей империи проворностью и услужливостью пытался предугадать и исполнить все желания Гитлера.

независимость и свободу. Поэтому я делаю недвусмысленное и ясное заявление от имени своего правительства. Мы намерены выполнить наше обязательство вместе с Францией оказать помощь Чехословакии...»

Ответ последовал незамедлительно, — в тот же день Геринг на партийном съезде провозгласил: «Незначительная часть Европы попирает права человеческой расы... Жалкая раса пигмеев — чехов угнетает культурный народ, а за всем этим стоит Москва и вечная маска еврейского дьявола». Правда, против сделки выступили и несколько членов британского кабинета, которые в знак протеста вышли в отставку. Так, к примеру, сделал первый лорд адмиралтейства Д. Купер, который заявил в палате общин: «Я призываю коллег посмотреть на эту проблему не только как на чехословацкую. Возможно, придет такое время, когда из-за поражения Чехословакии начнется европейская война. Придет время, и мы будем участниками этой войны, мы не сможем избежать этой участи».

20 сентября чешское правительство отклонило лондонские предложения. Вечером того же дня английский и французский посланники Ньютон и де Лакруа сообщили чешскому правительству, что «в случае, если оно будет упорствовать» их правительства перестанут «интересоваться его судьбой». 21 сентября, в 2 часа ночи, президент Бенеш был поднят с постели пятым за сутки приходом обоих посланников... Они поставили ультиматум: «Если война возникнет вследствие отрицательной позиции чехов, Франция воздержится от всякого вмешательства, и в этом случае ответственность за провоцирование войны полностью падет на Чехословакию. Если чехи объединятся с русскими, война может принять характер крестового похода против большевизма, и правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне».

Оказавшись перед таким ультиматумом, Бенеш сдался. В тот же день Боннэ доложил французскому кабинету, что чехи согласились принять англо-французские предложения без всякого давления извне. Чемберлен 22 сентября во второй раз в жизни садится в самолет для того, чтобы лично доставить ответ фюреру. Кроме согласия на отделение Судет британский премьер привез предложение «аннулировать договоры о союзе между Францией, СССР и Чехословакией, вместо них независимость страны должны были обеспечивать международные гарантии. После такого вступления Гитлер был так поражен, что переспросил, одобрено ли это предложение пражским правительством. Когда Чемберлен с удовлетворением ответил: «Да!», возникла короткая пауза замешательства, а затем Гитлер спокойно ответил: «Очень сожалею, господин Чемберлен, но с этими вещами я теперь согласиться не могу. После событий последних дней такое решение неприемлемо».

Поняв, с кем имеет дело, Гитлер теперь требовал оккупации Судет. Ответ Чехословакии, поддержанный четверть миллионным митингом протеста, был как нельзя более гордым: «Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов». Бенеш объявил общую, а Франция частичную мобилизации. Против планов Гитлера выступил даже высший генералитет вермахта.

Жесткая позиция Чехословакии и Франции, сомнения собственных генералов поколебали уверенность Гитлера. 27 сентября в письме к Чемберлену он выразил готовность обсудить с чехами детали и «дать гарантии Чехословакии». «Я вынужден передать дело на Ваш суд, — писал Гитлер. — Учитывая все факты, Вы сами решите, следует ли Вам продолжать попытки... противодействовать этим маневрам и в последнюю минуту призвать правительство Чехословакии прислушаться к голосу разума».

В ответ Чемберлен немедленно послал в Прагу телеграмму в которой предупредил Бенеша, что «немецкая армия получит

приказ перейти границу Чехословакии, если завтра (28 сентября)… правительство Чехословакии не примет предложения Германии... Немецкая армия займет Богемию, и никакое государство, ни группа государств не смогут ничего сделать для спасения Вашего народа и Вашей страны… Такова правда, каков бы ни был результат мировой войны». Бенеш не ответил на эту телеграмму, тогда Чемберлен в тот же день прислал вторую. Он предложил согласиться на ограниченную оккупацию немецкими войсками районов вдоль пограничных рек и создать германо-чешско-британскую комиссию для определения, какие территории отойдут к Германии. «Единственной альтернативой этому является вторжение и насильственное разделение Чехословакии...» Ультиматум Чемберлена был поддержан Францией. 28 сентября министр иностранных дел Боннэ через своего посла уже предлагал Гитлеру французский план оккупации Судетской области, который был гораздо щедрее английского.

Оставшись один на один с Германией, чешское правительство уступило совместному шантажу фашистов и «великих европейских демократий».

28 сентября, вспоминал У. Ширер, «древнее здание «матери парламентов» сотрясалось от массовой истерии, которую в этих стенах не приходилось наблюдать за всю историю его существования». Под восторженные крики депутатов Чемберлен зачитал в палате общин телеграмму Гитлера, в которой фюрер приглашал премьер-министров Англии и Франции в Мюнхен для решения вопроса о Чехословакии. 29 сентября премьер министр Англии в третий раз садится в самолет. Решение об участи Чехословакии принималось без нее. Представителям страны Яна Гуса лишь позволили ожидать решения в приемной дома, где проходила конференция.

В тот же день 29 сентября был подписан англо-германский пакт о ненападении, торжественное совместное заявле-

ние сторон гласило: «Мы, Канцлер Германии и Премьер-министр Великобритании... рассматриваем подписанное вчера соглашение, как символизирующее волю обоих народов никогда больше не вступать в войну друг против друга». В Англии и Франции царила настоящая эйфория. «Таймс» отмечала, что «ни один завоеватель, возвратившийся с победой домой с поля битвы, не был увенчан такими лаврами». «Чемберлен и Даладье спасли мир» — таков был лейтмотив пропаганды, на все лады восхвалявшей «миротворцев». Самое главное, внушали населению мюнхенцы, — это спасти мир, любой ценой не допустить войны. «Разве справедливо, — утверждали они, — бросать в рубку войны миллионы французов и англичан ради трех миллионов немцев Судетской области!»

* * *

Гитлер был потрясен итогами сделки. В беседе с министром иностранных дел Венгрии в январе 1939 г. он заявил: «Неслыханное достигнуто. Вы думаете, что я сам полгода тому назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы преподнесена на блюдце ее друзьями? Я не верил, что Англия и Франция вступят в войну, но был убежден, что Чехословакия должна быть уничтожена военным путем. То, что произошло, может случиться лишь раз в истории». Фюрер практически не имел шансов. Об этом свидетельствует обстановка, сложившаяся накануне подписания Мюнхенского пакта:

— Чехословакия объявила общую мобилизацию. 27 сентября 1938 года укрепления в Судетах заняли около 800 тысяч чехословацких солдат. У немцев было примерно столько же, но на двух фронтах — чешском и французском. По оценкам Бенеша, «даже если Чехословакии не будет оказана помощь, она в состоянии драться четыре месяца, отступая

на восток». Во Франции была развернутая частичная мобилизация, которая, по мнению генштаба вермахта, сильно смахивала на мобилизацию всеобщую, «к 6 дню мобилизации можно ожидать развертывания первых 65 дивизий на границе с Германией», которым Гитлер мог противопоставить всего 10—12 дивизий, половина которых состояла из резервистов. Генерал Адам, командовавший войсками на западных границах, докладывал Гитлеру, что он не сможет удержать Западного вала. При этом немецкий генштаб отмечал, что итальянцы не предпринимают ничего, чтобы сковать французские войска на итало-французском фронте.

— 26 сентября к Гитлеру обратился президент США с призывом сохранить мир и немедленно созвать конференцию всех заинтересованных сторон. Правда при этом президент заявил, что Америка не примет участия в войне и не примет на себя никаких обязательств «в ходе ведущихся переговоров». Однако немецкий посол в Вашингтоне Г. Дикхофф счел нужным сообщить в Берлин — если Англия вступит в войну, «вся мощь Соединенных Штатов будет брошена на чашу весов Англии». Король Швеции, друг Германии, подтвердивший свою верность в ходе войны 1914—1918 гг., официально заявил немецкому послу в Стокгольме, что в случае агрессии Германии мировая война неминуема, и виноват в этом будет фюрер, а войну эту Германия бесспорно проиграет. Румыния и Югославия, в свою очередь, предупредили, что в случае вступления Венгрии в Чехословакию они предпримут против Венгрии боевые действия.

— Как ни подсчитывай соотношение сил, писал У. Ширер, «Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и Третьего рейха». Выводы Ширера подтверждала сводка французского Генштаба: «1. Глава германского генерального штаба гене-

рал Бек 3 сентября отказался от занимаемой им должности, ибо «не желал вести армию к катастрофе». 2. Германская «Западная стена» далеко не закончена и, согласно сообщению французского военного атташе в Берлине, «ее так же легко прогрызть, как кусок сыра». 3. Германская армия еще ни в коей мере не готова, и ей потребуется не меньше года самых напряженный усилий, прежде чем она решится начать войну... 5. Прекрасно вооруженная чешская армия, насчитывающая 40 дивизий, тысячу самолетов и полторы тысячи танков, могла бы сопротивляться самое меньшее 2—3 месяца, даже если бы сражалась одна». Французский генерал Гамелен 25 сентября информировал Чемберлена, что: 35 дивизий чехословаков могут в Судетах сдержать 40 немецких, а несколько десятков французских дивизий прорвут немецкие заслоны на недостроенной линии Зигфрида. Йодль признавал: «Несомненно, пять боевых дивизий и семь резервных, находившихся на нашей западной границе, которая представляла собой лишь огромную строительную площадку, не смогли бы сдержать натиска ста французских дивизий. С военной точки зрения это невозможно».

— Кейтель позже отмечал: «Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения, потому, что... всегда полагали, что у нас недостаточно средств для преодоления пограничных чешских укреплений С чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чешскую оборонительную линию». Сам Гитлер говорил: «То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас — мы подвергали себя большой опасности... Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали». Манштейн: «Если бы началась война, то ни наша западная граница, ни наша польская граница не могли быть защищены должным образом. Не вызывает сомнений, что если бы Чехословакия решилась защищаться, то ее укрепления устояли бы, так как у нас не было средств

для их прорыва». А. Шпеер: «Всеобщее удивление вызвали чешские пограничные укрепления... Взять их при наличии упорного сопротивления было бы крайне нелегко и стоило бы много крови». Слова Гальдера подводили итог этим признаниям: «Для тех кто был в курсе дел, наши стратегические планы в отношении Чехословакии были ничем иным, как пустым блефом».

— В самой Германии никто не горел желанием развязать войну. «Невозможно поверить, что английский и французский генеральные штабы и правительства этих стран, — отмечал Ширер, — не знали о нежелании генерального штаба сухопутных войск участвовать в европейской войне». Информация об этом поступала прямо к Даладье и Чемберлену. Население Германии также не испытывало воодушевления по поводу военных приготовлений. 27 сентября для поднятия боевого духа населения Гитлер приказал провести в Берлине парад моторизованной дивизии. Затея эта провалилась. У. Ширер писал: «Моему взору рисовалась одна из картин 1914 года, когда ликующие толпы на этой же улице осыпали марширующих солдат цветами, а девушки поцелуями... Но сегодня люди ныряли в подземку — они не желали смотреть на все это. На обочине стояла молчаливая кучка людей... Это была самая поразительная антивоенная демонстрация, которую когда-либо мне приходилось видеть...»

«Как случилось, что главы правительств Англии и Франции принесли в Мюнхене в жертву жизненные интересы своих стран? — вопрошал У. Ширер, — В поисках ответа на эти вопросы мы сталкиваемся с тайной мюнхенского периода, которая до сих пор не раскрыта. Даже Черчилль, особенно скрупулезный в военных вопросах, едва касается этой темы в своих объемистых мемуарах».

Между тем еще за четыре года до приезда Чемберлена в Мюнхен в Лондоне увидела свет книга Э. Генри «Гит-

лер над Европой»[1], после чего автор попал в черный список гестапо[2]. «Внешняя политика Гитлера, — начинает Э. Генри свою книгу,— величайшая из его тайн... Официальное министерство иностранных дел... старые послы и дипломаты служат теперь только ширмой, за которой скрывается настоящее руководство внешней политикой Германии». Это «отдел внешней политики НСДАП, среди руководителей очень много немцев и полунемцев из Прибалтики и бывших участников антисоветских организаций». Руководитель — прибалтийский немец А. Розенберг. Секретный план Розенберга — «неофициальная доктрина Монро гитлеровской Германии».

Ее первоосновы были изложены в 1927 г. в программной книге Розенберга «Будущий путь немецкой внешней политики»: «Германия предлагает Англии — в случае, если последняя обеспечит Германии прикрытие тыла на Западе, и свободу рук на Востоке, — уничтожение антиколониализма и большевизма в Центральной Европе». Через несколько лет в книге «Кризис и новый порядок в Европе» Розенберг пояснял, что, по его мнению, все западноевропейские страны могут спокойно заниматься экспансией, не мешая, друг другу. Англия займется своими старыми колониями, Франция — Центральной Африкой, Италия — Северной Африкой; Германии должна быть отдана на откуп Восточ-

---

[1] Э. Генри: «Гитлер над Европой», «Гитлер против СССР» вышли в 1934 и 1936 гг. в Англии, на английском языке, затем на немецком и ряде других. Русское издание в 1935 и 1937 гг.

[2] Когда гитлеровцы планировали высадку вермахта в Англии, то в составленном гестапо черном списке лиц, подлежавших аресту, где первым значился У. Черчилль, вторым архиепископ Кентерберийский, числился и Э. Генри. О причинах включения Э. Генри Р. Томсон писал: «Мы были предупреждены... О будущей войне... У некоторых людей из-за нее пошла пена изо рта. У кого например? Ну, у симпатизирующих фашистам...» «New York Times» декабрь 1936 г. (Генри Э. С. 473, послесловие Я. Драбкина).

ная и Юго-Восточная Европа. Однако это была только первая часть плана Розенберга, вторая заключалась в распространении влияния Германии на Прибалтийские и Скандинавские страны. В итоге секретный план, в противовес пугавшей Англию Пан-Европы, приводил к созданию «Германского континентального союза».

План Розенберга

Однако создание «Германского союза» — только первый шаг в плане Розенберга. Вторая задача — завоевание России. «Дать германскому крестьянину свободу на Востоке (Россия), — вот основная предпосылка возрождения нашей нации», — говорит Розенберг. «Колонизация восточной зоны, — продолжает он, — наша первоочередная задача».

Направление движения указал А. Гитлер в «Майн кампф»: «Мы начинаем там, где остановились еще шесть столетий тому назад. Мы останавливаем святой поход германцев на юг и запад Европы и направляем взгляд на землю на востоке. Мы завершаем, наконец, колониальную и торговую политику предвоенного времени и переходим к земельной политике будущего. Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России... Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации». Газета Геринга «Nazional Zeitung» 1 июня 1934 г. в статье «Великое экономическое пространство Балтики» писала: «Мы должны снова начать там, где четыре столетия назад прервалась старая, связанная с определенной территорией, торговля Ганзы... Страны Балтики имеют одну и ту же судьбу... Юго-восточная часть Европы должна снова войти в контакт с северо-восточной, с районом Северного моря и Балтикой. Круг должен быть однажды замкнут над Россией. В пользу внешнеполитического отдела НСДАП неоспоримо говорит то, что он наметил в этом отношении планы и предложения, которые уже находятся в процессе выполнения».

Это были не пустые слова. А. Деникин в то время отмечал: «Политическая обстановка нисколько не изменилась. Немцы по-прежнему ведут борьбу против русской государственности: явно — в Прибалтике, Малороссии, на Кавказе; тайно — среди русских партий, применяя старые бесчестные приемы. Версальский мир не закончил борьбу, а лишь при-

остановил ее и углубил непримиримые противоречия между двумя политическими группировками...» По словам Розенберга: «Новая колониальная империя на Востоке — «великая Украина»... с богатейшими плодородными равнинами, с собственным выходом к морю, не только разрешит проблему германской безработицы, так как на Украину предполагается переселить безработных.., но эта империя при одновременном подчинении всех дунайских стран должна приблизить Гитлера к европейской гегемонии».

Второй «Крестовый поход»

А. Розенберг здесь не был первооткрывателем, он лишь дипломатически оформлял подготовку реализации главной цели, которая активно муссировалась в германских военных кругах в начале 1920-х годов — нападения на Советский Союз в союзе с державами Запада. Популярность этой темы объяснялась тем, что только «война с СССР больше, чем какая-либо другая, обещает Германии поддержку остальных держав». На опасность такого поворота событий Ленин указывал еще в 1918 г. «Весьма возможно, что союзные империалисты объединятся с немецким империализмом... для соединенного похода на Россию». Несколько месяцев спустя он добавлял — германское правительство «всеми силами стремится к союзу с англо-французскими империалистами. Мы знаем, что правительство Вильсона засыпали телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лифляндии...» Одним из главным сторонников подобного плана был генерал Людендорф. Радек писал в то время: «Герой войны Людендорф..., как навязчивый нищий, все набивается на службу союзным державам в качестве наемного солдата против России, снова предлагая свои услуги...»

Но настоящий план был разработан другим немецким генералом, он вошел в историю, как «План Гофмана» 1922 г. Основной тезис Гофмана гласил: «Ни одна из европейских держав не может уступить другой преимущественное влияние на будущую Россию. Таким образом, решение задачи возможно только путем объединения крупных европейских государств, особенно Франции, Англии и Германии. Эти объединенные державы должны путем совместной военной интервенции свергнуть Советскую власть и экономически восстановить Россию в интересах английских, французских и немецких экономических сил. При всем этом было бы ценно финансовое и экономическое участие Соединенных Штатов Америки. В русском экономической районе следует обеспечить особые интересы Соединенных Штатов Америки»...

Идеи Гофмана, может быть, и остались бы идеями отставного генерала, занимавшегося на досуге фантазиями у карты Европы, если бы не одно обстоятельство: они отражали экономические интересы влиятельных групп. Кроме того, эти планы были официально доведены до сведения Англии и Франции. Во Франции о них знали Рош, Бриан, Мильеран, Вейган. В Англии — Г. Детердинг, хозяин нефтяного треста «Ройял Датч Шелл», потерявший свои владения в Баку. Под эгидой Детердинга в Лондоне в 1926—1927 гг. состоялись две конференции, посвященные «плану Гофмана» «Большевизм следует ликвидировать» — таков был лозунг Гофмана в Лондоне.

«Группа Гофмана — Рехберга[1] была первым источником средств национал-социалистического движения и Гитлера... в дни их зарождения, когда эта партия еще ходила в детском костюме и была слишком мало известна, чтобы удостоиться покровительства тяжелой промышленности».

---

[1] Один из совладельцев германского калийного треста.

«Майн кампф», должна была стать своеобразным манифестом лояльности «великим целям». И Гитлер не подвел, заявляя, что для реализации политики завоевания земель на Востоке «мы могли найти в Европе только одного союзника: *Англию.* Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход. Наше право на это было бы не менее обосновано, нежели право наших предков. Ведь никто из наших современных пацифистов не отказывается кушать хлеб, выросший в наших восточных провинциях, несмотря на то, что первым «плугом», проходившим некогда через эти поля, был, собственно говоря, меч. Никакие жертвы не должны были показаться нам слишком большими, чтобы добиться благосклонности Англии. Мы должны были отказаться от колоний и от позиций морской державы и тем самым избавить английскую промышленность от необходимости конкуренции с нами».

В 1932 г. была основана «Интернациональная антикоммунистическая лига». Но какой же «крестовый поход» без благословления папы римского? Латеранские соглашения между Муссолини и Ватиканом были подписаны 11.02.1929[1]. Утверждая в 1933 г. конкордат с Гитлером, папа Пий XI[2] с «удовлетворением» заявлял, «что во главе германского правительства стоит теперь человек, бескомпромиссно настроенный против всех разновидностей коммунизма и русского нигилизма». Для Ф. Палена эти «универсальные связи создаваемые католической верой» служили инструментом для объединения всей Европы против большевизма.

---

[1] Католическая церковь поддержала Муссолини в обмен на признание им Ватикана субъектом международного права. Кроме этого Муссолини дал папе огромные отступные, которые стали основой безбедного и независимого существования финансовой империи Ватикана.

[2] Пий XI, еще до того, как стал папой римским, в 1918 г. был назначен представителем Ватикана в Россию (куда не был впущен), Прибалтику и Польшу (где стал нунцием).

3 сентября 1933 г. Гитлер выступил с заявлением, что он отказывается от войны как от инструмента политики, однако тут же прибавил: «Ведя войну с большевизмом, Германия выполняет европейскую миссию». Таким образом все формальности были соблюдены: Европе гарантирован мир, большевики же... не входили в рамки цивилизованного человечества. По словам И. Феста, Гитлер использовал страх Запада перед большевизмом, «на все лады расписывая в многочисленных речах «подрывную работу большевистских заправил», их «тысячи каналов переброски денег и развертывания агитации», «революционизацию континента», постоянно нагнетая тот психоз страха, о котором он порой говорил: «Загорелись бы города, деревни обратились бы кучами развалин, люди бы перестали узнавать друг друга. Класс боролся бы с классом, сословие с сословием, брат с братом. Но мы избрали иной путь». Свою собственную миссию он описал в беседе с Арнольдом Дж. Тойнби так: «Он появился на свет для того, чтобы решающим образом продвинуть вперед человечество в этой неизбежной борьбе с большевизмом».

К 1936 г. «План Гофмана», по мнению Э. Генри, приобрел уже вполне законченные черты. Он предусматривал два главных направления ударов: Северо-Балтийское и Юго-Восточное. По словам Сталина на XVII съезде партии, этот план напоминал ему возобновление политики Вильгельма II, «который некогда оккупировал Украину, предпринял военный поход против Ленинграда, используя для этого территорию балтийских стран».

Северо-Балтийское направление позволяло, во первых, создать мощную непосредственную базу для нападения на СССР. На всех прочих путях германской армии пришлось бы проделать длинный, трудный и весьма сомнительный переход по чужой территории с враждебным населением и неразвитым железнодорожным сообщением. Во-вторых,

этот путь ведет прямо к жизненному центру Советского Союза!

Для решения этих задач план предусматривал установление господства Германии на Балтийском море, превращавшего его, по сути, во внутреннее море «Германского союза», и создание военных баз по его берегам, нацеленных на Ленинград. В соответствии с этим планом Германия поощряла создание оборонительных сооружений Данией и Швецией, блокирующих Зундский и Бельтский проливы — «балтийские Дарданеллы». Розенберг ради этого даже предложил Дании «гарантию» немецко-датской границы. В 1935 г. Дания начала сооружать авиабазы и базы подводных лодок в фиордах. Германия же была независима от проливов благодаря внутреннему Кильскому каналу.

Одновременно Германия активизировала попытки создания «Северного европейского блока». Начался обмен делегациями высших военных чинов Швеции, Польши и Германии. Розенберг через заводы Круппа в Швеции поддерживал шведских фашистов. В 1935 г. он заявлял на конгрессе «Северного общества» в Любеке: «Мы приветствуем представителей северного мира (скандинавские страны)... Мы хотим выразить надежду, что они также полностью осведомлены о том, что вся Балтика в целом заинтересована в объединении против большевистского Востока».

На континенте первой базой наступления должна была стать польская Гдыня близ Данцига, грузооборот Гдыни в то время обгонял грузооборот любого другого балтийского порта. В 1935 г. в Гдыне началось строительство 6 новых современных доков, которые впервые сделали порт пригодным для военных судов. К этой базе должен был присоединиться впоследствии Мемель, литовский порт, который лежит значительно ближе к следующим базам — Риге и Ревелю, — и находится почти наполовину в руках «автономного» германского совета Мемеля. Мемель, «второй Саар» — это,

с одной стороны, рычаг для изолированной войны с литовцами, которая в двадцать четыре часа приведет к исчезновению литовской армии; с другой стороны, Мемель является рычагом к военному поглощению Германией всей Балтики, поскольку немедленно вслед за разгромом Литвы в Риге и в Ревеле абсолютно «сами собой» возникнут завуалированные германские колониальные правительства. «Одного предупредительного выстрела с германских дредноутов в портах Мемеля, Риги и Ревеля будет достаточно, чтобы добиться от буржуазных правительств абсолютного, немого повиновения Германии. Германский балтийский флот... может покорить три прибалтийских государства в течение нескольких часов». «Эта война... будет вестись совершенно «независимо», как дело германской «национальной чести», которая попирается ужасной нацией почти в два с половиной миллиона литовцев».

Но немцы делали ставку не только на силу: «Современная Балтика — четыре слабых окраинных государства — является творением Брест-Литовска, т. е., иначе говоря, генерала Гофмана. Германско-балтийские группы населения этих окраинных государств, остатки бывшей правящей феодальной касты..., представляют естественную поддержку для германской армии... Балтийский фашизм, порожденный Германией и организованный ею, одушевленный только идеей новой объединенной войны против СССР, расчистит — если он не сделает этого еще заранее — дорогу наступающим германским войскам...» Таким образом Гитлер надеется решить проблему «балтийского марша», т. е. сделать первый шаг к сухопутной атаке на Ленинград.

С севера Ленинграду угрожает еще большая опасность. «Финские фиорды на северо-балтийском театре войны должны представлять передовую линию наступления». Маннергейм был подчиненным Гофмана еще в 1918 г., подавляя финскую революцию, а затем осуществляя попытки захвата

северных территорий России. Финское правительство к середине 1930-х не отказалось от прежних целей и тесно сотрудничало с фашистской Германией. Так, в октябре 1935 г. Маннергейм принял участие в тайном совещании между Герингом, Гембешем, Радзивиллом и венгерскими и польскими офицерами воздушного флота в Роминтене (в Пруссии). В 1936 г. он неоднократно посещал Берлин.

Практическая реализация плана Гофмана вступила в активную фазу именно с 1935 г. Летом того года Англия, в нарушение Версальского договора[1], подписала с Германией военно-морское соглашение по которому последняя получила право иметь флот в 35%, а подводных лодок — в 60% от британского. Соглашение выглядело парадоксальным, ведь увеличение германского флота, и тем более количества подводных лодок, казалось, угрожало прежде всего могуществу самой Англии. Никто другой, как германские подводные лодки в Первой мировой войне, по признанию самих англичан, едва не поставили их страну на колени.

Секрет соглашения раскрывался в программе военно-морского строительства Германии. Программа предусматривала прежде всего строительство подводных лодок водоизмещением 250 т., то есть меньше, чем даже самые первые германские лодки времен Первой мировой в 260 т., и тем более современные 600—1400 т. «Германия строит маленькие подводные лодки не потому, что у нее нет денег, а потому, что этого требует ее будущая позиция — мелководный Финский залив» — отмечал Э. Генри. В этом также причина массового производства «карликовых торпедных катеров», обладающих скоростью в 45 узлов[2]. Даже новые германские

---

[1] Согласно Версальскому договору Германия не имела права строить более 4 линкоров и 6 тяжелых крейсеров.

[2] Во время интервенции в Россию 1918—1922 гг. именно торпедные катера с финского побережья атаковали советские военные корабли на рейде Кронштадта.

крейсера — линейные корабли вроде «Дойчланд», приспособлены для сравнительно мелких вод. Нейрат в 1935 г., говоря о Балтийском море, заявлял: «Мы должны контролировать этот район и не давать России доступа к океану». Для Англии, со времен Петра I, не было лучшей музыки, чем эти слова.

Морской пакт утверждал передел мира и союз между Англией и Германией. Недаром, по словам И. Феста, подписавший его Риббентроп вернулся в Германию великим государственным деятелем, «еще более великим, чем Бисмарк», как заметил позже Гитлер. Сам Гитлер назвал этот день «самым счастливым в своей жизни». Геббельс в те дни записывал: «Фюрер счастлив. Рассказал мне о своих внешнеполитических планах: вечный союз с Англией. Хорошие отношения с Польшей. Зато расширение на Востоке. Балтика принадлежит нам...»

У современников цель соглашения не вызывала сомнений. Так, голландский посланник в Берлине считал военно-морское соглашение, заключенное между Англией и Германией, опасным шагом, но полагал, что ***Россию надо по-прежнему держать в строгой изоляции. Германия установит полное господство над Балтикой, Турция будет вечно закрывать России доступ в Средиземное море, а Япония — зорко следить за малым Тихоокеанским фронтом.*** У Черчилль по поводу соглашения заявлял: «Я не думаю, что это одностороннее действие Англии послужит делу мира. Непосредственным результатом его является то, что тоннаж германского флота с каждым днем приближается к таким размерам, которые обеспечат ему полное господство на Балтийском море, и очень скоро одно из препятствий на пути к европейской войне постепенно начнет исчезать». При этом, по мнению У. Додда, соглашение создавало предпосылки для англо-германского сближения, «которые, как я пола-

гаю, — отмечал американский посол, — весьма по душе английскому послу».

Но военно-морское соглашение, было лишь одним из шагов на пути к цели. Кроме этого, отмечал Э. Генри, в балтийских государствах строятся новые аэропорты, которые должны продлить сети европейских воздушных путей через Швецию до Финляндии. Летное расстояние от Финляндии до Ленинграда исчисляется минутами, если не секундами. Стратегически Ленинград — идеальная оперативная цель, как пишет Э.Генри. Расстояние от него до границы на юге (граница с Эстонией) равняется 120 км, на севере (граница с Финляндией) — 35 км. Здесь-то и находятся действительные ворота, ведущие в Ленинград. С запада к Ленинграду непосредственно подходит третья граница — Финский залив, который принадлежит тому, кто господствует на Балтийском море. Эта граница находится не более чем в 48 км. от Ленинграда (от Кронштадта).

Политически это также не менее удобный объект, продолжает свои рассуждения Э.Генри. Ленинград — это второй политический, культурный и экономический центр Советского Союза после Москвы; это гнездо революции, ее родина... Взятие Ленинграда нанесет (согласно германским расчетам) сильный, быть может, смертельный удар моральной устойчивости социалистического народа и его воле к победе... Та же победа возымеет свое действие и на другой лагерь: она пробудит и мобилизует русскую контрреволюцию....

««Ленинград взят Гитлером!» Это означало бы немедленное провозглашение... что в Ленинграде установлено «новое русское фашистское правительство». Действительно, совершенно ясно, что первым актом победоносной германской армии после занятия Ленинграда было бы провозглашение «нового национального русского правительства». Такое правительство представляло бы собой лишь разно-

видность колониальной администрации... практической задачей его была бы организация с помощью германских войск... нового фашистского государства, провозглашенного в старой столице!». Захват Ленинграда открывает северный путь на Москву вдоль Октябрьской железной дороги — примерно, в 640 км, не прерываемый ни большой рекой, ни каким-либо другим естественным препятствием.

* * *

Юго-восточное направление «плана Гофмана — Розенберга» предусматривало нанесение удара в сторону Украины и Кавказа. Именно Гофман в Первой мировой был «действительным инициатором создания «независимого украинского государства», признание которого по сепаратному мирному договору, еще до заключения Брест-Литовского мира, он почти вырвал в феврале 1918 г. благодаря личному нажиму на Австрию». На этот раз, как отмечал Э.Генри, главными целями будут: Киев, чтобы создать правительство сепаратистского украинского фашизма; великая украинская зерновая зона; русский угольный центр в Донбассе и нефтяной центр на Кавказе. В этих целях Розенберг основал особый украинский отдел, группируя вокруг себя сторонников Петлюры и Скоропадского, с последним Геринг поддерживал личные отношения. Однако выполнение этого плана невозможно без войны, а последняя также невозможна, поскольку Германия не обладает границей с СССР.

Оккупация Австрии, предсказывал Э. Генри, станет первым «естественным» шагом на юг, «который должен сделать Вену новой главной базой для южного «крестового похода» и для всего южноевропейского фашизма. Будет ли «младший брат» Шушниг защищаться или нет, но проблема аншлюса Австрии является для Гитлера «детской иг-

рой». (Аншлюс Австрии последует через год после выхода книги Э. Генри).

Следующая стадия — сокрушение Чехословакии, писал Э. Генри за два года до Мюнхена. «Германское нападение на Чехословакию должно произойти в этой войне при любых обстоятельствах...» Разгром Чехословакии не представляет проблем. Она расположена словно в тисках: между Германией, Австрией, Польшей и Венгрией. В «течение нескольких дней изолированная Чехословакия будет разодрана на клочки… Восстание германских национал-социалистов внутри страны, в Судетском районе… и крайних провенгерских автономистов в Словакии, которое произойдет одновременно с германским, венгерским и польским вторжением, только дополнит картину».

Главным союзником Германии в реализации ее планов, по мнению Э. Генри, должна была стать Польша. «Еще во время Первой мировой Гофман установил тесный контакт с Пилсудским и его «полковниками» из «Польской военной организации». Уже тогда, в 1917 и 1918 гг., Гофман, будучи в оппозиции к Людендорфу, настаивал на том, что Польша с запада должна быть «пощажена» Германией... и в то же время он поддерживал планы Пилсудского относительно Белоруссии и Литвы (Вильно)». Именно польские войска заняли позиции немецких после Версальского договора для того, что бы при поддержке Франции, США и Англии начать в 1920 г. новую агрессию (интервенцию) против России.

«Действительным отцом и автором знаменитого германо-польского пакта о союзе, заключенного в 1934 г., является Гофман». С этого времени Польша активно проводила прогерманскую политику. Так, в 1935 г. министр иностранных дел Германии Нейрат в беседе с американским послом У. Доддом, «о состоявшемся недавно в Берлине совещании представителей Германии и Польши», сказал: «Мы в наилучших отношениях (с Польшей). Нашей целью было нанести удар по фран-

ко-русскому пакту и не допустить соглашения между дунайскими странами».

В декабре 1938 г. докладе 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба Войска Польского подчеркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России». В разговоре с И. фон Риббентропом, состоявшемся в январе 1939 г. в Варшаве: «Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю».

* * *

На Дальнем Востоке союзником Германии должна была выступить Япония. Последней отводилась на Востоке та же роль, что и Германии на Западе. По словам У Черчилля, Вашингтонский договор, заключенный между Соединенными Штатами, Великобританией и Японией в 1921 г., может считаться азиатским предшественником Локарнского договора: «Эти два великих договора обеспечивают спокойствие цивилизации. Они представляют собою как бы два великолепных здания мира, прочно и непоколебимо возвышающиеся на обоих берегах Атлантики, свидетельствующие о дружественных отношениях великих наций мира...» Правда это «здание мира» не касалось СССР, в отношении России у Германии и Японии руки оставались фактически развязаны. Впрочем, не только России, в 1927 г. Япония напала на Китай, на помощь которому пришел СССР, что привело к японо-советскому конфликту.

Конфликт 1929 г. напоминал о событиях, предшествовавших Первой мировой, которая началась с русско-японской войны 1904—1905 гг. Тогда Японию финансировали и поддерживали Англия, Франция, США и Германия. Война привела к резкому ослаблению России и Первой русской революции. Этим воспользовалась прежде всего Германия, которая навязала России кабальный торговый договор. Когда договор закончился и Россия отказалась продлить его, Германия развязала Первую мировую войну. Она началась ровно десять лет спустя после начала русско-японской войны 1904 г.

Гитлер в «Майн кампф», разбирая предвоенный период, утверждал, что войну на Востоке необходимо было начинать в 1904 г., добившись союза с Англией: «Такой союз с Англией был тогда вполне возможен. Британская дипломатия была достаточно умна... Представим себе только на одну минуту, что наша германская иностранная политика была бы настолько умна, чтобы в 1904 г. взять на себя роль Японии. Представьте себе это хоть на миг, и вы поймете, какие благодетельные последствия это могло бы иметь для Германии».

Репетиция одновременного нападения с запада и востока на Россию прошла в 1919—1922 г., когда Англия, Франция, Германия, Польша, Япония, США и т.д. вели интервенцию против Советской России. Интервенция по количеству принесенных жертв среди населения России, превзошла потери всех стран вместе взятых, участвовавших в Первой мировой войне.

Спустя десять лет, в 1932 г., дипагент СССР Б. Сквирский сообщал из Вашингтона: «Пресса Скриппса[1] с начала марта указывала на японские военные агрессивные приготовления против России: «Дальневосточное положение

---

[1] 25 газет в различных городах США.

чрезвычайно серьезно. Опасность мировой войны в результате японской агрессии сейчас больше, чем когда Япония напала на Китай... Если Япония атакует Россию с востока, то для Румынии и Польши это послужит поощрением атаковать Россию с запада. Это послужило бы более разрывным побудителем мировой войны, чем убийство эрцгерцога, которым началась последняя война...» Бюллетень частной статистической и конъюнктурной организации Бабсона от 25 апреля был озаглавлен «Япония будет воевать с Россией». «В нем перечисляются причины, по которым Япония будет воевать с СССР: 1. Японские аристократические правящие круги — смертельные враги коммунистов. 2. Японцы считают, что они получили недостаточно в результате русско-японской войны. 3. Японцам нужна часть Юго-Восточной Сибири и вся Маньчжурия для осуществления их планов. 4. Пока Россия слаба, это можно сделать. Настоящее время считается самым подходящим. Дальше говорится: «Но более важной из всех причин является факт, что Англия, Франция и другие крупные страны хотели бы видеть такую войну. Даже США могут простить Японии ее другие действия, если она нанесет этот удар коммунизму».

Демократическая «Балтимор сан» писала: «Европейские, американские и японские защитники японского империализма обычно обосновывают свою защиту на теории, что Япония представляет собой наиболее могущественную преграду против коммунизма на Дальнем Востоке». Пресса Скриппс-Горварда: «Факты показывают, что могущественные французские интересы, включая субсидируемую прессу, поддерживали с самого начала японскую агрессивность. Факты показывают, что правительства Лондона и Парижа спасали Японию от дисциплинарных мер Лиги Наций, на которых настаивали мелкие европейские государства». Вашингтонская газета «Ньюз», в те дни писала: «Если кто-либо сомневается, что Россия хочет мира и разоружения, пусть

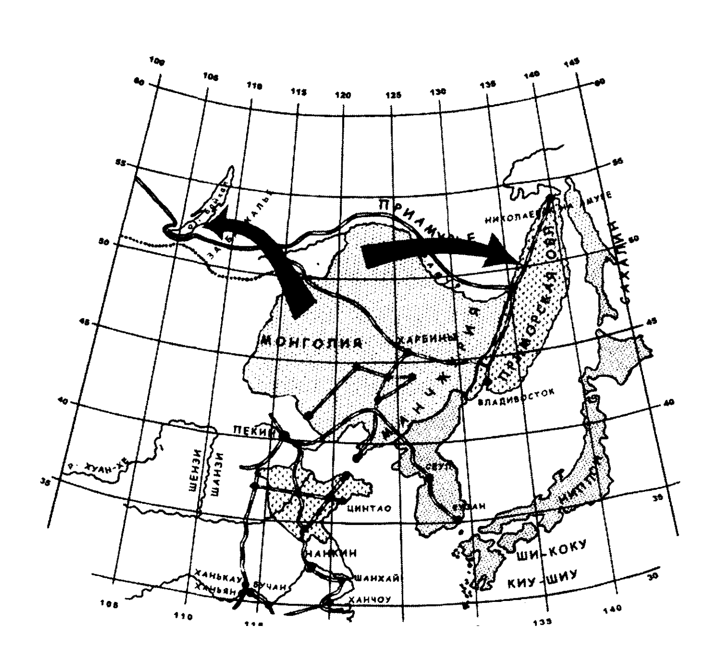
он читает текущие новости из Женевы, из которых видно, что советский министр иностранных дел является единственным лицом, защищающим гуверовский план (относительно агрессии Японии в Китае) в атмосфере враждебных маневрирований со стороны Великобритании и Франции и при молчании американского представителя».

Приход Гитлера к власти означал, что планы Японии в скором времени могли обрести реальность. Геббельс в августе 1935 г. записывал: «Конфликт Италия — Абиссиния — Англия, затем Япония — Россия уже у порога. Затем придет наш великий исторический шанс. Мы должны быть готовы. Грандиозная перспектива». Обеспокоенный У. Додд летом того же года отмечал: «Япония должна господствовать на Дальнем Востоке и захватить Владивосток. Германия должна господствовать в Европе, но прежде всего на Балтике, и, если Россия станет сопротивляться, Япония нападет на нее с востока. Это неминуемо должно случиться, если Лига Наций окажется бессильна. Тогда Франция и Италия будут низведены до уровня второстепенных держав, а Балканы перейдут в подчинение к Германии, между тем, как Россия останется в своем прежнем положении, как это было в ее историческом прошлом. В конце концов либо Соединенным Штатам придется пойти на сотрудничество Северной и Южной Америки с Германией, либо немцы подчинят себе страны этого полушария».

Теперь Гитлер стремился лишь заручиться поддержкой британских партнеров: «Германия и Япония могли сообща… напасть с двух сторон на Советский Союз и разгромить его. Таким образом они освободили бы не только Британскую империю от острой угрозы, но и существующий порядок, старую Европу от ее самого заклятого врага и, кроме того, обеспечили бы себе необходимое «жизненное пространство». Эту идею всепланетарного антисоветского союза, — пишет И. Фест, — Гитлер стремился реализовать на протяжении двух лет, пытаясь убедить в ней прежде всего английского партнера.

В начале 1936 года он изложил ее лорду Лондондерри и Арнольду Дж. Тойнби». Очевидно, реакция британской стороны была обнадеживающей, поскольку 9 июня 1936 г. Геббельс записывал: «Фюрер предвидит конфликт на Дальнем Востоке. Япония разгромит Россию. Этот колосс рухнет. Тогда настанет наш великий час. Тогда мы запасемся землей на сто лет вперед...»

Вероятный план японского вторжения на Дальнем Востоке (карта приведена в 1922 г. генералом Н. Головиным и адмиралом А. Бубновым)

Территория Японской империи

Территория, уже захваченная Японией

Территория, захват которой подготавливается

Железнодорожные магистрали, проектированные Японией

Англия и Франция действительно вскоре поддержали Японию. Главной задачей последней в Китае было перерезать линии снабжения Чан Кайши из СССР и Британии. Случай представился 14 мая 1939 г., когда японцы блокировали английский и французский сеттльмент (торговое поселение) в Тяньцзине, поскольку там скрылись четверо китайцев, обвинявшихся японцами в убийстве. Это был принципиальный конфликт — признавать ли право японцев вершить правосудие в Китае?.. 22 июля Великобритания заключила с Японией соглашение Ариты — Крейги, по которому признавала последнюю законной властью на оккупированных ею территориях. Франция не возражала. После соглашения англичане фактически прекратили помощь Чан Кайши, а в 1940 г. и вовсе перекрыли китайско-бирманскую дорогу, по которой снабжались его войска.

Что в итоге?

«Какими должны быть условия второго Брест-Литовска, непосредственные первые результаты похода на Восток? Об этом можно часто читать в фашистской, и не только в германо-фашистской, прессе, — писал Э. Генри. — Суть этих условий состоит в установлении новой Восточноевропейской империи Германии, простирающейся от Белого моря на севере вплоть до Азовского моря на юге, охватывая часть Северной России — Ленинград... Белоруссию, Украину и район Дона. Вместе это составляет, примерно, половину современной Европейской части СССР, которая должна быть или непосредственно включена в Третью империю, или подчинена номинальному управлению различных германских вассалов (Балтийский орден, Финляндия, Польша, украинские фашисты и пр.).

Что касается другой половины Европейской части СССР, то Кавказ должен быть передан грузинским, татарским и другим фашистским сепаратистам (давнишним близким друзьям клики Гофмана — Розенберга); это означает на практике, что Кавказ также попадет "под германский контроль; в то время, как другие «зоны» и «сферы влияния», по-видимому, оставлены за Великобританией, помимо ее «интересов» в русской Центральной Азии. Сибирь должна стать протекторатом Японии, азиатского участника «крестового похода», и ее буферным государством. От СССР, согласно плану Гитлера — Гофмана, должно остаться после этого только узкое пространство между Москвой и Уралом, и там в качестве нового государства должна быть восстановлена старая «Московия».

В «Нео-Московии» «должно править русско-фашистское правительство, главная деятельность которого должна состоять в истреблении остатков коммунизма, применении системы Геринга (уничтожения непокорных) и раздаче заказов и концессий германским фирмам. Тогда будет закончена «эфиопизация» Восточной Европы...»

* * *

Японский посол в Риме — Сиратори, в те годы писал, что в результате он хотел бы видеть Россию «слабой капиталистической республикой», ресурсы которой легко можно будет поставить под иностранный контроль. А спустя пять лет, после выхода книги Э. Генри 2 апреля 1941 г. Гитлер подписал план, «согласно которому Россию предлагалось разделить на ее этнические части и, окружив будущую «Московию» кольцом независимых государств, а именно Украиной, Белоруссией, областью Дона и регионом Кавказа, и постоянно держать ее «под угрозой».

Отношение Франции и Англии к «плану Гофмана»

Успех плана Гофмана полностью зависел от отношения к нему великих держав, именно они должны были обеспечить тыл Гитлера на Западе. Гитлер утверждал, вспоминал Геринг, «что Франция ничего не сделает без одобрения Англии и что Париж сделался дипломатическим филиалом Лондона. Следовательно, достаточно было уладить дело с Англией, и тогда на Западе все будет в порядке». «Фюрер, — показывал на Нюрнбергском трибунале Геринг, — приложил в 1936 году все усилия, чтобы прийти к соглашению с Англией». «Чтобы добиться союза с Англией, — продолжал Геринг, — он (Гитлер) готов был гарантировать территориальную неприкосновенность Голландии, Бельгии и Франции. Он даже допускал возможность отказаться от Эльзас-Лотарингии.., Наконец, он не прочь был подписать азиатский пакт, гарантирующий Индию от покушений со стороны СССР».

Но лидеры Англии и Франции не ждали призыва Гитлера... они сами обратились к нему. У. Черчилль в начале 1920-х гг. утверждал: «Оптимальным вариантом было бы столкновение Германии и России», а главной задачей момента он считал поощрение немцев к вторжению в Россию: «Пусть гунны убивают большевиков». В письме Ллойд Джорджу Черчилль повторял: «Следует накормить Германию и заставить ее бороться против большевизма». Дочери Асквита Черчилль говорил, что его политика заключается в том, чтобы: «Убивать большевиков и лобызаться с гуннами».

У. Черчилль в то время заявлял: «Главной угрозой западной цивилизации является не германский милитаризм,

а русский большевизм». Немецкий писатель Новак отмечал в этой связи, что У. Черчилль «ненавистник большевизма, все еще преисполненный мыслью о войне, лелеявший те же идеи, какие лелеял и маршал Фош по поводу многообещающей кампании на Востоке...» Новак недвусмысленно намекал, что по отношению к Черчиллю «были бы вполне уместны слова «поджигатель» и «проповедник войны»». Но, может, это была просто истеричная реакция Черчилля одного из организаторов интервенции в Россию, потерпевшего сокрушительное поражение?

Генерал А. Деникин в своих оценках ссылался уже на более объективные предпосылки. В 1920-х годах он писал: «В политических кругах Англии назревало новое течение, едва ли не наиболее грозное для судеб России: опасность большевизма, надвигающаяся на Европу и Азию, слабость противобольшевистских сил, невозможность для союзников противопоставить большевикам живую силу, невозможность для Германии выполнить условия мирного договора, не восстановив своей мощи. Отсюда как вывод — необходимость допустить Германию и Японию покончить с большевизмом, предоставив им за это серьезные экономические выгоды в России».

Эти планы со временем начинали получать вполне реальные очертания: «16 октября 1925 г. на берегу тихого озера представители четырех великих западных демократий дали торжественную клятву во всех обстоятельствах сохранять мир между собой... Выработанный в Локарно договор, по словам У. Черчилля, был окончательно подписан в Лондоне, как это и должно было быть, потому что именно в Англии и возникла идея такой политики...» Согласно Рейнскому пакту Локарнского договора Франция и Англия гарантировали безопасность западных границ Германии, оставляя открытым вопрос относительно восточных границ... Кроме этого они предложили Германии три возможных вари-

анта ее участия в акциях (формально под флагом Лиги Наций), направленных против СССР: прямое участие в войне; косвенное участие путем пропуска войск через германскую территорию; применение экономических санкций. Официальный Берлин парафировал Рейнский пакт, однако не дал определенных обязательств относительно участия в антисоветских акциях.

Следующий шаг сделал Бриан, который наряду с Бальфуром был первым, кто использовал термин «умиротворение». Он заявлял Штреземанну, что получает «килограммы документов», доказывающих нелегальное вооружение Германии. «Я бросаю их в угол, ибо не желаю тратить время на такие пустяки». На встрече с Штреземанном в 1926 г. Бриан добивался немедленного решения всех острых франко-германских вопросов, предлагая вывод французских войск с оккупированных германских территорий, возврат Саарской области, окончательное определение общей суммы репараций. Он подтвердил незыблемость франко-германских границ, отменил присутствие французских военных инспекторов в Германии и вывел войска из Германии в 1930 г., за 5 лет раньше истечения срока их пребывания там. В 1928 г. генералы, командовавшие оккупационными войсками (Англии и Франции), проводили маневры на территории Германии, отрабатывая стратегию нападения на восток. В начале 1929 г. депутат Штеккер отмечал в рейхстаге: «В оборонном бюджете заложены сотни миллионов марок на тайное перевооружение. Так сколько же бронепоездов имеет немецкая железная дорога и у скольких из них сменены колеса с расчетом на русскую ширину железнодорожной колеи?»

Эрбет в декабре 1929 г. призывал Бриана: «сделать Румынию более грозной; устранить некоторую слабость, которую польская дипломатия проявляет иногда в отношении Москвы; объединить малые прибалтийские государства... побудить Германию прекратить свои военные отношения с

СССР и сделать выбор между политикой Локарно и политикой Рапалло...» Из Франции Фош посылал Гофману присутственные послания через «Neues Wiener Journal»: «Я не настолько безумен, чтобы поверить, что горстка преступных тиранов может и в дальнейшем господствовать над половиной континента и обширными азиатскими территориями. Но ничего не может быть сделано до тех пор, пока Франция и Германия не объединились. Я прошу вас передать мое приветствие генералу Гофману, величайшему поборнику антибольшевистского военного союза».

В интервью французским «Матэн» и «Пти паризьен» летом 1932-го Папен пичкал французов угрозой большевизма и призывал к европейскому крестовому походу против него. Все его разговоры сводились к «германо-французскому военному соглашению». В период примерно с 1927 по 1928 г. Папен был политическим вожаком группировки Гофмана. В 1932 г. на лозаннской конференции Папен предлагал создать объединенный штаб западных демократий.

Французский парфюмерный магнат П. Коти в том же году опубликовал статью «Страна красного дьявола». Коти призвал к крестовому походу против Советского Союза «во имя спасения мировой культуры и цивилизации», на что был готов лично пожертвовать 100 миллионов франков. Коти: «Нужен год лишений и бедствий для европейской армии крестоносцев, но зато можно быть уверенным, что через год от большевиков останется только мокрое место».

У. Черчилль писал в 1932 г.: «Подчинить своей власти бывшую русскую империю — это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... Осуществить ее мы можем лишь с помощью Германии...» «Враждебность Черчилля к коммунизму,— отмечал Э. Хьюз,— граничила с заболеванием. И действительно, разве не сам Черчилль выступал за то, чтобы Германия была превращена в бастион против России, и разве не это делало германский фашизм?»

Первая попытка реального воплощения этих планов произошла полгода спустя после прихода Гитлера к власти — летом 1933 г. был подписан «Пакт четырех» Англии, Германии, Франции и Италии. Четыре державы принимали «на себя обязательство... осуществлять политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира... В области европейских отношений они обязуются действовать таким образом, чтобы эта политика мира, в случае необходимости, была также принята другими государствами». «Пакт» подтверждая обязательства государств по Локарнским договорам 1925 г., устанавливал равенство прав Германии в области вооружений. Фактически Пакт был направлен на разрушение Версальской системы и Лиги Наций. Он не был ратифицирован из-за разногласий между его участниками.

Свою оценку Гитлеру У. Черчилль дал в 1935 г. в книге «Великие современники»: «Хотя никакие последующие политические действия не могут заставить забыть неправильные деяния, история полна примерами, когда люди, добившиеся власти при помощи суровых, жестоких и даже устрашающих методов, тем не менее, если их жизнь рассматривается в целом, расцениваются как великие фигуры, деятельность которых обогатила историю человечества. Так может быть и с Гитлером».

«В мире, объятом пламенем революционного пожара, представитель английской буржуазии и лидер германского нацизма были на одной стороне баррикад. В классовом подходе к оценке событий у них было полное родство душ. Фош, Хейг, Клемансо, Гинденбург, Муссолини, Гитлер... Перед ними Черчилль снимал свою шляпу, они принадлежали к его миру»». В 1936 г. член парламента от консерваторов заявлял: «Пусть доблестная маленькая Германия обожрется… красными на востоке». Общий лозунг консерваторов призывал: «Чтобы жила Британия, большевизм должен уме-

реть». Сын Черчилля Рандольф в то время говорил: «Идеальным исходом будущей войны на востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом».

Изменений в этом отношении не произошло и когда премьер-министром стал Чемберлен. По словам К. Кута, премьер-министр «по существу, желает доминирования в Европе нацистских идей из-за своего фантастически негативного отношения к Советской России». М. Карлей писал: «Идеологизированное видение Советского Союза буквально пропитывало собой англо-французские правящие круги». Другой американский историк Ф. Шуман отмечал, что многие политические деятели Англии, Франции и США считали, что «предоставление фашистской тройке свободы рук... приведет к германо-японскому нападению на Советский Союз».

Британская разведка считала настоящим врагом Советский Союз, точно так же думал и французский генеральный штаб. По мнению М. Карлея, «эта антисоветская настроенность вела к тому, что разведсводки намеренно искажали данные о военном потенциале Советского Союза. Никто и слышать не хотел о достоинствах нежелательного и опасного союзника. Технические доводы о недостатках в вооружении Красной армии просто маскировали антикоммунистическую настроенность некоторых идеологов». Примечательно, что когда О. Паласс, французский военный атташе в Москве, предоставил информацию о внушительной боеспособности советских вооруженных сил, хотя в ней не скрывались факты о недостаточной наступательной мощи, он был подвергнут яростным гонениям со стороны начальства.

Британская и французская пропаганда в данном случае шла вслед за геббельсовской, которая именно этими тезисами поднимала воинственный дух немцев. Так, в ответ на вопрос одной из его пропагандистских брошюр: «Почему Германия выиграет войну, если она будет сражаться на два

фронта?», говорилось: «1. Британия не присоединится к антигерманской стороне... 2. Красная Армия находится в совершенно отчаянном состоянии... Советский Союз не может вести победоносную войну...»

* * *

Трудность для правящих кругов Лондона, Парижа и т.д. состояла в том, что ни одна нация не поддержала бы открытого призыва к войне. Тем более против Советской России, — еще свежи были в памяти события, когда призывы к интервенции в Россию привели Европу к социальному взрыву. Поэтому перед своими народами руководители Франции и Англии выступали как борцы за мир. Политес, хотя бы ради того, чтобы остаться у власти, должен был быть соблюден. Его внешней формой стала политика «умиротворения». Но обман не мог продолжаться вечно, точку на нем поставил Мюнхен. Это утверждал не кто иной, как сам У. Черчилль, который при этом отмечал, что самым поразительным в позорной сделке в Мюнхене было то, что она произошла публично, предательство было сделано открыто и без тени смущения... При этом англичане и французы вели себя так, словно Советского Союза не существовало.

В чем же состояло предательство? Здесь У. Ширер, как и У. Черчилль смогли позволить себе лишь вскользь коснуться вопроса, отметив, что командующий Берлинским военным округом генерал фон Вицлебен «подозревал, что Лондон и Париж, тайно предоставили Гитлеру свободу действий на востоке... точка зрения, которую разделяли многие генералы...» Имели ли эти подозрения, какие-либо основания? У. Ширер ушел от ответа и не случайно. Положительный ответ делал Англию и Францию не просто соучастниками фашистской агрессии и Второй мировой войны, а ее прямыми инициаторами.

О чем же говорят факты? 12 сентября Н. Чемберлен неожиданно обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече, чтобы «выяснить в беседе с ним, есть ли еще какая-нибудь надежда спасти мир». В тот же день он писал своему ближайшему сподвижнику — Ренсимену: «... Я сумею убедить его (Гитлера), что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса... Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира... и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России».

Следуя «плану Чемберлена», с конца 1938 г. и до середины марта 1939 г. английское правительство старалось наладить всеобъемлющее политическое и экономическое сотрудничество с Германией. Так, 31 октября посол Германии в Англии после официальной встречи докладывал в Берлин, что «Чемберлен питает полное доверие к фюреру», что, по мнению премьер-министра, Мюнхен «создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между обеими странами на длительное время рассматривается... английским кабинетом, как одна из главных целей английской внешней политики». Лондон сулил Берлину за соглашение с ним возврат колоний и финансовую помощь. Ради чего? Дирксен формулировал ответ следующим образом: английская сторона считает, что «после дальнейшего сближения четырех великих европейских держав можно подумать о принятии на себя этими державами определенных обязанностей по обороне или даже *гарантий* против Советской России...» К аналогичным выводам приходил полпред СССР в Лондоне Майский, который месяц спустя сообщал в Москву: «При первой же подходящей оказии он (Чемберлен) постарается возобновить свой флирт с Германией и свою попытку создания «пакта четырех»».

Вполне определенно на цели, которые преследовала политика Англии и Франции, указывал Я. Шахт в своем выступлении перед Нюрнбергским трибуналом: «Веймарская республика не устраивала некоторые страны Запада из-за заключенного Рапалльского договора. Поэтому на все просьбы и предложения Веймарской республики эти страны отвечали «нет». Но когда к власти пришел Гитлер, все изменилось. Возьмите всю Австрию, ремилитаризируйте Рейнскую область, возьмите Судеты, возьмите полностью Чехословакию, возьмите все, — мы не скажем ни слова. До заключения Мюнхенского пакта Гитлер не осмеливался даже мечтать о включении Судетской области в империю. Единственно, о чем он думал, — это об автономии для Судет. А затем эти глупцы, Даладье и Чемберлен, все преподнесли ему на золотом блюдце. Почему они не оказали Веймарской республике хотя бы одну десятую такой поддержки?» Ответ на этот вопрос в своих мемуарах давал Папен: «Ни постоянное пренебрежение Гитлером международными договорами... ни отказ от соблюдения Версальского договора... не препятствовали зарубежным странам заключать с ним соглашения, покуда они видели в нем защиту от угрозы большевизма. «Умиротворение» — политика, выдуманная не в Германии».

Позиция Англии относительно Германии ни у кого сомнений не вызывала. Так, летом 1937 г. У. Додд в своей записи беседы с британским послом Гендерсоном замечал: «Хотя я и подозревал, что Гендерсон склонен поддержать германские захваты, я не ожидал, что он зайдет так далеко в своих высказываниях. .. — Германия должна подчинить себе дунайско-балканскую зону, а это означает ее господство в Европе. Британская империя вместе с Соединенными Штатами должна господствовать на морях. Англия и Германия должны установить тесные отношения, экономические и политические, и господствовать над всем миром. Развивая дальше свою мысль, он заявил: Франция утратила свое значение и не заслужива-

ет поддержки. В Испании хозяином будет Франко». Случайно или нет, но на следующий день 24 июня была подписана Директива главнокомандующего вермахтом «О единой подготовке вермахта к войне». Премьер-министр Англии С. Болдуин в те дни заявлял: «Нам всем известно желание Германии, изложенное Гитлером в его книге, двинуться на восток... Если бы в Европе дело дошло до драки, я бы хотел, чтобы она была между нацистами и большевиками».

Пока же стороны рассыпались в комплиментах друг другу. Так, в речи от 5 ноября 1937 г. Гитлер говорил про англичан: «Это народ твердый, упорный и мужественный. Это опасный противник, особенно в обороне. Он способен к организации, любит рисковать и имеет вкус к авантюре. Это народ германской расы, который обладает всеми ее качествами». В ноябре 1937 г. Галифакс по поручению нового премьер-министра Чемберлена прибыл в Берлин. После Галифакс напишет, что ему «понравились все нацистские лидеры, даже Геббельс... Он считает этот режим абсолютно фантастичным, чтобы воспринимать его всерьез...»

Но главной была встреча с Гитлером. Она состоялась 19 ноября, Галифакс говорил фюреру: мы хотим в Европе мира и спокойствия. И тут роль Германии исключительна. Сегодня она по праву может считаться бастионом Запада против коммунизма. Вы, господин рейхсканцлер, не только оказали большие услуги Германии, но сделали много больше! Уверен, что вы и сами отлично понимаете: уничтожив коммунизм в своей стране, вы сумели преградить ему путь на весь Запад. И теперь нет принципиальных помех общей договоренности Англии и Германии с привлечением Франции и Италии..., единственной катастрофой является большевизм, все прочее можно урегулировать. «Галифакс был тогда лордом-председателем совета, вторым лицом в правительстве после премьер-министра. Сохранилась стенограмма беседы Галифакса с Гитлером. Галифакс дал Гитлеру по-

нять, что Англия *не будет мешать* ему в Восточной Европе...» 20 февраля 1938 г. Гитлер в рейхстаге подтвердит свою приверженность европейской цивилизации заявив, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза.

* * *

Наиболее наглядным подтверждением единой европейской политики стал Мюнхен. В конце 1938 г. англо-франко-германская комиссия решала все проблемы в пользу Гитлера, референдумы отменили, все смешанные территории были переданы Германии. 4 октября в Париже палата депутатов 535 голосами против 75 одобрила Мюнхен... «против» проголосовали А. де Керильи от правых, социалист Ж. Буи и 73 депутата-коммуниста... Коммунистов кляли как поджигателей войны и приспешников Москвы. «Французы, нет места для отчаяния, — вещала правая пресса, — поражение потерпели только московские вояки. Коммунизм — это война, а война означает коммунизм». Аналогично реагировала палата общин в Лондоне, Чемберлен стал почти национальным героем. Президент США 5 октября в послании Чемберлену также приветствовал Мюнхенские соглашение. Госдеп устами С. Уэллеса подтвердил, что ее результаты позволят миру «впервые за два десятилетия достигнуть нового мирового порядка на основе справедливости и законности». Американский посол в Англии Дж. Кеннеди призвал: «Демократическим и тоталитарным государствам невыгодно усиливать то, что их разделяет. Они должны с пользой сосредоточить свою энергию на разрешении общих проблем, пытаясь установить добрые отношения».

Но это было только началом. 15 марта 1939 г. немецкие войска вошли в Богемию и Моравию. Присоединение будущих протекторатов к рейху было осуществлено на основа-

нии совместного коммюнике Гитлера и президента Чехословакии Гахи, которое гласило: «Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что для достижения этой цели и мирного урегулирования он готов вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха...» Фюреру не оставалось ничего другого, как согласиться.

Вполне естественно, что «ни Англия, ни Франция не предприняли ни малейшей попытки спасти Чехословакию, хотя в Мюнхене торжественно давали ей гарантии на случай войны». Э. Галифакс объяснял позицию своей страны тем, что президент Гаха сам дал «согласие» на захват и таким образом было «естественным способом» покончено с обязанностью Англии и Франции предоставлять гарантии Праге, бывшим «несколько тягостным для правительств обеих стран».

При этом правительства Франции и Великобритании совершенно не интересовало, каким образом Гитлер получил столь щедрые предложения Гахи. Вопрос был решен ранним утром того же дня 15 марта. В то утро Гитлер заявлял Гахе, «приглашенному» в рейхсканцелярию, что 12 марта «он отдал приказ германским войскам о вторжении в Чехословакию и присоединении ее к германскому рейху...» 14 марта немецкие войска уже оккупировали Моравску-Остраву и встали на границе Богемии и Моравии. Гитлер продолжал: «В шесть часов немецкие войска вступят на территорию Чехословакии. Ему неловко говорить об этом, но каждому чешскому батальону противостоит немецкая дивизия...» Гахе было предложено подумать над этим, причем если он не подпишет цитированное выше коммюнике, «то через два часа Прага будет превращена бомбардировщиками в руины, причем это только начало. Сотни бомбардиров-

щиков ожидают приказа на взлет. Они получат его в шесть утра, если на документе не будет подписи». У Гахи не было выбора, на помощь «гарантов мира» он даже не надеялся...

16 марта Гитлер аналогичным образом взял под милостивую защиту Словакию, в ответ на телеграмму премьера Тисо, составленную в Берлине. Немецкие войска немедленно вошли в Словакию для ее «защиты». Н. Чемберлен и по этому поводу заявил: «Никакой агрессии не было!», сославшись на провозглашение «независимости» Словакии. «Эта декларация,— сказал он,— покончила изнутри с тем государством, незыблемость границ которого мы гарантировали. Правительство его величества не может считать себя далее связанным этим обещанием». По словам У. Ширера: «Таким образом, стратегия Гитлера полностью себя оправдала. Он предложил Чемберлену «выход», и тот его принял. Интересно, что премьер-министр даже не собирался обвинять Гитлера в нарушении слова... Он не высказал ни слова упрека в адрес фюрера...»

Мало того, Н. Чемберлен откровенно приглашал Гитлера к сотрудничеству: «Правительство его величества не имеет намерения вмешиваться в дела, в которых могут быть непосредственно заинтересованы правительства других стран... Тем не менее оно — этот факт правительство Германии непременно оценит — крайне заинтересовано в успехе мер, предпринимаемых для поддержания атмосферы доверия и ослабления напряженности в Центральной Европе. Оно будет сожалеть обо всех действиях, которые могут привести к нарушению атмосферы растущего всеобщего доверия...» О том, что это были не просто слова, говорит тот факт, что Англия передала Германии чехословацкое золото на сумму 6 млн. фунтов стерлингов, которое чехословацкое правительство отправило в подвалы Английского банка накануне оккупации.

Франция старалась не отстать, и когда 30 января 1939 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, заявил, что Германия испытывает экономические трудности, Даладье воспринял слова фюрера как сигнал к налаживанию франко-германских экономических отношений... После взаимных консультаций 11 марта французское посольство в Берлине передало министру иностранных дел Германии ноту, в которой подчеркивалось желание французского правительства «наилучшим образом обеспечивать развитие торгового и экономического сотрудничества между Францией и Германией».

Еще в середине октября 1938 г., отмечает С. Кремлев, в Лондон приехала германская экономическая делегация для зондажа о возможностях увеличения немецкого экспорта в английские колонии. 6 ноября заведующий экономическим отделом Форин Оффис Эштон-Гуэткин (входивший ранее в миссию Ренсимена) предложил представителю Рейхсбанка Винке рассмотреть планы предоставления Германии крупных английских кредитов. В середине декабря уже сам президент Рейхсбанка Шахт в том же Лондоне беседует в духе взаимопонимания с управляющим Английским банком Норманом, а в январе 1939-го Норман приезжает в Берлин.

28 января Рейнско-вестфальский угольный синдикат и Горнорудная ассоциация Великобритании подписывают соглашение о разграничении сфер интересов и единых ценах на уголь на рынках третьих стран... 3 февраля Галифакс публично приветствовал создание угольного картеля как «обнадеживающий признак на будущее». 22 февраля Чемберлен был еще более категоричен: «Сближение между Англией и Германией в области торговли окажется лучшим и быстрейшим путем для достижения взаимопонимания между обеими странами».

Нечто подобное происходило и в германо-французских делах. В декабре 1938 г. Риббентроп и Боннэ обменялись па-

мятными записками о практических мерах по расширению взаимного экономического сотрудничества, экспорта-импорта и сотрудничества отдельных экономических групп, о торговле Германии с французскими колониями. Было решено создать Франко-германский экономический центр и консорциум для эксплуатации французских колоний, строительства портов в Южной Америке, дорог и мостов на Балканах, разработки металлорудных месторождений в Гвинее, Марокко....

В феврале 1939 г. в Дюссельдорфе начались переговоры между двумя самыми влиятельными объединениями деловых кругов Англии и Германии — «Федерацией британской промышленности» и немецкой «Имперской промышленной группой». Лондонский журнал «Экономист» тогда же назвал эти переговоры «беспрецедентными в истории в смысле масштабов». 15 марта вермахт вошел в Прагу, и в тот же день было подписано Дюссельдорфское англо-германское соглашение, где было сказано, кроме прочего, что «эти совместные действия следует рассматривать как предвестника более широкого международного сотрудничества между промышленными группами, целью которого является повышение потребительской способности в мире, а следовательно, и уровня производства на благо всех участников соглашений».

* * *

Однако вдруг «чуть ли не за один день Чемберлен перешел от умиротворения к открытым угрозам», — не без удивления вспоминал депутат-консерватор Л. Эмери. Премьер-министр стал обвинять Гитлера в обмане. По словам У. Ширера, через два дня после ликвидации Чехословакии «на Н. Чемберлена снизошло прозрение. Снизошло оно не само собой. К величайшему удивлению премьера, большинство английских газет (даже «Таймс», но не «Дейли мейл») и палата общин враждебно отнеслись к новой агрессии Гитлера. Более

того, многие его сторонники в парламенте и половина членов кабинета восстали против продолжения курса на умиротворение Гитлера. Лорд Галифакс, как сообщал в Берлин немецкий посол, настаивал на всесторонней оценке премьер-министром случившегося и резком изменении курса. Чемберлену стало ясно, что его положение как главы правительства и лидера партии консерваторов под угрозой».

Н. Чемберлен среагировал мгновенно, в своей очередной речи он уже заявлял: «Нам говорят, что захват Чехословакии был продиктован беспорядками внутри этой страны... Если там и были беспорядки, то не стимулировали ли их извне?.. Конец ли это прежней авантюры или начало новой? Станет ли это нападение на малое государство последним или за ним произойдут и другие? Не является ли этот шаг попыткой добиться мирового господства при помощи силы? ...Хотя я не готов связать нашу страну новыми довольно неопределенными обязательствами на случай непредвиденных обстоятельств, было бы большой ошибкой полагать, будто только потому, что наша нация считает войну бессмысленной жестокостью, она настолько утратила боевой дух, что не приложит всех усилий, чтобы противостоять подобному вызову, если он последует». Это был важнейший поворотный пункт для Чемберлена и всей Британии, о чем Гитлера уведомил на следующий же день проницательный германский посол в Лондоне. «Было бы иллюзорно считать,— писал Г. фон Дирксен в отчете в министерство иностранных дел 18 марта,— что в отношении Англии к Германии не произошло резкого поворота».

* * *

Что же произошло в те дни? Ранним утром 15 марта венгерские войска оккупировали Карпатско-Украинскую республику, провозглашенную на остатках Рутении — восточной

части Чехословакии — днем раньше[1]. Сам факт участия Венгрии в разделе чехословацкого наследства, как и Польши, не вызывал споров, поскольку Британия и Франция обещали гарантировать новые границы Чехословакии, только после того как будут удовлетворены претензии Венгрии и Польши. Гитлер не только не возражал, но и сам предложил Рутению Венгрии.

Однако тем самым Гитлер хоронил проект создания государства «Закарпатская Украина», которое должно было появиться согласно решению Германии и Италии на первом Венском арбитраже 2 ноября 1938 г. «Закарпатская Украина» должна была стать первым шагом на пути создания независимого Украинского государства. Этот шаг был предусмотрен еще в «плане Гофмана», на что указывал в 1936 г. Э. Генри. Руководители Германии, казалось, последовательно шли по пути, начертанному в «плане», по крайней мере они всеми силами поддерживали это мнение в правящих кругах Англии и Франции. Так, Л.

---

[1] Прикарпатская (Закарпатская) Русь — Ужгород, Мукачево, Хуст, Свалява — после Версаля и Сен-Жермена была отдана союзниками Чехословакии насильно, против воли самих жителей Верховины и Закарпатья. «Мы хотим объединиться с Советами на Украине. Хотим объединиться с целой Украиной — Русью, где наш русский язык и где бедный народ получает землю и волю» — это слова из манифеста «Свалявской народной рады». Однако, как заявил В. Вильсон 21 октября 1918 г.: «Стремления закарпатских украинцев непрактичны и не встретят согласия со стороны союзных государств».

Журналист Лагута и юрисконсульт «Дженерал моторс» Жаткович срочно создали «Американскую народную раду русинов» с президентом Гордошем, фабрикантом, во главе, появилось и «Объединение греко-католических русских братьев в США». 12 ноября 1918 г. в американском Скронтоне созвали Конгресс русинов, тут же отбивший телеграмму в Белый дом. Оказывается, американские русины жить не могли без того, чтобы их историческую родину включили в состав той Чехословакии, которую вскоре сформировали в Париже. На этот раз Вильсон реагировал иначе. В ответной телеграмме он писал: «Уважаемый господин Жаткович! Благодарю Вас за письмо от 15 ноября... Радуюсь с Вами успеху, которого Вы достигли на пути к лучшему будущему. Искренне благодарный Вам Вудро Вильсон» (*Кремлев С.* Путь к пакту... С. 334—335).

Гарт приводил в своей книге сведения, которые подтвердил и сам У. Черчилль, что в 1937 г. Риббентроп пригласил его для беседы, главный смысл которой заключался в предложении, «чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен лебенсраум, или жизненное пространство... Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха...»

У. Черчилля не надо было в этом убеждать, поскольку он сам был автором этой идеи в 1920 г., предлагая накормить Европу Украиной за счет большевистской России: «Именно на Украине... могла бы Европа рассчитывать получить требуемые запасы продовольствия». Мнение борца за демократию полностью совпадало с мнением Люден¬дорфа: «На Украине надо было подавить большевизм и создать там условия для извлечения военных выгод и вывоза хлеба и сырья». После поражения Германии дело Людендорфа продолжат У. Черчилль и Клемансо, оказав активную поддержку польской агрессии 1920—1921 гг., целью которой была Украина.

В ноябре 1938 — марте 1939 гг. тема похода Гитлера на Украину была наиболее дискутируемой в дипломатических кругах. Так, американские наблюдатели отмечали «устойчивое мнение» влиятельных французских кругов о возможности сосуществования Франции и Германии «путем отказа от Центральной и Восточной Европы в пользу Германии». Сценарий захвата Украины должен был быть точно таким же, как Австрии и Чехословакии.

Сомнений в том на чьей стороне будет «европейская общественность», не было. Как отмечает А. Шубин, «борьба за самоопределение» украинцев против СССР, находившегося в полной международной изоляции, была бы поддержана всей Европой». О степени этой изоляции свидетельствуют воспоми-

нания В. Шуленбурга, который, пересекая в ноябре 1938 г. советско-польскую границу, обнаружил, что едет в поезде один. Мало того, эта изоляция демонстративно подчеркивалась. «Пока Чемберлен трижды летал в 1938 г. в Германию, ни один из британских министров не пожелал принять участие в московских переговорах, и это несмотря на то, что русские настойчиво приглашали прибыть в Москву министра иностранных дел Великобритании Галифакса, — отмечал английский корреспондент. — Британское правительство проявляет демонстративное пренебрежение к советскому послу. За 3,5 месяца посол только 1 раз имел возможность беседовать с министром Галифаксом, а СССР не был поставлен в известность о переговорах Чемберлена в Риме и Париже».

Но за Украиной стояли не Англия и Франция, а СССР, таким образом вопрос об Украине становился вопросом о европейской войне, войне между СССР и Германией. Во Франции по этому поводу не только царила эйфория, но французы активно подталкивали Германию по этому пути, публично поддерживая планы создания «Великой Украины».

Так, в декабре 1938 г., когда появилась совместная франко-германская декларация, посол в Берлине Р. Кулондр сообщал: «Цель *(немцев),* кажется, уже определена — создать Великую Украину, которая стала бы житницей Германии... сломить Румынию...привлечь на свою сторону Польшу... В военных кругах уже поговаривают о походе до Кавказа и Баку». Выступления французского журналиста Ф. де Брино¬на в Риме в поддержку германского завоевания Украины, по мнению М. Литвинова, отражали точку зрения многих французских политиков, считавших это завоевание «чудесным лекарством», которое спасет страну от германской угрозы.

Одновременно представители Англии и Франции извещали о возможности подобного конфликта советских по-

слов. Так, 8 декабря в Париже Мандель предупреждал советского посла Сурица, что следующей целью Гитлера будет Украина, но еще раньше судьбу Чехословакии разделят Польша и Румыния. Аналогичное предупреждение 30 ноября делал советник Чемберлена Г. Вильсон советскому послу Майскому: «Следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения».

Реакция И. Сталина на подобные «предупреждения» была отражена в его выступлении 10 марта на XVIII съезде Коммунистической партии Советского Союза (со слов Шуленбурга); ***«Некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.***

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты... Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей армии и флота...»

* * *

Несомненно, речь Сталина оказала свое воздействие на решение Гитлера. Хотя сомнения в «добропорядочности» последнего и его следовании «плану Гофмана» появились у англичан раньше — в начале 1939 г. Тогда в январе на дипломатическом приеме Гитлер открыто продемонстрировал свои намерения в улучшении отношений с СССР. Первые шаги в этом направлении были сделаны уже месяц назад. Так, 19 декабря 1938 г. без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил СССР возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений. Советская сторона 11 января согласилась начать экономические переговоры... «Затем Германия санкционировала передачу Закарпатья Венгрии, что вызвало недовольство Польши, но успокоило СССР, опасавшегося, что эта территория станет зародышем «Великой Украины».

Эти тенденции напугали официальный Лондон и Париж, которые совместно торпедировали германо-советское сближение. Э. Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией. С тех пор есть сообщения, указывающие на то, что Гитлер... рассматривает вопрос о нападении на западные страны в качестве предварительного шага к последующей акции на востоке». Перелом произошел в середине марта, тогда французское общественное мнение все больше уверовало, что экспансия Гитлера на восток была просто подготовкой перед наступлением на за-

пад. 15 марта Суриц сообщал из Парижа: «В этом отношении речь Сталина произвела очень сильное впечатление».

Вероятность переориентации Гитлера с востока на запад давно уже вызывала беспокойство в Англии и Франции. И было отчего — Гитлер вышел из Версаля. Что он значил для Гитлера, можно сказать словами Ленина, отстаивавшего в свое время Брестский мир: «Бывал заключаем мир и более тяжелый, заключаем немцами в эпоху, когда они не имели армии... Они заключили тягчайший мир с Наполеоном. И этот мир... вошел в историю, как поворотный пункт к тому времени, когда у немецкого народа начался поворот, когда он отступал до Тильзита, до России, а на самом деле выигрывал время, выжидал, пока международная ситуация не изменилась, пока не оздоровилось сознание измученного войнами и поражениями немецкого народа и пока он снова не воскрес к новой жизни». Гитлер не знал слов Ленина, отмечает С. Кремлев, но однажды на вопрос англичан о прочности своих договорных обязательств резко и резонно заметил: «Если бы Блюхер оглядывался на договоры с Наполеоном, то Веллингтон так и остался бы без помощи». В 1935 г. Гитлер говорил: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и перевооружиться....»

Удар Гитлера по Украине, отмечал М. Карлей, «был приятный, внушающий иллюзии, но самообман, ибо, насытившись на востоке, Гитлер мог повернуть и с удвоенной силой обрушиться на запад, как это предвидел, например, Черчилль». До У Черчилля это предвидел Э. Генри в 1936 г., и, очевидно, его предупреждение не осталось незамеченным. Так, например, А. Эйнштейн писал о книге «Гитлер над СССР»: «Если

эта книга встретит такое понимание, какого она заслуживает, то ее влияние на развитие отношений в Европе не может не стать решающим...» Э. Генри утверждал: ««Теперь, во всяком случае, становится совершенно ясным чудовищное политическое и военное мошенничество, которое совершает Гитлер, выдвигая формулу особой «восточной стратегии». Нет сепаратных «восточной» и «западной» стратегий германского фашизма. Есть только первая и вторая стадии проведения наступления в целом, в которой первая стадия делает вторую несомненно возможной и безусловно осуществимой». «Та же самая армия, когда она окончательно завладеет добычей, согласно плану Гофмана, должна проследовать назад. Победоносные фашистские орды повернут на запад!... Что станется тогда с «западноевропейской демократией»? Что станется с Британией?»

Вступление Гитлера в Прагу в этой связи, по мнению Папена, носило символическое значение, оно фактически хоронило «атмосферу растущего всеобщего доверия» на которую надеялись в Лондоне: «Последствия этого были ясны всякому, кто обладал хотя бы малейшей политической проницательностью». Впрочем, говорить об «атмосфере растущего всеобщего доверия» было бы слишком оптимистично. Для оправдания этого доверия Великих Демократий Германия должна была вступить в войну не на жизнь, а на смерть с Советской Россией. Украина становилась только поводом. Гитлер в достаточной мере осознавал, куда толкают Германию «всеобщее доверие» и жизненные интересы Британской империи.

Говоря о последних известный полковник Поллок писал: «До тех пор пока европейские державы разделены на группы и мы в состоянии будем противопоставлять их одну другой, — Британская империя может не опасаться своих врагов, кроме палаты общин. Совсем не из любви к прекрасным глазам Франции решаемся мы поддержать ее против Германии, как не из

рыцарских побуждений становились мы на защиту угнетенных наций сто лет назад. В международной политике нет места чувствам. Мы сражались с Наполеоном не на жизнь, а на смерть по тем же причинам, по каким в недалеком будущем будем сражаться с Германией или позднее с другой державою. Короче говоря, наша внешняя политика в высокой степени эгоистична и не потому, что мы желали этого, а потому, что у нас нет выбора. .. Наше назначение и состоит в том, чтобы быть или вершителем европейских дел, или ничем!» Интересно, что написано это было еще накануне Первой мировой войны.

Германия — лишь временный «союзник» для уничтожения большевизма, но Англия «не имеет постоянных союзни¬ков, а имеет лишь постоянные интересы». Какие? О них говорил, например, Д. Купер, и его слова отражали общую точку зрения британского истеблишмента, которой последний придерживался на протяжении веков: «Главный интерес нашей страны заключается в предотвращении доминирования одной страны в Европе», «нацистская Германия представляет собой самую мощную державу, которая когда-либо доминировала в Европе», противодействие ей «совершенно очевидно соответствует британским интересам». Сам Н. Чемберлен утверждал: «Наш общий курс в отношении Германии направлен не на защиту отдельных стран, которые могут оказаться под угрозой с ее стороны, а на предотвращение германского господства на континенте, в результате чего Германия усилится настолько, что сможет угрожать нашей безопасности». Как писал Дж. Фуллер: «Величие Британии было создано и сохранялось поддержанием равновесия сил, ее будущая безопасность зависела от восстановления равновесия».

Гитлер не строил иллюзий на этот счет. Еще в «Майн кампф» он писал: «Желание Англии было и остается — не допустить, чтобы какая бы то ни было европейская конти-

нентальная держава выросла в мировой фактор, для чего Англии необходимо, чтобы силы отдельных европейских государств уравновешивали друг друга. В этом Англия видит предпосылку своей собственной мировой гегемонии». В мае 1939 г. Гитлер заявлял: «Англия — это двигатель антигерманских сил. Она видит в нашем развитии зарождение новой гегемонии, которая ее ослабит. Мы должны подготовиться к борьбе с ней. И это будет борьба не на жизнь, а на смерть. Наша конечная цель — поставить Англию на колени».

Идеалом для Англии было столкновение Германии и СССР, их взаимное ослабление, а еще лучше уничтожение. Пространство от границ Франции до Урала и дальше в этом случае превращалось в новую Америку (времен ее покорения), свободную для экспансии «великих демократий». Лондон сознательно стремился к Второй мировой войне и делал все возможное для ее возникновения. Политика «нейтралитета», невмешательства, «растущего всеобщего доверия» в тех конкретных условиях становилась не чем иным, как новой формой традиционной английской «дешевой империалистической политики», неизбежно толкающей мир к войне.

Отмечая этот факт, И. Сталин на XVIII съезде партии заявлял: *«Главная причина (начала Второй мировой войны) состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательств, на позицию «нейтралитета»... Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами». На*

деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии, впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах и впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!....»

Но почему же Гитлер внес изменения в «план Гофмана»? Ведь завоевание Украины усилило бы его. Однако он очевидно не был уверен в слабости СССР, как уверяли в том западные «демократии». Война против СССР для него была гораздо большим риском, чем война против Польши, Англии и Франции вместе взятых. Поэтому прежде, чем повернуть на восток, он решил обеспечить себе более надежные тылы на западе. Именно это мнение высказывал Литвинов в беседе с французским послом в Москве Кулондром: «Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями... либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам... В первом случае... вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное».

* * *

А что же Россия? Советский Союз был единственной страной, официально выступившей против Мюнхенского сговора. Позицию СССР отражали слова Литвинова, который в дни чехословацкого кризиса убеждал Э. Галифакса: «Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровскую мотивировку за чистую монету. Она делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев, и стоит эти права расширить, как опасность будет немедленно устранена. На самом же деле Гитлеру так же мало дела до судетских, как и до тирольских немцев. Речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе».

Колебания Франции в выполнении своих обязательств по франко-чехословацкому договору не изменили позиции Советского Союза, он был готов выступить даже в одиночку. 26 апреля 1938 г. М. Калинин заявлял относительно франко-советско-чехословацкого пакта 1935 г.: «Пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции». Это заявление было сделано несмотря на то, что 1 марта 1938 г. был продлен советско-германский хозяйственный договор 1936 г., по-прежнему предоставлявший СССР торговый режим наибольшего благоприятствования, в котором ему отказывали западные «демократии», в том числе и та же Франция.

СССР не собирался защищать преступления Версаля, однако в данной ситуации, по мнению советского руководства, у него не было другого выхода. По этому поводу Литвинов говорил Шуленбургу, что не СССР «создавал чехословацкое государство, но должен противостоять любому подъему гитлеровской Германии, вдохновляемой духом агрессии. Несомненно, СССР занял бы в этом кризисе другую позицию, если бы все еще существовала прежняя веймарская демократия. Ведь Со-

ветский Союз всегда выступал за принцип права народов распоряжаться своей судьбой».

Советской армии нужен лишь проход через территорию Польши и Румынии. Проход для предотвращения агрессии был предусмотрен статьей 16 пункт 3 устава Лиги Наций. Однако Польша и Румыния категорически отказались пропустить через свои территории советские войска. Так, 22 мая 1938 г. польский посол Лукасевич заявлял министру иностранных дел Франции Боннэ, что Польша не пошевелится, если Германия нападет на Чехословакию. Боннэ поинтересовался: «А если Франция выполнит свои обязательства и вместе с Лондоном поддержит Чехословакию?» Лукасевич: «По франко-польскому пакту наша страна имеет перед Францией обязательства только в том случае, если последняя подвергнется нападению. А в рассматриваемой ситуации агрессором будет Франция...» Что касается участия СССР Лукасевич изрек: «Русские — наши злейшие враги. Если потребуется, мы силой будем противостоять любому проникновению русских на нашу территорию и даже любому пролету русских самолетов. Чехи? Они недостойны того интереса, который вы к ним проявляете...» Польский журналист Свенцицкий заявлял своему советскому коллеге Н. Пальгунову: «Мы никогда не пустим ваши войска на свою территорию. Никогда, зачем бы и с чем бы они к нам ни шли!».

Тем не менее 21 сентября Литвинов подтвердил, что СССР готов оказать военную помощь Чехословакии. СССР сосредоточил на своих западных границах 60 пехотных, 16 кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 22 танковые и 17 воздушных бригад. Из запаса было призвано 328,7 тыс. человек. Несмотря на отсутствие разрешения на пролет советской авиации над чужой территорией, 28 сентября нарком обороны СССР доложил о готовности к переброске в Чехословакию 548 военных самолетов. Всего на западе страны было сосредоточено 2690 самолетов.

Польша, в свою очередь, сосредоточивала свои войска на чехословацкой границе. И 23 сентября последовало официальное заявление советского правительства, в котором оно предупредило, что в случае занятия польскими войсками территории Чехословакии правительство СССР без предупреждения денонсирует договор о ненападении с Польшей 1932 г. Ответ последовал в тот же день — правительство Польской республики «ни перед кем не обязано давать объяснения». 30 сентября польские войска оккупируют Тешинскую область Чехословакии.

Однако Советская армия не тронулась с места. Это дало повод многочисленным «западным историкам» обвинить СССР в обмане. Так, С. Случ указывает на «кардинальное» изменение политики СССР, который в 1935 г. обещал прийти на помощь вне зависимости от Польши и Румынии, а теперь предлагал действовать с учетом «неизбежно ограниченных возможностей». Стоит отметить, что на серьезность этих «ограничений» однозначно указывала Польша, которая 8—11 сентября организовала на польско-советской границе крупнейшие в истории страны военные маневры. Они завершились грандиозным 7-часовым парадом в Луцке, который принимал лично Рыдз-Смиглы.

Но возможности Советского Союза ограничивали отнюдь не польские демонстрации. Чтобы прийти на помощь Чехословакии, СССР требовалось официальное обращение ее правительства с соответствующей просьбой. Бенеш предпочел капитулировать. Свет на причину решения чехословацкого правительства проливают выводы, к которым оно пришло на своем заседании 30 сентября: «Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого произойдет война, то она сразу превратиться в войну СССР со всей Европой». Действительно, вторжение СССР в Польшу и Румынию «без приглашения» в данном случае неизбежно было

бы расценено всеми европейскими странами как агрессия против Европы.

СССР не пошел на это и даже, ради сохранения отношений, не пошел на денонсацию договора о ненападении с Польшей. Тем самым он вызвал массированные обвинения в двуличности со стороны Запада. А ведь так все замечательно складывалось. В беседе с Майским еще 24 марта 1938 г. Черчилль ругал Троцкого и хвалил Сталина, и тут же призывал Майского: «Докажите перед лицом всего мира, что все россказни о вашей слабости лишены всяких оснований... Такой эффект могло бы иметь ваше торжественное и совершенно твердое заявление об оказании серьезной помощи Чехословакии в случае агрессии против нее». Аналогичные фразы повторяли и Боннэ, и многие другие. Еще чуть-чуть и…

Три десятилетия спустя американский профессор А. Улам в этой связи заметил: «Советская дипломатия между октябрем (1938 г.) и мартом (1939 г.) обнаружила великолепное хладнокровие и силу нервов». Тем не менее «кардинальное» изменение в политике СССР после Мюнхена действительно произошло. У Сталина исчезли последние иллюзии относительно мирных целей и союзнической добросовестности Англии и Франции. Американский посол в СССР Дэвис сообщал в Вашингтон свое мнение, что советская политика «коллективной безопасности» с англичанами и французами почти провалилась и что Москва может попытаться создать « в недалеком будущем союз с Германией». Он также был убежден в «способности [Советского Союза] защитить себя от нападения с востока и запада». 1 апреля 1938 г. он телеграфировал госсекретарю Халлу, что Москва считает себя окруженной врагами и что ей приходится иметь дело с «враждебностью со стороны всех капиталистических государств». Общее мнение совет-

ского правительства выражал в своем послании из Лондона посол Майский: «Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака».

На этот раз Сталина был вынужден поддержать даже У Черчилль: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции. Наоборот, он поставит эти две страны в положение, которое будет становиться все слабее и опаснее... Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе и демократии всех стран... Военный потенциал Германии будет возрастать в течение короткого времени гораздо быстрее, чем Франция и Англия смогут завершить мероприятия, необходимые для их обороны».

* * *

Пока же официальный Лондон и Париж были заняты ... вооружением Гитлера. Директива последнего по операции «Грюн» гласила: «В период операции в интересах скорейшего повышения общего военно-экономического потенциала необходимо быстрое выявление и восстановление важных предприятий... По этой причине для нас имеет решающее значение обеспечить сохранность чешских заводов и промышленных сооружений, насколько это возможно в ходе военных операций». Однако восстанавливать предприятия не пришлось. Англия и Франция сдали Гитлеру не только все чешские заводы, но и фермы, дома, коммуникации и т.д. нетронутыми, выселяемые чехи не могли забрать даже свой скот и собранный урожай. Советский полпред в Париже по

этому поводу сообщал: «Французский обыватель с бухгалтерской точностью, свойственной каждому рядовому французу, подсчитывает количество людей, территории, золота, естественных богатств, которые сейчас захватила Германия, и приходит в ужас. Нужно отметить совершенно исключительную по своему размаху и единодушию волну возмущения и ожесточения против немцев».

Захваченные в Чехословакии ресурсы и мощности позволили Гитлеру в дальнейшем вооружить и обеспечить 1,5-млн. армию. Наиболее весомым чешским подарком Германии, который сделали Англия и Франция, были заводы «Шкода». По словам У. Черчилля, «чешские заводы «Шкода» представляли собой... военно-индустриальный комплекс, который произвел между сентябрем 1938 и сентябрем 1939 года почти столько же военной продукции, сколько вся военная промышленность Англии!». Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс на Нюрнбергском процессе заявлял: «Совершенно очевидно, что захват этих двух государств (Австрии и Чехословакии), их ресурсов, человеческих ресурсов и военного производства неизмеримо усилили позицию Германии...» Геббельс отмечал этот факт еще в марте 1941 г.: «Фюрер очень хвалит прилежание и изобретательный талант чехов. Завод Шкода сослужил в этой войне величайшую службу... Крупп, Рейнметалл и Шкода — наши три большие оружейные кузницы». Чешские танки участвовали в захвате самой Франции и Польши, а 22 июня 1941 г. границу СССР перешли 970 танков чешского производства, составлявших значительную часть всей танковой мощи вермахта.

Но это была лишь часть чешского наследства, доставшегося Германии от Мюнхена. Как отмечает И. Фест: «Англия и Франция почти полностью лишились авторитета, на их слова отныне, казалось, больше никто не обращал внимания, и ско-

ро другие державы, в особенности восточноевропейские, каждая на свой страх и риск, начали пытаться поладить с Гитлером».

Так, та же Чехия фактически стала союзником фашистской Германии. Чешские заводы исправно работали на вермахт: «Строили бронетранспортеры и самоходки, тачали сапоги, патроны миллионами штук и снаряды сотнями тысяч производили»[1]. Аналогичная участь ожидала прибалтийские страны, выполнение «плана Гофмана» шло своим чередом. 7 марта в Москве получили сообщение о германо-эстонском соглашении, которое позволяло разместить немецкие войска недалеко от Ленинграда.

23 марта 1939 г. под угрозой вторжения Германия в очередной раз восстановила «историческую справедливость», заставив Литву вернуть ей порт Мемель (Клайпеда), отторгнутый Литвой у Германии под шум Рурского кризиса в январе 1923 г. В Мемеле уже в конце 1938 г. на выборах местные нацисты получили голоса 90% избирателей. «Свершилось еще одно бескровное завоевание». Министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис попытался повлиять на Германию, воспользовавшись коронацией нового папы Пия XII. Но, как пишет С. Кремлев: «Папа жалобы верного сына католической церкви воспринял холодно и поинтересовался одним — не ощущает ли его литовская паства угрозы с советского востока». Правительства Англии и Фран-

---

[1] Так, инженеры чешских фирм МВВ (бывшая «Прага») и «Шкода» на базе своего танка LT-38 создали для вермахта самоходные орудия «Мардер» и «Хетцер». Например, с апреля 1944 по 9 мая 1945 с конвейеров сошло 2584 самоходки «Хетцер», крайне эффективных в борьбе с русскими танками, что немецкие танковые генералы в один голос подтверждают. *(Усовский А...* С. 46). Мало того, судя по количеству чехословацких военнопленных, количество чехословаков, участвовавших в рядах вермахта в «походе» против СССР, составляло не менее 200 тыс. чел. Впрочем, не в первый раз.

ции не воспрепятствовали этому новому акту германской агрессии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи[1]. 15 мая Великобритания признала возврат Мемеля к Германии.

В те же дни Германия навязала Румынии хозяйственный договор, который обеспечивал рейх нефтью. Германия становилась хозяином ресурсов и промышленности Восточной Европы. В апреле воодушевленная примером Гитлера и подбодренная попустительством английского правительства Италия захватила Албанию.

---

[1] В 1924 г. представители Франции, Англии, Италии и Японии подписали в Париже конвенцию, согласно которой Клайпедский край признавался составной частью Литвы. (Ширер У Т. 1, с. 497, примеч. авт.)

ПОСЛЕДНИЙ ПАКТ

Апокалипсическое настроение охватило нынче землю. Нас уже не оставляет ощущение близящегося рока.

В. Шубарт, 1939 г.

Польский вопрос

Направление следующего удара возникло неожиданно, хотя пока ничто не предвещало грозы.

В первые годы своего существования в XX веке Польша вела захватнические войны против всех своих соседей — России, Германии, Литвы, Чехословакии. У. Ширер в полном соответствии с американской доктриной назвал этот период польской агрессии, принесшей гибель многих сотен тысяч людей, годами «возрождения» Польши. В результате своей агрессивной политики, а также благодаря активной помощи У. Черчилля, Франции и США Польша превратилась в одну из «версальских мини-империй». «Из 31 миллиона населения, по данным Гитлера, в Польше было 2,5 миллиона немцев, 4 миллиона евреев и 9 миллионов украинцев. В противоположность фанатически настроенной Варшаве, весь остальной народ в целом апатичен и индифферентен». Польша оказалась не способна создать стабильное правительство или решить проблемы промышленности и сельского хозяйства. И мини-империей правила диктатура полковников, наследников Пилсудского, являвшихся, по словам У. Ширера, «толпой заурядностей». Однако Францией, Анг-

лией и США Польша была признана «оплотом демократии» Запада на востоке Европы. И было за что: мало кто ненавидел русских больше, чем польская шляхта, с такой-то индульгенцией...

После прихода Гитлера к власти в 1934 г. был подписан германо-польский пакт о ненападении, направленный против Лиги Наций и системы «коллективной безопасности». Польша сохраняла благожелательный нейтралитет во время аншлюса и рейнского кризиса, несмотря на страстные призывы своей крестной матери — Франции, а потом вообще вместе с Германией, по словам У. Ширера, «словно гиена» приняла участие в разделе Чехословакии. Польша уже строила дальнейшие планы своего «возрождения» — захват Литвы[1], а затем вместе с Германией раздел Украины.

Предложение Риббентропа, сделанное им всего через месяц после подписания Мюнхенского соглашения, казалось, полностью соответствовало этим планам. Оно включало присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту, ее участие вместе с Германией в походе на Россию и долю в разделе Украины. Риббентроп обольщал поляков Великой Польшей от Балтийского до Черного моря. В обмен Гитлер требовал лишь Данциг и возможность обустройства Польского коридора (прокладку автомобильной и железной дороги).

По Версальскому договору немецкий Данциг становился «вольным городом» под управлением Лиги Наций, ограниченные функции (таможня, полиция, пограничная охрана) передавались Польше. Т.е. Данциг формально Польше не принадлежал и находился под юрисдикцией Лиги Наций. Польский коридор также был наследством Версаля и предназначался для связи с отрезанной от Германии Восточной Пруссией. Дороги были необходимы Германии для свободного транзита, без двойных

---

[1] От войны Польшу удержал только жесткий протест СССР.

обысков польской таможни и двойного унижения перед польскими пограничниками. А самое главное — без ежегодно увеличивающейся платы за «прусский транзит», взимаемой Польшей в валюте!

Двадцатью годами ранее Ллойд Джордж в Версале предупреждал: передача свыше 2 млн. немцев под власть поляков «должна рано или поздно привести к войне». Кроме этого, как отмечал У. Ширер: «Ни один из пунктов Версальского договора не раздражал Германию так, как тот, по которому был образован Польский коридор, дававший Польше выход к морю и отсекавший Восточную Пруссию от рейха». Дж. Фуллер приводил слова М. Фоллика, сказанные в 1935 г.: «Создание Польского коридора в тысячу раз более тяжкое преступление, чем создание Германией в случае ее победы в войне коридора, допустим через нынешний Каледонский канал и передача Голландии этой полосы с единственной целью ослабить Британию. Примерно так поступила Франция, предоставив Польше коридор, разрезавший одну из наиболее плодородных областей Германии. Согласившись на этот преступный акт, союзники Франции совершили одно из самых тяжких известных в истории преступлений против цивилизации... Чтобы дать Польше морской порт, было совершено другое преступление против Германии, у нее отобрали Данциг. Но из всего более немецкого в Германии Данциг является самым немецким...[1] Рано или поздно «польский коридор» стал бы причиной будущей войны». Из этого видно, пишет Дж. Фуллер, что «требования, предъявленные Германией, не были неразумными».

Очевидно, аналогичного мнения придерживался и Гитлер и поэтому надеялся на взаимопонимание Польши и воевать с ней в ближайшее время не собирался. Так, 25 марта

---

[1] В 1924 г. из 384 тыс. жителей Данцига и прилегающей области 95% были немцами (БСЭ, 1 изд., т. 20., 1930, с. 414).

1939 г. Гитлер в беседе с Браухичем говорил о нежелательности насильственного решения Данцигского вопроса, однако считал все-таки заслуживающей обсуждения военную акцию против Польши при «особо благоприятных политических предпосылках».

1 апреля правительство Чемберлена, в ответ на зондаж Риббентропа относительно Данцига, дало гарантии безопасности Польши. Это событие вызвало вспышку гнева Гитлера. И. Фест приводит воспоминания адмирала Канариса, который был у Гитлера, когда поступило известие об английских гарантиях; по его словам, Гитлер воскликнул: «Я заварю им такое сатанинское зелье, что у них глаза на лоб полезут». «Уже на следующий день он использовал спуск на воду линейного корабля «Тирпиц»... для того, чтобы выступить с речью против британской «политики окружения» Германии». «Все лично встречавшиеся с Гитлером в это время рассказывают о его яростных нападках на Англию. Имперское министерство пропаганды в начале апреля дало указание изображать Англию самым опасным противником Германии».

А пока 1 апреля, явно имея в виду Лондон, Гитлер обрушился на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. Гитлер был уверен, что Англия ни за что не будет воевать за Польшу, как и за любую другую страну, да ей, собственно, и нечем[1]. А следовательно британские гарантии являются даже не блефом, а сознательной провокацией — провокацией войны с Польшей. Ведь британские гарантии автоматически превращали Польшу во врага Германии. По идее британских правящих кругов, СССР не сможет остаться в стороне от войны на своих границах и неизбежно втянется в нее. Долгожданная война Германии и СССР становилась реальностью. Появлялись и другие планы, будоражившие воображение. О них, например, уже летом 1939 г. говорилось в одном из

---

[1] Ведь сухопутной армии Англия практически не имела.

докладов английского военного атташе в Москве полковника Фэйрбрейта: «В будущей войне Германия, напав превосходящими силами на Польшу, захватит ее в течение одного-двух месяцев. В этом случае вскоре после начала войны немецкие соединения окажутся на советской границе. Несомненно, что Германия затем предложит западным державам сепаратный мир с условием предоставления ей свободы для наступления на восток».

Однако Гитлера, очевидно, такие перспективы не устраивали, и 11 апреля он издает директиву относительно всеобщей подготовки вооруженных сил к войне в 1939—1940 гг., который, помимо охраны границ и «Плана Вейс», включал присоединение Данцига. «В приложении к этому документу, озаглавленному «Политические гипотезы и цели», говорится, что следует избегать столкновения с Польшей. Однако в случае, если Польша изменит свою внешнюю политику и займет позицию, угрожающую Германии, то будет необходимо прибегнуть к окончательному разрешению вопроса, невзирая на пакт с Польшей». Главный обвинитель от Великобритании на Нюрнбергском процессе X. Шоукросс утверждал, что на этот момент доказательств было «недостаточно для того, чтобы утверждать, действительно ли было принято решение о времени нападения на Польшу». И. Фест придерживается аналогичного мнения; по его словам, после Мюнхена: «Политика Гитлера... была строго последовательным широкомасштабным маневром по осуществлению этого поворота (на запад. — *В.Г.)* и созданию новых фронтов в Европе в соответствии с его тактическими соображениями».

Однако уже 23 апреля Гитлер заявляет своим генералам: «Для меня было ясно, что рано или поздно, но конфликт с Польшей должен произойти. Я принял решение уже год тому назад, но я полагал сперва обратиться к Западу, и только спустя несколько лет обернуться к Востоку. Но течение событий не может быть предусмотрено. Я хотел сперва ус-

тановить приемлемые отношения с Польшей, чтобы иметь развязанные руки для борьбы с Западом. Но этот мой план не мог быть осуществлен. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас сзади в то время, когда мы будем заняты на Западе, и что таким образом нам придется воевать с ней в невыгодный для нас момент».

27 апреля Англия вводит всеобщую воинскую повинность. А 28 апреля в своем знаменитом ответе Рузвельту Гитлер, на том основании, что Лондон и Варшава заключили между собой соглашение, фактически денонсировал англо-германский морской договор 1935 г. и польско-германский пакт о ненападении. Поскольку Англия, «при определенных обстоятельствах вынудит Польшу предпринять военные действия против Германии».

Причина резкого изменения намерений Гитлера заключалась в том, что Польша отклонила предложения Рибентропа. И не то чтобы Польшу не интересовали предложения Гитлера: Бек отвечал, что в его планы входит и раздел Украины, и Великая Польша от моря до моря, и поход против России. Существует несколько версий мотивов, побудивших Польшу отказаться от сотрудничества с Германией и броситься на «пустой крючок» «британских гарантий». Основной является страх перед примером Чехословакии, ведь в случае согласия Польшу могла ожидать та же участь. Правда, Чехословакия давала и другой пример — германо-польского сотрудничества и предательства Англии и Франции. Историки в этой связи дополняют версию и указывают на шляхетскую алчность и шляхетский гонор, мол, мы и сами великие[1]. Так, Бек убе-

---

[1] Иначе, чем можно объяснить твердую позицию Польши, армия которой по уровню вооружений безнадежно отстала по сравнению с германской. Британский военный атташе в Варшаве полковник Сорд, докладывал в то время в Лондон, что поляки «настолько плохо оснащены, что не смогут оказать значительного сопротивления массированному наступлению немцев». (Ширер У. Т. 1, с. 501). А. Гитлер, очевидно, был аналогичного мнения. «Польская армия, — говорил он 12 апреля 1939 г.

ждал представителя Лиги Наций Буркхарда по Данцигу, что польские вооруженные силы «подготовлены для гибкой, сдерживающей противника подвижной войны. Мир будет изумлен».

За три года до рассматриваемых событий Э. Генри предупреждал: «Восточная лига Гитлера и Бека марширует. Оба они идут вместе... до тех пор, пока не будет достигнута их непосредственная цель — поражение большевизма. Но когда это будет достигнуто... тогда произойдет маленькое изменение — последний акт в этой современно-средневековой фантазии. Торжествующий победу «Балтийский орден» германского фашизма... уничтожит наследников Пилсудского... Он вдребезги разобьет «поляков», «польскую свинью», этих «наследственных врагов германской расы»... Гитлер раздавит свою союзницу Польшу... всей своей колоссально увеличившейся мощью и устроит новый раздел Польши, гораздо более тщательный, чем три первых: с Украиной и Литвой в качестве частей «федерации» под германской гегемонией в соответствии с первоначальным планом Розенберга; планом, который был «модифицирован» временно, по «тактическим» соображениям, но от которого никогда не отказывались».

Прогнозы Э. Генри подтверждали планы руководителей вермахта. Г. фон Сект уже в 1922 г. заявлял: «Существование Польши непереносимо и несовместимо с условиями существования Германии. Польша должна исчезнуть — и исчезнет, с нашей помощью — из-за своей слабости и действий России... Уничтожение Польши должно стать основой политики Германии...» Не случайно, в отличие от западных границ Германия никогда добровольно не признавала внесенных Версальским договором территориальных изменений на

Чиано, — имеет лишь несколько парадных дивизий, а остальная масса войск — весьма низкого уровня. Противотанковая и противовоздушная оборона ничтожны, и ни Франция, ни Англия не могут в этом помочь Польше». *(Картье Р.* С. 31.)

востоке, что было фактически подтверждено Англией и Францией в Локарнских соглашениях. Министр иностранных дел Германии Штреземан в интервью Б. Локкарту в 1929 г. говорил, что он «искренне работал ради мира и согласия между народами Европы. Он способствовал англо-франко-германскому взаимопониманию. Он добился поддержки своей политики 80% населения Германии... Он подписал договор в Локарно. Он уступал, уступал, уступал, — до тех пор, пока соотечественники не обернулись против него… Нет ни одного немца, говорил он, готового воевать ради возвращения Эльзаса и Лотарингии, но нет и никогда не будет также немца, начиная с императора и кончая самым нищим коммунистом, который согласился бы признать нынешнюю германо-польскую границу. Исправление польской границы принесло бы Европе столетний мир...»

Затянувшиеся переговоры

Гитлер возложил всю ответственность за неизбежность войны с Польшей на Англию. По его словам, только английское вмешательство сделало Польшу такой непримиримой; только благодаря ему все германские попытки мирного разрешения вопроса о Данциге потерпели неудачу. Спустя месяц 23 мая Гитлер уже утверждал: «Польша вовсе не «случайный неприятель». Она всегда будет на стороне наших противников. У нее всегда тайное желание использовать все возможности, чтобы нас уничтожить... Дело вовсе не в Данциге. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства к востоку, приобретении базы питания и урегулировании балтийской проблемы... Поэтому не может быть вопроса о пощаде, и это приводит нас к следующему решению: атаковать Польшу при первой же возможности». Чиано в августе 1939 г. на вопрос «что вы, в сущности, хо-

тите: Данциг или коридор?», получил от Риббентропа ответ: «Нет... мы хотим войну».

Между тем, в марте-апреле Лондон не только дал «гарантии» Польше, но и запросил «гарантии»... у СССР. Гарантии автоматически превращали СССР в заложника войны на его западных границах (в заложника англо-французских гарантий Польше и Румынии) и главного врага Германии...

Случай представился 17 марта, когда румынский посланник в Лондоне уведомил Форин Оффис о том, что Германия готовится предъявить Румынии ультиматум, выполнение которого поставит ее экономику на службу рейху. И 18 марта английское правительство одновременно через советского полпреда в Лондоне и наркома иностранных дел в Москве неожиданно запросило: «Может ли и Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии и в какой форме, в каких размерах». Аналогичные запросы были посланы Польше, Греции, Югославии и Турции. М. Литвинов ответил, что Советское правительство «прежде чем ответить на запрос... (хотело бы) знать позицию других государств, в частности Англии». Нарком выразил удивление, что помощью Советского Союза «интересуется Англия, а не Румыния», которая, как он заметил, «к нам не обращалась и, может быть, даже не желает ее».

В тот же день «русское правительство... несмотря на то, что перед ним захлопнули дверь (в Мюнхене) ... предложило созвать совещание шести держав». СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции. М. Литвинов объяснил, что «из вопросов одного правительства другому о позиции каждого ничего не выйдет, а поэтому необходима общая консультация». Флеминг впоследствии отмечал: «Это было то, в чем ощущалась неотложная необходимость». Однако Галифакс на следующий день ответил, что после консультаций с премьером «они пришли к выводу, что такой акт

был бы преждевременным». Сам Галифакс назвал его «неприемлемым».

21 марта английский посол в Москве Сидс вручил М. Литвинову проект декларации СССР, Англии, Франции и Польши о том, что эти страны обязываются совещаться о шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления агрессии. Сидс заявил, что «декларация составлена в таких необязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения». Следуя принципу «лучше что-либо, чем ничего», правительство СССР приняло это предложение. Но английская сторона вначале затянула ответ, а затем сообщила, что вопрос о декларации следует считать отпавшим. 23 марта Чемберлен в палате общин вообще заявил, что он выступает против создания «противостоящих друг другу блоков» в Европе. Однако спустя две недели 6 апреля, несмотря на свои слова, Чемберлен подписывает в Лондоне с Беком соглашение, трансформировав таким образом одностороннюю английскую гарантию во временный договор о взаимопомощи. 13 апреля Франция и Англия объявили о своих гарантиях Греции и Румынии. Как отмечал У. Ширер: «Группировки стали постепенно вырисовываться».

В те же дни 6 апреля Галифакс заверяет Майского в желании британского правительства создать широкую коалицию ради сохранения мира, в которой обязательно нашлось бы достойное место Советскому Союзу. Но в то же время Форин Оффис без всяких комментариев отвергает неформальное предложение Майского о визите Литвинова в Лондон для подготовки переговоров.

11 апреля М. Литвинов писал: «В разговорах с нами англичан и французов после истории о совместной декларации не содержалось даже намека на какое-либо конкретное предложение или о каком-либо соглашении с нами. Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание

Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания... Но почему мы должны принимать на себя такие односторонние обязательства?».

Мнение Литвинова о политике английского правительства последнее весьма красноречиво подтвердило само, когда 14 апреля, со ссылкой на речь Сталина на съезде, предложило Советскому правительству в одностороннем порядке сделать заявление, что в случае агрессии против какого-либо его европейского соседа Советский Союз окажет ему помощь, если она будет желательна. Даже Сидс понимал несуразность этого предложения. После его вручения, «поразмыслив день», он сообщил своему министру иностранных дел: предложение создает впечатление, что «мы не имеем серьезных намерений, а Советский Союз, понятно, опасается, что ему придется таскать каштаны из огня».

В тот же день к Советскому Союзу обратились французы, без предварительных консультаций с Лондоном. «Это было совершенно ново для их политики, — отмечает М. Карлей, — они не предпринимали ничего подобного со времен Барту. По предлагавшемуся франко-советскому пакту, стороны брали на себя обязательства помогать друг другу, если одна из них вступит в войну с Германией, чтобы помочь Польше или Румынии. Характерно, что первый проект этого договора предусматривал только помощь Советского Союза Франции, о помощи Франции Советскому Союзу даже не упоминалось».

Лондону и Парижу не удалось получить односторонних гарантий Москвы, и 16 апреля британский посол в России, по сути дела, *впервые* обратился к СССР с предложением о совместном противостоянии Германии в вопросе о Польше. В ответ 17 апреля СССР направил правительствам Англии и Франции свои предложения, предусматривавшие обязатель-

ство трех держав оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая и военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. По мнению Флеминга: «Это было абсолютно реалистическое предложение, никакими другими мирными средствами невозможно было остановить Германию или обеспечить выигрыш в войне».

После долгих внутренних переговоров Париж принял предложение Советов, а Лондон нет. Здесь его обсуждение происходило 19 апреля. Вместо Галифакса выступил Кадоган, который вынужден был признать, что советские предложения ставят правительство Его Величества в трудное положение: «...Весьма сложно отказаться от этих советских предложений. У нас уже сложилось мнение, что Советы только кормят нас проповедями о «коллективной безопасности», но не делают никаких практических предложений. Теперь они сделали, и будут иметь возможность упрекнуть нас, что мы не приняли их. Но больше всего будет упреков от наших же собственных левых... Кроме того, существует риск — хотя, я думаю, лишь в отдаленной перспективе, — что если мы не примем их предложений, Советы могут заключить что-то вроде соглашения «о ненападении» с германским правительством». И все же Кадоган рекомендовал, чтобы предложения Литвинова были отвергнуты; что и было сделано, даже «с надменностью», как скажет позже французский посол Корбен.

Пока же Галифакс уведомил Майского, что англичане «слишком заняты», чтобы рассмотреть «вполне логичные и конструктивные предложения Литвинова». Чемберлен в тот день писал своей сестре: «Наша главная проблема — Россия. Признаюсь, что я испытываю к ней глубокое недоверие. Я не могу поверить, что она ставит перед собой те же цели, что и мы, или испытывает какую-либо симпатию к демократии как таковой. Она боится Германии с Японией и

была бы рада, если бы в схватку с ними вступили другие. Вполне возможно, что она отлично сознает свою военную слабость и не желает ввязываться в конфликт, пока это в ее силах. Поэтому ее усилия направлены на то, чтобы подстрекать к схватке других, а самой отделываться только расплывчатыми обещаниями какой-то помощи...»

В тот же день временный поверенный в делах Германии в Англии доносил своему МИДу, что, как стало известно из надежного источника, ответ британского правительства на советские предложения будет «равнозначен отказу, хотя он облечен в форму замечаний к контрпредложениям Советской России». «Простой отказ, — указывал Галифакс, — дал бы русским возможность поставить оба наших правительства в весьма щекотливое положение, [поэтому] было бы лучше всего отделаться какими-нибудь незначительными, но вполне выполнимыми контрпредложениями». И действительно, 8 мая английское правительство вместо соглашения о взаимопомощи предложило Советскому правительству принять на себя односторонние обязательства в отношении Великобритании и Франции в случае вовлечения их в военные действия.

Оценку этому предложению дал новый нарком иностранных дел В. Молотов: «Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь». Англо-французские проекты пакта о взаимопомощи в 1939 г. советское полпредство комментировало следующим образом: «Выходит так, что когда Франции и Англии заблагорассудится воевать с Германией из-за статус кво в Европе, мы автоматически втягиваемся в войну на их стороне; а если мы по своей инициативе будем защищать тот же статус кво, то это Англию и Францию ни к чему не обязывает».

Через неделю Советское правительство уведомило своих партнеров по переговорам, что, внимательно рассмотрев

их предложения, оно пришло к заключению, что эти предложения «не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе», ибо «не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров». Одновременно Советское правительство выдвинуло предложения, в случае реализации которых был бы создан действительный барьер против агрессии.

27 мая В. Молотов заявил Сидсу и Пайяру: «Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем...» На первый взгляд английская позиция действительно выглядит непонятной. Однако, по мнению В. Трухановского, в ней была своя логика. «С каждым днем в Англии и во Франции нарастали требования народных масс объединиться с СССР для отпора агрессии». Чтобы успокоить общественное мнение, Чемберлен устанавливал контакты с Советским правительством, а когда его демарши давали результат, тут же брал свои предложения обратно.

Голос общественного мнения отражали слова У. Черчилля в палате общин: «Мы окажемся в смертельной опасности, если нам не удастся создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией». Ллойд Джордж вторил: «Действуя без помощи России, мы попадем

в западню». А газета «Дейли Хроникл» в апреле заявляла: «Советский Союз вместе с Францией и Англией — единственная надежда мира». 10 мая Майский сообщал о результатах опроса, показавшего, что 87% англичан поддерживали немедленный альянс с Советами. На следующий месяц их было 84%. Во Франции институт по изучению общественного мнения, проводя в октябре 1938 г. опрос граждан, установил, что 57% одобряют Мюнхенское соглашение (против — 37%), но на вопрос «Считаете ли вы, что Франция и Англия должны отныне сопротивляться всякому новому требованию Гитлера?» положительно ответило 70%, отрицательно — 17%.

У. Черчилль тем временем призывал: «Теперь нет вопроса о правом или левом; есть вопрос о правом и виноватом»... «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему, — спрашивал Черчилль, — вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней по мере возможности...»

У. Черчилль в своем стремлении добиться союза с СССР продвинулся настолько далеко, что требовал уважительного отношения к Советскому Союзу. «Ясно, — говорил он, — что Россия не пойдет на заключение соглашения, если к ней не будут относиться как к равной... Если правительство его величества, пренебрегавшее так долго нашей обороной, отрекшись от Чехословакии со всей ее военной мощью, обязав нас, не ознакомившись с технической стороной вопроса, защитить Польшу и Румынию, отклонит и отбросит необходимую помощь России и таким образом вовлечет нас

наихудшим путем в наихудшую из всех войн, оно плохо оправдает доверие... его соотечественников».

Из Франции Суриц неоднократно сообщал, что там общественное мнение так же сильно склоняется в сторону альянса с Советами. «За последние дни в связи с многочисленными приемами я перевидал много и самого разнообразного народа, в том числе и много видных военных. Общее мое впечатление, что никто здесь не допускает даже мысли, что переговоры с нами могут сорваться и не привести к соглашению». Советский престиж никогда не был столь высок; все признавали, что «без СССР ничего не выйдет». И все дивились, почему заключение столь важного соглашения все время откладывается. Вину за задержку возлагали на британцев, на их консерватизм и несговорчивость, подозревали даже злой умысел.

Но решающее воздействие на Чемберлена оказало, по-видимому, даже не общественное мнение собственной страны, а слухи — 27 мая он отослал послу в Москве инструкцию, предписывавшую согласиться на обсуждение пакта о взаимопомощи. Дирксен извещал МИД Германии, что английское правительство пошло на этот шаг «крайне неохотно». По его мнению, основной причиной этого шага послужили слухи, будто Германия прощупывает пути сближения с Москвой, что там «опасаются, что Германии удастся нейтрализовать Советскую Россию и даже убедить ее сделать заявление о своем благожелательном нейтралитете. Это будет равнозначно полному краху политики окружения».

На этот раз Чемберлен попытался откровенно обмануть советское правительство трюком с Лигой Наций. Его план заключался в том, чтобы «не создавать даже мысли об альянсе, заменяя его декларацией о наших *намерениях* [курсив в оригинале] в определенных обстоятельствах, с целью выполнить наши обязательства по Статье XVI [о коллективном отпоре агрессии] Договора [о создании Лиги На-

ций]... У меня нет сомнений, что буквально со дня на день в Статью XVI будут внесены поправки или ее вообще отменят, и это даст нам возможность, если мы сильно этого захотим, пересмотреть наши отношения с Советами... Остается, правда, еще дождаться, что скажут на все это русские, но я думаю у них просто не будет возможности отказаться». «Молотов, которого, — по словам Карлея, — можно назвать кем угодно, только не дураком, мгновенно раскусил стратегию премьер-министра», превращавшего договор в «клочок бумаги». С Молотовым нечаянно согласился даже Ченнон: «...Наши новые обязательства не значат ничего... Этот альянс [основанный на Женевских соглашениях] настолько непрочен, нереалистичен и лишен какой-либо практической ценности, что способен вызвать у нацистов только усмешку». Англия и Франция щедро раздавали гарантии Польше, Румынии, Балканским странам, а СССР связывали с полностью дискредитированной ими же самими Лигой Наций. На встрече с Пайяром и Сидсом 27 мая Молотов обвинил французское и британское правительства, ни много ни мало, в предательстве. «И кто, прочитав приведенные выше признания Чемберлена... — замечает М. Карлей, — рискнет сказать, что комиссар был не прав?»

6—7 июня руководители Великобритании и Франции были вынуждены принять за основу советский проект договора. Об отношении к переговорам с СССР говорил уже тот факт, что Чемберлен лично трижды летал на поклон к Гитлеру, чтобы достичь Мюнхенского соглашения. В СССР же для ведения переговоров о создании союза, призванного спасти мир в Европе, английское правительство послало рядового чиновника министерства иностранных дел, начальника Центрально-Европейского бюро Стрэнга. «Чиновника весьма низкого уровня для такого рода переговоров, — отмечал Дирксен. — Да и впоследствии среди британских и французских офицеров, отправленных в СССР, не было ни

одной заметной фигуры имеющей полномочия принимать решения». По словам У. Черчилля: «Посылка столь второстепенной фигуры означала фактическое оскорбление».

Молотов в начале июня предложил Англии прислать в Москву министра иностранных дел, чтобы тот принял участие в переговорах. По мнению русских, писал У. Ширер, это, вероятно, не только помогло бы выйти из тупика, но и наглядно продемонстрировало бы серьезное желание Англии достичь договоренности с Советским Союзом. Лорд Галифакс ехать отказался. Вместо него предложил свои услуги А. Иден, бывший министр иностранных дел, но Чемберлен отклонил его кандидатуру.

У. Стрэнг прибыл в Москву 14 июня как эксперт, направленный в помощь послу У. Сидсу, но, представляя Форин Оффис, выглядел как глава делегации. Так он и воспринимался Кремлем. Инструкции данные английским правительством У. Стрэнгу, весьма красноречиво говорили о целях его миссии: «Желательно заключить какое-нибудь соглашение с СССР о том, что Советский Союз придет нам на помощь, если мы будем атакованы с востока, не только для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, но также и потому — и это самое главное, — что если война начнется, то следует постараться втянуть в нее Советский Союз». Сама же Англия собиралась полностью сохранить свободу действий и связывать себя какими-либо четкими обязательствами не собиралась. В инструкции отмечалось: «Британское правительство не желает быть связанным каким бы то ни было определенным обязательством, которое могло бы ограничить нашу свободу действий при любых обстоятельствах». Главной задачей миссии ставилось — тянуть время. Инструкции были настолько обескураживающими, что английский посол в Москве Сидс 13 августа отправил письмо министру иностранных дел Галифаксу с за-

просом, действительно ли английское правительство желает прогресса в переговорах.

Отправляя миссию, Чемберлен оставался верен себе, продолжая свою прежнюю игру, неуклонно ведущую к новой войне, что в принципе не было секретом для советского правительства, но оно следовало старой русской поговорке «С паршивой овцы хоть шерсти клок». В официальных документах советского правительства в те дни говорилось: «Германия и другие страны реакционно-фашистского блока — смертельная угроза человеческой цивилизации. С другой стороны, страны англо-французского блока — это тоже империалистические, но неагрессивные, миролюбивые державы, страны буржуазно-парламентской демократии, которые ведут борьбу за сохранение status quo. Конечно, у правящих кругов Англии и Франции есть свои империалистические расчеты. Они стремятся сохранить систему колониального гнета, расширить свои колониальные владения. Они стремятся направить агрессию фашистской Германии против Советского Союза. Но в то же время они выступают и против фашистских планов «нового мирового порядка» и в этом отношении могут быть союзниками СССР».

И дело хоть и со скрипом пошло. К середине июля согласовали перечень обязательств сторон, список стран, которым даются совместные гарантии, и текст договора. Остались не согласованы только два вопроса, которые стали камнем преткновения на пути к союзу трех стран. Вопросы касались:

— «косвенной агрессии»;

— военного соглашения.

* * *

Термин «косвенная агрессия» был взят из текста английских гарантий Польше. Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехословакией. СССР расширил это поня-

тие. По словам В. Молотова: «Косвенная агрессия» — это ситуация, при которой государство-«жертва» «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие, «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон».

Протест «потенциальных союзников» вызвали слова «или без такой угрозы», а также распространение определения «косвенная агрессия» на страны Прибалтики, которые вообще не просили о каких либо гарантиях[1]. Но Советское правительство настаивало: «Отсутствие гарантии СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР, с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза».

Форин Оффис тянул с ответом; по его мнению при такой трактовке «косвенной агрессии» Советы могли оправдать интервенцию в Финляндию и Прибалтийские государства даже при отсутствии серьезной угрозы со стороны нацистов. Галифакс в то время пояснял кабинету, что текущие «переговоры в конечном счете вовсе не так важны, они просто будут препятствовать Советскому Союзу «перейти в германский лагерь», в то же время «...поощряя Россию в вопросе вмешательства в дела других стран, мы можем нанести не поддающийся исчислению ущерб своим интересам, как дома, так и по всему миру».

Французский МИД, наоборот, проявлял активность, его подогревало дыхание приближающейся войны, и обеспокоенный Ж. Бонне писал послу в Лондоне: «Колебания британского

---

[1] «Латвия, Эстония и Финляндия тоже наотрез отказались от русских гарантий. Как явствует из трофейных немецких документов, такое решение было принято не без участия Германии, причем в ход шли самые обыкновенные угрозы». (Ширер У. Т. 1, с. 529).

правительства накануне решающей фазы переговоров рискуют сегодня скомпрометировать... судьбу соглашения...», при этом, указывал Боннэ, Франция «предпочитает трудности, которые может повлечь принятие русского определения косвенной агрессии, серьезной и намеренной опасности, которая последовала бы за провалом... переговоров». Тем временем британские послы в Прибалтийских странах сообщали о растущей там озабоченности и враждебности Советам. В начале июня Эстония и Латвия подписали пакт о ненападении с Германией, и германские военные специалисты занялись инспекцией их приграничных оборонительных сооружений.

В начале июля французский посол Наджиар предложил разрешить противоречия по поводу стран Прибалтики *в секретном протоколе,* чтобы не толкать их в объятия Гитлера самим фактом договора, который фактически ограничивает их суверенитет. Великобритания 17 июля поддержала французское предложение, включив по требованию СССР в секретный протокол Турцию, Эстонию, Латвию и Финляндию. 2 августа англо-французская позиция сдвинулась еще на дюйм — было принято общее определение «косвенной агрессии». Внесена была лишь поправка, что в случае, если возникнет «угроза независимости и нейтралитета» *«без угрозы силы»,* вопрос должен разрешаться на основе совместных консультаций. СССР такой ответ не устраивал; пример Чехословакии показывал, что подобные консультации могут продлиться дольше, чем необходимо времени для захвата государства.

В задержке переговоров английское и французское правительства перед общественностью своих стран обвиняли Советский Союз, который по их словам выдвигает все новые и новые требования. Что было, по мнению М. Карлея, откровенной ложью — неправда то, «что Молотов постоянно выдвигал перед Сидсом и Наджиаром все новые и новые требования. Основы советской политики были четко определены еще в 1935 г... Не были новыми проблемами или «не-

ожиданными» требованиями вопросы о «косвенной» агрессии, о гарантиях странам Прибалтики, о правах прохода и о военном соглашении. Даладье лгал, когда говорил, что советские требования... явились для него сюрпризом».

Молотов терял терпение и в телеграмме своим полпредам в Париже и Лондоне назвал партнеров по переговорам «жуликами и мошенниками» и сделал пессимистический вывод: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет». Справедливость этой оценки подтверждается донесением Стрэнга английскому правительству от 20 июля: «Неверие и подозрения в отношении нас в ходе переговоров не уменьшились, так же как и их уважение к нам не возросло. Тот факт, что мы создавали трудность за трудностью в вопросах, не казавшихся им существенными, породил впечатление, что мы не стремимся сколько-нибудь серьезно к соглашению».

18 июля Молотов дал команду возобновить консультации с Германией о заключении хозяйственного соглашения. 22 июля было заявлено о возобновлении советско-германских экономических переговоров. Это обеспокоило англичан и французов, и чтобы не сорвать переговоры с СССР окончательно, они 23 июля согласились на советское предложение одновременно вести переговоры по политическому соглашению и по военным вопросам. Разработку конкретного плана совместных военных действий против Германии Молотов считал более важным вопросом, чем даже определение «косвенной агрессии». Если удастся согласовать план удара по Германии, то ее вторжение в Прибалтику вряд ли состоится.

* * *

Что касается военного соглашения, то проблема заключалась в том, что Англия и Франция требовали раздельного подписания политического и военного соглашений. Пер-

вое устанавливало обязательство прийти на помощь в случае агрессии, второе должно было определить масштабы и форму этой помощи. Подписание только политического соглашения, в случае агрессии Гитлера на востоке, вынуждало СССР вступить в войну всеми своими силами. Англия и Франция же могли определять величину своего участия и время выступления в зависимости от своих интересов.

Поэтому СССР требовал, чтобы оба соглашения были подписаны одновременно. Официальный Лондон и Париж отказывались, поскольку «были невысокого мнения о военной мощи России». Стрэнг кроме этого заявлял: «Это просто невероятно, что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским правительством, даже не будучи уверенными в том, станет ли оно нашим союзником». Когда Дракс спросил, не стоит ли ему встретиться с Майским, Галифакс ответил: «Если вы в состоянии вынести это...» «Времени оставалось очень мало, — отмечал Дракс, — но среди британцев никто не испытывал особой озабоченности по поводу переговоров с Москвой, только обычное британское высокомерие по отношению к русским». Но СССР настаивал. Предложение Советского правительства было сделано 19 июля, Англия и Франция официально ответили согласием лишь 25 июля, а их военная миссия *с показным пренебрежением,* тихоходным грузовым кораблем добралась до Москвы только к 11 августа.

Потрясенный Майский по этому поводу писал: «Когда в Европе почва начинает гореть под ногами, англо-французы собираются в Москву на грузовозе». «...Чемберлен, несмотря ни на что, продолжает вести свою игру, — приходил к выводу советский посол, — ему нужен не тройственный пакт, а переговоры о пакте, чтобы подороже продать эту карту Гитлеру». Между тем, прибывший на переговоры «адмирал Дракс... — вспоминал нарком ВМФ Н. Кузнецов, — удобно вытянув ноги под столом, охотно вел неторо-

пливый светский разговор о флотской регате в Портсмуте и конских состязаниях, как будто на международном горизонте не было ни одной грозовой тучи...»

О целях французской миссии полпред СССР во Франции докладывал в НКИД: «Миссия выезжает в Москву без разработанного плана. Это тревожит и подрывает доверие к солидности переговоров. Сам глава французской миссии генерал Думенк остался не особенно доволен характером напутствования, которое ему перед отъездом дали: «Никакой ясности и определенности». Свое мнение о целях и задачах миссии из Лондона докладывал в Берлин фон Дирксен: «...К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, — или, вернее, благодаря этому, — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения...»

В отличие от второстепенных представителей западных военных миссий в состав русской входили: нарком обороны, начальник Генштаба, главнокомандующие военно-морским флотом и военно-воздушными силами. Однако, по словам У. Ширера, «русские ничего не могли поделать с англичанами, которые в июле отправили в Варшаву для переговоров с польским генштабом начальника генштаба генерала Э. Айронсайда»[1].

---

[1] Кстати, отлично знакомого с Россией. Во время интервенции он возглавлял британские экспедиционные силы на севере России, за что позже получил титул барона Архангельского.

В соответствии с установками Лондона и Парижа их миссии в СССР не были наделены никакими полномочиями не только для решения вопросов, но даже для их обсуждения. «Это просто не укладывалось ни в какие рамки, — писал позже Дракс,— что правительство и Форин Оффис отправили нас в это плавание, не снабдив ни верительными грамотами, ни какими-либо другими документами, подтверждающими наши полномочия». Думенк высказывался почти идентично.

Тем не менее переговоры начались. Главными проблемами военного соглашения стали вопросы Польши и Румынии, военного сотрудничества.

Согласно предложенному Англией и Францией варианту политического договора СССР должен был автоматически присоединится к обязательствам этих стран в отношении Польши и Румынии. СССР же поставил условием своих гарантий «восточным партнерам» их активное участие в отражении агрессии либо хотя бы пропуск советских войск через их территорию. В противном случае, каким образом, спрашивал маршал К. Ворошилов, СССР может войти в непосредственное соприкосновение с противником и выполнить свои обязательства? Французский посол в Москве докладывал в Париж: «То, что предлагает русское правительство для осуществления обязательств политического договора, по мнению генерала Думенка, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши»[1]. Едва ли, писал Пайяр, можно что-либо противопос-

---

[1] При этом, как сообщал английский посол в Лондон: «Поскольку мы взяли на себя обязательства в отношении Польши и Румынии, советская делегация имеет основания возложить на Великобританию и Францию обязанность обратиться к этим странам». Сам СССР, ввиду напряженности советско-польских отношений, не мог проявить настойчивости в обращении к Польше с требованием права прохода Красной Армии. В этом был определенный риск. Как замечает Грызун, стоило «Сталину полякам такое понастойчивее еще пару раз предложить, они бы сразу к своему западному соседу— фюреру... запродались» (*Грызун В.* С. 89—90).

тавить советской позиции, которая «подводит нас к самой сущности вопроса». Думенк был потрясен: «Своей открытостью, граничащей с простодушием, маршал просто припер нас к стенке. Нам не осталось места ни для словопрений, ни для маневра, ни для дипломатических увиливаний». Дракс покинул совещательную комнату ошеломленным. Он был почти уверен, что его миссии пришел конец. «Мы... думали, что сможем получить поддержку России не приводя каких-либо разумных доводов», — писал Думенк.

Чтобы оказать давление на слишком тормозивших английских и французских коллег, советское руководство публиковало официальные статьи в прессе, выражающие точку зрения советского правительства. Демократ Чемберлен приходил от этих прямых обращений советской стороны к общественности в бешенство.

Меж тем, 17 августа Думенк телеграфировал в Париж: «СССР хочет военного пакта... Ему не нужен от нас листок бумаги, за которым не стоят конкретные действия». Ллойд Джордж в то время заявлял Чемберлену «Без активной помощи СССР никакого «восточного фронта» быть не может... При отсутствии твердого соглашения с СССР я считаю Ваше сегодняшнее заявление (о использовании Польши в качестве второго фронта) безответственной азартной игрой, которая может кончиться очень плохо». Даже Галифакс на этот раз выступил против Чемберлена: «Русские полны самых мрачных подозрений, — сказал Галифакс, — и боятся, что наша истинная цель — заманить их этими договоренностями в ловушку, а потом покинуть в трудный момент. Они страдают от острого комплекса неполноценности и считают, что еще со времен Большой Войны западные державы относятся к России надменно и презрительно». Как будто на деле было иначе?

О политике правительств Англии и Франции в тот период свидетельствуют инструкции, данные их представите-

лям, в которых, в частности, предписывалось не обсуждать вопросов о балтийских государствах, позиции Польши и Румынии. «Вы привезли какие-нибудь четкие инструкции относительно прав прохода через Польшу?» — спрашивал Наджиар. Думенк отвечал, что Даладье дал ему инструкции не идти ни на какое военное соглашение, которое бы оговаривало право Красной армии на проход через Польшу. Думенк должен был довести до сознания советского руководства, что его просят только помогать польскому правительству военными поставками и оказывать только ту помощь, о которой *могут* попросить поляки по ходу событий.

Тем временем в Лондоне заместители начальника генштаба уже теряли терпение, доказывая Чемберлену, что «ввиду быстроты, с которой развиваются события, возможно, что этот ответ устареет раньше, чем будет написан, но мы все равно считаем, что его нужно дать... Совершенно ясно, что без своевременной и эффективной русской помощи у поляков нет никакой надежды сдерживать германский удар... Это же касается и румын, с той только разницей, что тут сроки будут еще короче. Поддержки вооружениями и снаряжением недостаточно. Если русские собираются участвовать в сопротивлении... то эффективно они смогут действовать только на польской или румынской территориях... Без немедленной и эффективной русской помощи... чем дольше будет длиться эта война, тем меньше останется шансов для Польши или Румынии возродиться после нее в форме независимых государств и вообще в форме, напоминающей их нынешний вид». Однако официальный Лондон продолжал хранить олимпийское спокойствие.

Во Франции эмоции были сильнее; так, Боннэ уже требовал: «На Польшу следует оказать максимальное давление, не останавливаясь перед угрозами», чтобы преодолеть нежелание польского руководства вступать в военный союз. Боннэ утверждал: «Произойдет катастрофа, если из-за от-

каза Польши сорвутся переговоры с русскими. Поляки не в том положении, чтобы отказываться от единственной помощи, которая может прийти к ним в случае нападения Германии. Это поставит английское и французское правительства почти в немыслимое положение, если мы попросим каждый свою страну идти воевать за Польшу, которая отказалась от этой помощи». Но, как Лондон, так и Париж ограничились лишь формальными обращениями к Польше и Румынии.

Польша ответила, что она «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Гитлеру». Ю. Бек сообщил французскому послу в Варшаве Л. Ноэлю: «Для нас это принципиальный вопрос: у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь...» Э. Рыдз-Смиглы твердил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам». Румыния также, несмотря на уговоры союзников, категорически отказались от сотрудничества с СССР[1].

У. Ширер недоумевал, «почему правительства Англии и Франции в столь критический момент не оказали давления на Варшаву» или не поставили условием своих гарантий Польше принятие помощи от России? Боннэ предложил этот вариант 19 августа. Ллойд Джордж в палате общин высказывал подобное мнение: «Если мы пойдем на это без помощи России, то попадем в ловушку... Я не могу понять, почему перед тем, как взять на себя такое обязательство,

---

[1] Конечно, Польша и Румыния имели свои причины отказываться от сотрудничества с СССР, но в данном случае это не играло никакой роли. История давала СССР еще более веские причины, что бы не идти на сотрудничество с той же Польшей, Францией или Англией. Однако война не оставляет выбора тем, кто стоит у нее на пути — кто не с нами, тот против нас. Очевидно именно поэтому У. Ширер заявлял, что «поляки проявили непостижимую глупость» {*Ширер У.* Т. 1. С. 568—569). *На деле это была не глупость, а преступление. Своим отказом Варшава стала одним из поджигателей Второй мировой войны, в который раз в истории став зажженной спичкой, брошенной в «пороховой погреб» Европы.*

мы не обеспечили заранее участия России... Если Россию не привлекли только из-за определенных чувств поляков... мы должны поставить такое присутствие в качестве условия, и если поляки не готовы принять это единственное условие... то они должны сами нести за это ответственность».

Ответ на недоуменные вопросы У. Ширера и Ллойд Джорджа давал Наджиар: «Польша не хотела входить в такое соглашение... а англо-французы не слишком настаивали». «Мы хотим хорошо выглядеть, — прямо писал Наджиар, — а русские хотят вполне конкретного соглашения, в которое вошли бы Польша и Румыния». Неизбежным результатом англо-французской позиции, по мнению Папена, была война: «Гитлер не напал бы на Польшу, если бы это грозило войной на два фронта. Но тот факт, что Великобритания дала Польше гарантии в момент, когда ее переговоры с Россией все еще находились в тупике, возродил в России старый страх перед cordon sanitaire и толкнул Сталина в объятия Гитлера».

Решимость Москвы вызвала панику в Париже, и вечером 22 августа Думенк уведомил Ворошилова, что он получил полномочия заключить военную конвенцию, предоставляющую Красной армии право прохождения через Польшу и Румынию. На настойчивый вопрос собеседника, может ли он предъявить свидетельства согласия Польши и Румынии, Думенку оставалось ответить лишь отговорками... он добавил: «Но ведь время уходит!» Маршал... ответил: «Бесспорно, время уходит».

* * *

Переговоры о военном сотрудничестве шли параллельно и начались со взаимной информации о состоянии вооруженных сил трех держав и их стратегических планах в части, касающейся Европы. Как доносил Думенк в Париж

17 августа: «Заявления советской делегации носили точный характер и содержали многочисленные цифровые данные... Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение (СССР) не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно». СССР, в отличие от Англии и Франции, представлял нарком обороны, который заявил, что в случае конфликта с Германией Советский Союз готов выставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 9—10 тыс. танков, 5 тысяч орудий и 5,5 тыс. самолетов. Одним из условий заключения договора между тремя странами он выдвинул — выставление Великобританией и Францией 86 дивизий, «решительного их наступления начиная с 16-го дня мобилизации, самого активного участия в войне Польши».

В ответ генерал Хейвуд заявил, что Англия предполагает выделить «16 дивизий на ранней стадии ведения войны и 16 позднее». Под нажимом Ворошилова Хейвуд был вынужден доложить о текущем состоянии британской армии: «Англия располагает пятью регулярными... и одной механизированной дивизией», и может выделить для войны на континенте сразу не более двух из них. Как пишет М. Карлей, «это был долгий путь» до 60 дивизий, которые Великобритания выставила на Западном фронте к концу третьего года Первой мировой войны[1]. О боевых качествах британской армии в 1935 г. высказывался маршал Ф. Петен. Он считал, что британская армия годилась только для «парадного плаца». Ее состояние мало улучшилось за последующие годы, поскольку Н. Чемберлен заняв пост премьер-министра в мае 1937 г., до 1939 г. урезал ассигнования на уси-

---

[1] В 1939—1940 гг. мобилизационные ресурсы Великобритании в живой силе составляли не менее 100 дивизий. В 1940 г. Англия пошлет на помощь Франции 12 дивизий, но после первых серьезных столкновений поспешно эвакуирует их обратно. В 1944 г. Англия и Франция вместе высадят на континенте всего 17 дивизий.

ление британской армии. Не случайно, по словам Карлея, Кадоган противился сближению с Москвой, так как британскому правительству нечего было предложить: «Тогда нам очень скоро придется обнародовать, что в нашем буфете пусто».

«Французская политика, — отмечает М. Карлей, — была не менее «эгоистичной» и жульнической, чем британская. Французская армия тоже не планировала наступательных действий против Германии из-за своих пограничных укреплений (линии Мажино) ради предполагаемых союзников...» Подавляющая часть военных расходов Франции вкладывалась в линию Мажино. Де Голль в то время писал, что Франция напоминает закованного в броню рыцаря, выбросившего свой меч. «Французские военачальники, — продолжает М. Карлей, — были бы немало смущены, если бы восточные коллеги поинтересовались их наступательными планами, потому что ни один из них не был достоин даже именоваться таковым. Согласно Гамелену армия была вообще неспособна вести наступательные действия».

Дирксен в то время сообщал в Берлин: «На прямые вопросы советской стороны о роде и степени военного сотрудничества в ходе войны французская и британская военные миссии отвечали лишь общими фразами». Когда же глава английской военной миссии адмирал Дракс сообщил своему правительству запросы советской делегации, то Галифакс на заседании кабинета министров заявил, что он «не считает правильным посылать какой-либо ответ на них». Переговоры о военном соглашении оказались фактически сорваны. По словам Сталина, британская военная миссия «так и не сказала Советскому правительству, что ей надо». Барнет признавал: «Я понимаю, что политика правительства — это затягивание переговоров, насколько возможно, если не удастся подписать приемлемый до-

говор». Здесь У. Ширер вновь недоумевал: «Трудно понять приверженность англичан политике затягивания переговоров в Москве».

В чем же крылся секрет очередной английской тайны У. Ширера?

Начало ответа на данный вопрос еще до переговоров давал Харви, личный секретарь Галифакса — эти переговоры в Москве были «просто уловкой... Это правительство никогда ни на что не согласится с Советской Россией». Переговоры были начаты только благодаря активному давлению общественности на правительства Англии и Франции. Боннэ тогда отмечал: «Сейчас в общественном мнении Франции и Британии складывается такое мощное движение в защиту соглашения с СССР, и во всем мире… среди громадного количества людей, даже самых умеренных взглядов, так крепнет убежденность, что именно от этого зависят судьбы мира, что в случае провала переговоров необходимо любой ценой возложить вину за это на Советский Союз».

Действительно это было главной причиной затяжки переговоров; втянутые в них британский и французский кабинеты не знали, как из них выйти. Член кабинета Д. Саймон заявлял — если переговоры провалятся, то важно будет иметь общественное мнение на «нашей» стороне. Любой ценой необходимо было обвинить в срыве переговоров Советский Союз. В этом случае, по словам Сидса, если переговоры не будут успешными, «то будет невозможно обвинить в этом» британское правительство. Суриц в связи с этим доносил в Москву: «Наши партнеры не хотят «настоящего соглашения с нами», но боятся реакции общественности в случае провала переговоров».

Итог англо-французской дипломатии подводил Жданов: «Британское и французское правительства не хотят заключать договор, основанный на взаимной ответственности и равных обязательствах; они хотят соглашения, «в котором

СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств». Англичане и французы хотят вести только разговоры о соглашении, а сами готовят почву, чтобы обвинить Советский Союз в срыве переговоров и оправдать новую сделку с агрессорами. Здесь Жданов вплотную подошел к раскрытию «английской тайны»...

Очередная английская тайна...

По мнению Сурица, Чемберлен и Даладье были готовы на что угодно, лишь бы добиться договора с Германией и Италией. «Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуется соглашение с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые».

Действия Гитлера лишь стимулировали активность англичан. Так, две недели спустя после речи Гитлера 28 апреля, в которой он фактически расторг германо-польский пакт о ненападении и англо-германское военно-морское соглашение, Майский отмечал, «что за последние дней десять после речи Гитлера здесь вновь подняли головы «умиротворители», — «Таймс» как раз начала в то время большую кампанию «за еще одну попытку» прийти к соглашению с Германией и Италией. Может, это просто совпадение, пишет М. Карлей, что О. Харви, личный секретарь Галифакса, за шесть дней до того, как Майский отослал свою депешу Молотову, отметил в своем дневнике, что ««умиротворительство» опять поднимает свою отвратительную голову. Я уже не раз слышал намеки, что оно уже во всю маячит у нас за спиной в номере 10. Впрочем, это вполне нормально, что и руководство «Таймс» опять бе-

рет душераздирающую пораженческую ноту — «Данциг не стоит новой войны...»

Коллье, говоря о протоколах комитета по внешней политике, составленного из министров кабинета, занимавших ключевые посты, отмечал, что «если почитать между их строк», особенно высказывания Чемберлена, то «трудно избавиться от ощущения, что настоящий мотив поведения кабинета — желание заручиться поддержкой русских и в то же время оставить руки свободными, чтобы при случае указать Германии путь экспансии на восток, за счет России... Советскую поддержку стоило иметь на своей стороне, и... дать русским, в обмен на обещание их помощи, уверенность, что мы не бросим их в одиночестве перед лицом германской экспансии». Как записывал в то время Г. Никольсон, «правительство предало свою страну, эти тори думают только о красной опасности...»

Месяц спустя, в мае посол Польши в Англии докладывал своему министру иностранных дел: Чемберлен, несомненно, избегает всего, что «лишало бы его возможности вновь вернуться к переговорам с Берлином и, возможно, с Римом». По мнению посла, недавнее выступление Чемберлена «является очередным, не знаю, которым уже по счету, предложением, обращенным к Германии, прийти к соглашению. В то же время в этом выступлении нашло также отражение его давнишнее отрицательное отношение к заключению формального союза с Советами». Чемберлен действительно упорно настаивал, что Россия, а не Германия, представляет собой главную угрозу западной цивилизации. В парламенте он заявлял, что «скорее подаст в отставку, чем заключит союз с Советами».

Видный представитель консервативной партии Ч. Спенсер выдвинул тезис о том, что «Германия может путем войны получить меньше, чем путем переговоров», он передал от английской стороны Герингу меморандум с предложени-

ем о созыве нового мюнхенского совещания четырех держав без СССР и Польши. Перед вручением меморандума Спенсер счел необходимым заверить, что ведущиеся Англией переговоры с СССР «не должны пониматься как проявление какой либо симпатии к русскому методу управления. Конечно, в Англии, есть люди выступающие за политические связи с Россией. Но ведут они себя тихо, их мало, и они не располагают влиянием».

8 июня Галифакс заявил в парламенте, что Великобритания готова к переговорам и с Германией. На следующий день Гендерсон посетил Геринга и заявил ему, что если бы Германия пожелала вступить с Англией в переговоры, то получила бы «не недружественный ответ». 13 июня Гендерсон встретился со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Вайцзекером, который в записях об этой беседе, отметил, что английский посол «явно имея поручение, говорил о готовности Лондона к переговорам с Берлином... критически высказывался об английской политике в Москве» и «не придает никакого значения пакту с Россией». Через две недели собеседники встретились вновь. И опять Гендерсон занялся поисками «исходных моментов для новых англо-германских переговоров». «Как и 14 дней назад, — записывал Вайцзекер, — посол снова спросил, не послужило ли бы окончание переговоров Англии с Москвой стимулом для начала англо-германских переговоров... По его словам, было бы абсолютно неверно полагать, что Чемберлен ушел с тропы мира» (умиротворения).

Правящие круги Англии были готовы немедленно прервать свои контакты с Советской Россией. Сидс 12 июля телеграфировал Галифаксу, что для срыва переговоров лучше воспользоваться вопросом о «косвенной агрессии», чем вопросом о военном соглашении. Однако, Германия молчала, а срыв переговоров сочли все же опасным. Стрэнг преду-

преждал, что это «может вынудить Советский Союз стать на путь... компромисса с Германией».

Началу новой серии переговоров положило посредничество лорда Кемсли, владельца «Санди таймс», который в конце июля встретился с Гитлером и предложил возобновить переговоры. Гитлер выдвинул свои условия. Галифакс и Чемберлен согласились их рассмотреть. Вскоре для переговоров, под видом участия в заседании китобойной комиссии, в Лондон прибыл сотрудник Геринга Х. Вольтат. С ним начались консультации советника Чемберлена Г. Вильсона и министра торговли Р. Хадсона.

Результирующим документом встречи стал «План Вильсона», который был изложен последним 21 июля Вольтату и 3 августа Дирксену. «План» предполагал заключение германо-британского пакта о ненападении. Пакт разграничивал сферы интересов двух стран в Европе, при этом за Гитлером признавалась гегемония в Восточной и Юго-Восточной Европе, решение проблем Данцига и Польши, урегулировались колониальные претензии Германии и предоставление ей крупного кредита. Предусматривались также соглашения об уровнях вооружений. По мнению Карлея: «Во многих пунктах повестка дня Вильсона — Дирксена очень напоминает то, что немцы предлагали Молотову. К договору стремился Чемберлен, но вовсе не Гитлер».

Г. Дирксен после разговора с Г. Вильсоном сообщал в Берлин: «Здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией, и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно возможная и достойная усилий цель — соглашение с Германией». Однако переговоры снова зашли в тупик. Карлей относит этот факт на благородство англичан, не желавших заключить сделку с Гитлером за счет войны с Польшей.

На самом деле Чемберлен, после Мюнхена, под давлением общественного мнения, не мог не только подписать еще одну подобную сделку, но и вообще открыто вести «умиротворительные» переговоры с Германией. Именно поэтому потребовалось посредничество Кемсли, прикрытие китобойными переговорами, для Вольтата. Именно поэтому потерпела провал миссия Хадсона, как только сведения о ней попали в прессу. Не случайно Вильсон после предложения своего плана, по словам Дирксена, предупредил, «что если информация об этих переговорах просочится в прессу, Чемберлену придется подать в отставку». Для Чемберлена вопрос стоял не в самом соглашении с Германией, а в возможности его общественного признания.

Не случайно Галифакс в то время говорил своим коллегам по кабинету: «Военные переговоры будут тянуться бесконечно, тем самым мы выиграем время и наилучшим образом выйдем из трудного положения, в которое попали». Чемберлен тогда же отмечал в своем дневнике: «Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует, напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию». Соответственно, инструкция для британской делегации отправляющейся в Москву предписывала: «вести переговоры весьма медленно». Тем временем работа над «планом Вильсона» не прекращалась.

В советском посольстве знали о переговорах с Вольтатом. Полпред СССР во Франции докладывал НКИД, «что здесь и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином и что на соглашение с СССР смотрят не как на средство «сломать Германию», а как на средство добиться лишь лучших позиций при будущих переговорах с Германией».

* * *

Странной была позиция и самой Германии. «Тайный примирительный зондаж Чемберлена (через Г. Вильсона) показывает, что при желании с Англией можно наладить разговоры», — считал. Вайцзекер. Но желания не было. В течение 1938 — 1939 г. Гитлер ни разу не отвечал на предложения англичан. Почему Гитлер не принял столь выгодных предложений?

На этот счет существует несколько мнений: Так, В. Сиполс утверждает, что Гитлер «рассматривал все подобные предложения как свидетельство слабости Англии». Геллер и Некрич считают камнем преткновения требования Германии рассматривать Ближний Восток, как ее «естественную экономическую сферу», что было абсолютно неприемлемо для Англии. В. Шубин отмечает, что предложения Вильсона содержали важную оговорку: Германия не должна «предпринимать акций в Европе, которые привели бы к войне, исключая такие меры, которые получат полное согласие Англии». По мнению Шубина — прими Гитлер предложения Чемберлена, и он автоматически становился британским «жандармом» Европы.

На самом деле, причина очевидно крылась в том, что Гитлер не верил ни одному слову англичан: «Англия усматривает в нашем развитии стремление установить гегемонию, которая ее ослабит, Следовательно, Англия — наш враг и борьба с ней является вопросом жизни и смерти». Методы борьбы, которые Англия использовала на протяжении столетий, не составляли ни для кого секрета. О них Гитлер говорил в своей публичной речи 1 апреля, когда явно имея в виду англичан и французов обрушился на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. Союз с Англией не оставлял Германии выхода, он был направлен и мог быть направлен только и исключительно против СССР, что неизбежно вело к взаимоуничтожительной войне между Гер-

манией и Россией. Гитлеру же необходимо было только нейтрализовать Англию на время войны с Польшей.

Очевидно, отталкиваясь именно от этих предпосылок Гитлер продолжал игру с Англией. Так, после подписания пакта Молотова — Риббентропа, 25 августа Гитлер принял Гендерсона. «Гитлер объяснял, что хочет сделать в направлении Англии такой же серьезный шаг, как и в направлении России. Он не только готов заключить договоры... гарантирующие существование Британской империи при любых обстоятельствах, насколько это будет зависеть от Германии, но и готов оказывать помощь, если таковая ей понадобится»... Если же английское правительство отвергнет «его идеи, то будет война». При этом, как отмечал Гальдер в дневнике, Гитлер заявил, что «не обидится, если Англия будет делать вид, что ведет войну».

В последние дни и часы мира Геринг вел параллельные неофициальные переговоры, через шведского бизнесмена Далеруса. Последнего в Лондоне принимали Чемберлен и Галифакс. «Было очевидно, что... английское правительство отнеслось к шведскому курьеру вполне серьезно». Англичане предложили Гитлеру договор и урегулирование конфликта с Польшей переговорным путем. «Если достичь договоренности не удастся, то рухнут надежды на взаимопонимание... что может привести к конфликту между нашими двумя странами и послужить началом мировой войны». В ответ Гитлер выдвинул свои условия, о которых Гендерсон докладывал Галифаксу: «Условия кажутся мне умеренными. Это не Мюнхен...» «Немецкие предложения кажутся мне правомерными... Принятие их сделает войну неоправданной». Но Польша отказалась даже обсуждать эти условия. Англия и Франция могли фактически дезавуировать свои гарантии Польше, без потери собственного лица. У Гитлера же не оставалось времени на уговоры поляков: «Из-за осенних дождей наступление надо было начинать немедленно

или совсем его отменить». Отменить было уже невозможно. Захват Польши был лишь начальным шагом в большой игре. «Я был бы сумасшедшим, если бы ради такого вопроса, как Данциг и коридор, бросился бы в общую войну наподобие 1914 года» — позже заявлял Гитлер.

Странная война

Ранним утром 1 сентября почти шестьдесят германских дивизий вторглись в Польшу. К этому времени французские войска на германской границе насчитывали 3253 тыс. человек, 17,5 тыс. орудий и минометов, 2850 танков, 1400 самолетов первой линии и 1600 в резерве. Кроме того, против немцев могли быть задействованы свыше тысячи английских самолетов. Им противостояли 915 тыс. германских войск, имевших 8640 орудий и минометов, 1359 самолетов и ни одного танка. Сооружение же Западного вала (линии Зигфрида) еще не было завершено. Кейтель на Нюрнбергском трибунале показал: «Со строго военной точки зрения мы, солдаты, ожидали наступления западных армий во время польской кампании. Мы были очень удивлены тем, что не последовало никаких действий, если не считать нескольких незначительных стычек между линией Мажино и линией Зигфрида. Мы заключили из этого, что Франция и Англия не имели серьезного намерения вести войну. Весь фронт вдоль западных границ Германии был защищен только двадцатью пятью дивизиями, занимавшими Западный вал. Если бы франко-британские армии начали наступление, мы не могли бы оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления».

По данным Типпельскирха, на Западном фронте Германия имела 8 кадровых и, теоретически, 25 резервных дивизий, которые на 3 сентября еще нужно было собрать. При

этом боевая подготовка последних давала Типпельскирху повод считать их не «полностью боеспособными». Йодль вообще расценивал польскую кампанию как удачную авантюру, на Нюрнбергском процессе он заявлял: «Катастрофа не произошла только потому, что 110 дивизий, которыми располагали французы и англичане, оставались совершенно пассивными против наших 25 дивизий, стоявших на Западном фронте». «Наши запасы снаряжения, — продолжал Йодль, — были до смешного ничтожны, и мы вылезли из беды единственно благодаря тому, что на западе не было боев». Наступление на Западном фронте, по мнению Йодля, даже вполсилы, привело бы предположительно уже осенью 1939 г. к поражению Германии и окончанию войны.

«В 1939, как и в 1938 годах, — отмечал фельдмаршал Мильх, генерал-инспектор воздушных сил, — все требования Главного штаба на изготовление воздушных бомб были зачеркнуты лично Гитлером. Он хотел сберечь наши запасы стали и легких металлов для нужд артиллерии и постройки самолетов. В начале войны наших запасов бомб хватило бы всего на пять недель активных операций. В течение 18 дней польской кампании мы израсходовали половину запаса, хотя в деле была только часть наших бомбардировочных самолетов». Йодль обобщает это положение: «Все наше вооружение, — говорит он, — было создано уже после начала военных действий». Не только вооружение, но и сама армия, замечает Р. Картье. В начале сентября 1939 г. Германия имела максимум 50 дивизий. В конце октября их было уже 75, а в мае 1940 года — 120.

Б. Мюллер-Гиллебранд констатировал: «Западные державы... упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии... и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 года были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение

войны для Германии стало бы невозможным». Флот, подобно армии, был также лишь фасадом. «Флот, — отмечал адмирал Дениц, — был захвачен врасплох объявлением войны. Вновь строящиеся суда были еще далеки от окончания; но даже если бы они и были достроены, то все же германский флот составлял бы не более трети британского. В моем распоряжении было всего лишь 42 подводные лодки, годные к действию».

По словам Р. Картье, документы «Нюрнберга категорически подтверждают, что в 1939 году Германия была не в состоянии вести войну на два фронта. Но Гитлер строил свои планы на психологическом расчете... Он говорил: «Я знаю Чемберлена и Даладье. Я их оценил в Мюнхене. Это — трусы. Они не посмеют выступить»». Действительно, англичане и французы, дав гарантии Польше, не собирались воевать. 2 сентября Чемберлен выступил в палате общин, но не с объявлением войны, а с предложением о дальнейших переговорах. Это вызвало шок среди депутатов, которые подумали, что Чемберлен решил «повторить Мюнхен». Известный лейбористский деятель X. Дальтон 2 сентября записал в своем дневнике: «Казалось, что политика умиротворения снова достигла полного расцвета и наше слово чести, данное полякам, умышленно нарушалось».

На Западе началось то, что назвали Странной войной. На линии фронта французы вывесили огромные плакаты: «Мы не произведем первого выстрела в этой войне!» Отмечались многочисленные случаи братания французских и немецких солдат, которые наведывались друг к другу в гости, обмениваясь продовольствием и спиртными напитками. Когда же не в меру инициативный командир французского артиллерийского полка, занимавшего позиции в районе Бельфора, начал предварительную пристрелку возможных целей, то за это его чуть не предали военно-полевому суду. «Понимаете, что вы сделали?— распекал сво-

его подчиненного командир корпуса. — Вы чуть-чуть не начали войну!» В дальнейшем во избежание подобных инцидентов, чтобы какие-нибудь горячие головы сдуру не начали воевать всерьез, передовым частям французских войск было запрещено заряжать оружие боевыми снарядами и патронами. «Pas de conneries — не вести себя по-дурацки, было распространенным мнением среди французов, или нам придется за это расплачиваться». По словам Д. Фуллера: «Сильнейшая армия в мире, перед которой находилось не больше 26 дивизий противника, бездействовала, укрывшись за сталью и бетоном, в то время как враг стирал с земли мужественного до донкихотства союзника».

Как отмечал посетивший линию фронта французский писатель Р. Доржелес, бывший в то время военным корреспондентом: «По возвращении на фронт я был удивлен царившей там тишиной. Артиллеристы, расположившиеся у Рейна, смотрели сложа руки на немецкие колонны с военным снаряжением, передвигавшиеся на другом берегу реки, наши летчики пролетали над огнедышащими печами заводов Саара, не сбрасывая бомб. Очевидно, главной заботой высшего командования было не провоцировать противника». Единственный боевой эпизод имел место 4 сентября, когда английские ВВС атаковали германские военные корабли, находившиеся в районе Киля, в результате чего легкий крейсер «Эмден» получил незначительные повреждения. В остальное время английские и французские самолеты ограничивались разведывательными полетами, а также, говоря словами Черчилля, «разбрасывали листовки, взывающие к нравственности немцев».

Всего с 3 по 27 сентября только английские ВВС обрушили на головы немецких обывателей 18 млн. листовок. Как самокритично заметил маршал авиации А. Харрис, позднее прославившийся ковровыми бомбардировками немецких городов: «Я лично считаю, что единственное, чего мы доби-

лись,— это обеспечили потребности Европейского континента в туалетной бумаге на пять долгих лет войны. Многие из этих листовок были столь глупо и по-ребячески написаны, что, пожалуй, хорошо, что их скрывали от английской общественности, даже если нам приходилось рисковать и терять напрасно экипажи и самолеты, сбрасывая эти листовки на врага».

В первых числах сентября один из лидеров лейбористов Х. Дальтон, имевший много близких друзей среди поляков, предложил поджечь зажигательными бомбами Шварцвальд, чтобы лишить немцев строевого леса: «Дым и чад немецких лесов научат немцев, весьма сентиментально относящихся к своим лесам, что война не всегда приятна и выгодна и что ее нельзя вести исключительно на территории других народов». Однако сэр Кингсли категорически отказался, сославшись на то, что подобные действия противоречат Гаагской конвенции. 8 сентября польский военный атташе во Франции докладывал в Варшаву: «На западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше».

Французское наступление началось 7 сентября, не встречая сопротивления германских войск, которым было приказано уклоняться от боя. Спустя пять дней французские войска получили приказ генерала Гамелена прекратить наступление и начать окапываться. Но главное было не в успехах, а в его факте, остальное дело рекламы. Агентство Ассошиэйтед Пресс поспешило сообщить, будто «в ночь с 6 на 7 сентября французские войска захватили первую линию бетонных пулеметных гнезд линии Зигфрида». Официальное коммюнике французского Генерального штаба было скромнее: «Невозможно, впрочем, точно перечислить уже занятые местности и позиции». На деле реальное продвижение

французских войск составило всего 7—8 км на фронте протяженностью около 25 км.

Однако 10 сентября М. Гамелен уверял польское руководство, что «больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы противопоставили нам сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя приготовившегося к обороне противника, и я еще не располагаю всей необходимой артиллерией. С самого начала брошены военно-воздушные силы для участия в позиционных операциях. Мы полагаем, что имеем против себя значительную часть немецкой авиации. Поэтому я раньше срока выполнил свое обещание начать наступление мощными главными силами на 15-й день после объявления французской мобилизации».

В тот же день парижский корреспондент Юнайтед Пресс, ссылаясь на сведения, «полученные из надежных источников», утверждал, что Германия перебросила с Восточного фронта как минимум 6 дивизий, чтобы противодействовать французскому наступлению. На самом деле с польского фронта не было переброшено ни одного немецкого солдата, ни одного орудия или танка. Несмотря на то, что 12 сентября французское наступление прекратилось, пресса продолжала распространять байки об «успехах» союзных войск. Так, 14 сентября сообщалось, что «военные операции на Западном фронте между Рейном и Мозелем продолжаются. Французы окружают Саарбрюккен с востока и запада». 19 сентября последовало сообщение, что «бои, которые ранее ограничивались районом Саарбрюккена, охватили теперь весь фронт протяженностью 160 км».

Наконец, 3—4 октября французские войска покинули территорию Германии. 16 октября вернулись на исходные позиции и передовые части вермахта. В целом результаты этого «героического» похода оказались следующими: «В сводке

германского Верховного командования от 18 октября были объявлены общие потери немцев на Западном фронте: 196 человек убитыми, 356 ранеными и 144 пропавшими без вести. За этот же период было взято в плен 689 французов. Кроме того, было потеряно 11 самолетов».

Как вспоминал позднее Черчилль: «Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это». Впрочем, сам сэр Уинстон, отмечает И. Пыхалов, тоже не без греха. Так, в письме Чемберлену от 10 сентября он высказался вполне определенно: «Я по-прежнему считаю, что нам не следует первыми начинать бомбардировку, за исключением разве района, непосредственно прилегающего к зоне действия французских войск, которым мы, конечно, должны помочь».

Дальнейшее выполнение западными демократиями своих «гарантий» Польше можно проследить по фактам, приводимым И. Пыхаловым: 21 ноября правительство Франции создало в вооруженных силах «службу развлечений», на которую возлагалась организация досуга военнослужащих на фронте. 30 ноября парламент обсудил вопрос о дополнительной выдаче солдатам спиртных напитков. Вскоре в крупных гарнизонах и на железнодорожных станциях пришлось в срочном порядке открывать военные вытрезвители. 29 февраля 1940 г. Даладье подписал декрет об отмене налогов на игральные карты, предназначенные для действующей армии. Спустя некоторое время было принято решение закупить для армии 10 тыс. футбольных мячей.

Не спеша подтягивались английские войска — первые две дивизии прибыли на фронт лишь в начале октября, а первый военнослужащий британского экспедиционного корпуса будет убит лишь 9 декабря 1939 г. М. Гилберт дал

оригинальное объяснение «неповоротливости Англии» — последней якобы «было трудно настроиться на войну... (но главное) к гарантиям Польше в Англии никогда не относились с большой симпатией. Между странами не было традиционной дружбы, Польша считалась одним из тех диктаторских режимов, которые проявляют лишь присущие авторитарному господству ограниченность и притеснения, но без театрального волшебства и гипнотического воздействия власти».

По мнению Карлея, англо-французы делали все, что бы не «провоцировать врага». При этом Англия и Франция упорно делали вид, что ведут полноценную войну. Но Странная война не могла продолжаться бесконечно. Так, Суриц сообщал из Парижа, что французы помимо своей военной «гимнастики» никакой помощи полякам не оказывали, а по Парижу ходили слухи, что войну хотят закончить, позволив немцам привести к власти марионеточное польское правительство, и это будет лучший выход для Франции и Британии. Из Лондона писал Майский, который отмечал, что Чемберлен, выступая «в парламенте и подчеркивая решимость Англии вести «войну до конца»... в то же время дал понять, что если бы Гитлер выдвинул какие-либо новые, более приемлемые предложения, британское правительство готово было бы их рассмотреть».

Случай представился в конце 1939 г., когда с прямого подстрекательства со стороны правящих кругов Англии и Франции началась советско-финская война[1]. По мне-

---

[1] Финляндия была готова принять более чем щедрые предложения Советского Союза, которые даже Маннергейм считал вполне разумными, и тем самым сохранить мир. Маннергейм советовал своим президенту и премьеру «не отклонять советские предложения, серьезно изучить их и скорее всего согласиться на них, ибо с военной точки зрения они лишь выгодны Финляндии». Только и исключительно давление Англии и Франции заставило Финляндию отклонить предложенный СССР обмен территориями и компенсации.

нию В. Трухановского, для Чемберлена и его соратников, это был оптимальный выход из положения — война против Германии переключалась на совместную войну с Германией против Советского Союза. Лондон, в своем традиционном стиле, сделал все от него зависящее для этого: 24 ноября британское правительство заявляло СССР, что не станет вмешиваться в случае советско-финского конфликта. 29 ноября с Майским встретился Батлер, чтобы подтвердить заявление Черчилля, что британское правительство не собирается проводить «макиавеллиевскую» политику в отношении Советского Союза; но в Москве не очень-то поверили этим уверениям. После этой встречи Майский писал, что британская политика заключалась в том, чтобы, простирая правую руку в дружеском жесте, в то же самое время левой «сеять семена антисоветских интриг во всех концах мира». Действительно, в то же самое время Англия требовала от Финляндии занять твердую позицию и не поддаваться нажиму Москвы. С началом «зимней войны» в Финляндию была направлена французская военная миссия во главе с Ганевалем; мало того, в штабе Маннергейма находился личный представитель Гамелена генерал Клеман-Гранкур. По словам члена французской военной миссии капитана П. Стелена, главная задача французских представителей заключалась в том, чтобы «всеми силами удерживать Финляндию в состоянии войны».

Правительства Англии и Франции, спавшие во время войны с Польшей, вдруг развернули бурную деятельность. Были задержаны несколько советских пароходов и арестованы счета и ценности советского торгпредства в Париже. Война с Германией уже шла, а Англия и Франция разрабатывали проект переброски в Финляндию через Скандинавию 150 тыс. солдат и офицеров. Однако Швеция и Норвегия категорически отказались пропустить англо-француз-

ские войска через свою территорию. В январе 1940 г. Даладье поручил Гамелену и командующему ВМФ адмиралу Дарлану изучить вопрос об авиаударах по территории СССР. Удар предполагался по нефтепромыслам Баку, Грозного, Майкопа и др. с аэродромов в Сирии, Ираке и Турции. Однако в апреле англичане заявили, что не в состоянии выделить авиацию для этих действий.

Как отмечает Карлей, «парижская пресса развязала против советского вторжения оголтелую кампанию, а действия французского правительства тоже производили отчетливое впечатление, что ему больше нравится чернить большевиков, чем сражаться с «германским колоссом»». В свою очередь, «Форин Оффис считал большевиков если не злейшими врагами, то чем-то вроде этого. Британская пресса почти единодушно и яростно осуждала советское нападение на Финляндию». Официальные представители британского правительства заявляли: «По очень многим причинам советское правительство теперь является нашим врагом». В декабре Советский Союз был исключен из Лиги Наций и оказался практически в полной изоляции. Несколькими месяцами раньше СССР еще оказался втянут в серьезное противостояние с Японией на маньчжурской границе. «Красная армия разгромила японцев, но ситуация оставалась очень неопределенной».

«В эти месяцы, — отмечал А.Симон — французские газеты, за небольшим исключением, стали открыто называть русских «врагом номер один». Германия была разжалована на второе место. Помню, один из членов британского парламента сказал мне как-то на митинге в Париже: «Читаешь французскую прессу, и создается впечатление, будто Франция воюет с Россией, а с немцами она разве что находится в натянутых отношениях»... Чтобы спасти свой кабинет, Даладье чуть не довел дело до войны Франции с Советской

Россией. Он тайно отправлял в Финляндию самолеты[1], отсутствие которых очень сильно сказалось вскоре на французском фронте».

Американский посол в СССР Штейнгардт неистовствовал: «Соединенные Штаты должны выразить негодование по поводу советской агрессии в Финляндии, а именно: разорвать дипломатические отношения, изгнать всех советских граждан из США, закрыть американские порты и, возможно, Панамский канал для всех советских судов, наложить эмбарго на весь экспорт в Советский Союз, а также применять и иные шаги подобной жесткости». Он подчеркивал: «Эти люди не понимают политических жестов, морали, этики — ничего. Они понимают только язык действий, наказания и силы». Однако рекомендации посла приняты не были, Рузвельт только призвал СССР оставить Финляндию в покое. Тем временем американская пресса, раскручивала «блокбастер», будто СССР сбрасывал в Финляндии бомбы на женщин и детей. И из Америки в Финляндию шло оружие и даже отправлялись добровольцы. А Уэллес из Госдеппа попутно выяснял, можно ли повернуть против СССР такой общий фронт Запада, где Германии отвели бы почетную роль передового бойца.

* * *

22 февраля 1940 г. СССР и Финляндия независимо друг от друга предложили Англии выступить посредником для заключении мира. 24 февраля английское правительство,

---

[1] 12 марта 1940 г. Даладье заявил, что Франция поставила Финляндии 145 самолетов, 496 орудий, 5 тыс. пулеметов, 400 тыс. винтовок и 20 млн. патронов. В свою очередь, по словам Чемберлена от 19 марта, из Англии в Финляндию были отправлены 101 самолет, 114 орудий, 185 тыс. снарядов, 200 противотанковых орудий, 100 пулеметов, 50 тыс. газовых снарядов, 15 700 авиабомб, а также большое количество обмундирования и снаряжения.

отказалось, поскольку было «не согласно с данными условиями мира». А в марте Англия и Франция потребовали от министерства иностранных дел Финляндии официального обращения к ним за помощью. Очевидно до руководства Финляндии дошло, что это чревато для их страны национальной катастрофой. И финское правительство пошло на подписание мира с Советским Союзом. Тем самым, по мнению Трухановского, Англия была избавлена от катастрофических последствий — прямой войны с СССР, к которым ее неизбежно толкала линия на «переключение» войны.

Тем не менее даже после окончания советско-финской войны в марте Гамелен утверждал, что вопрос об открытии военных действий против СССР должен стоять на первом месте. План действий включал авиаудары, подводную войну в Черном море, вступление в войну Турции, поддержанной французскими войсками из Ливана. «Русско-финское перемирие не должно привести ни к какому изменению главных целей, которые мы смогли перед собой поставить в 1940 г., но оно должно побудить действовать более быстро и более энергично». Генерал Жоно в мае 1940 г. считал, что не на Западе, а «на Кавказе война найдет свое завершение», уверяя министра авиации Лоран-Эйнана: «Вы не будете сражаться на Западном фронте, сражаться будут на Кавказе».

Английский историк Э. Хьюз позже писал: ***«Мотивы предполагавшейся экспедиции в Финляндию не поддаются разумному анализу. Провоцирование Англией и Францией войны с Советской Россией в то время, когда они уже находились в войне с Германией, представляется продуктом сумасшедшего дома. Оно дает основания для того, чтобы предложить более зловещее толкование: переключение войны на антибольшевистские рельсы, с тем чтобы война против Германии могла быть окончена и даже забыта...*** В настоящее время единственно полезным выводом может явиться предположение, что английское и француз-

ское правительства в то время утратили разум». Аналогичного мнения придерживался А. Тэйлор «Единственное разумное объяснение всему этому, допустить, что британское и французское правительства просто сошли с ума».

Объяснение, почему в *очередной раз английское и французское правительства утратили разум,* давал английский журнал «Лейбор мансли» в феврале 1940 г.: «Наиболее шовинистические, агрессивные, реакционные силы английского и французского империализма, которые стремятся любыми средствами расширить войну и ликвидировать создавшийся на Западе тупик путем открытия военных действий на Востоке, здесь объединились с бывшими мюнхенскими элементами, которые ввязались в эту войну по ошибке и против своего желания именно потому, что они старались организовать антисоветскую войну, и которые только рады были бы теперь найти способ превратить эту войну в антисоветскую войну и построить на этой основе мировой контрреволюционный фронт под английским руководством».

Свое объяснение реакции Запада оставил Ллойд Джордж. По его словам, по проблеме отношений с финнами Советский Союз еще может оправдаться соображениями обеспечения собственной безопасности. Но в целом вопрос выходит за рамки этой проблемы — это вопрос противостояния двух систем, капитализма и социализма. А Финляндия сейчас просто генератор, который питает все «реакционные силы мира». «Если бы я был на вашем месте, — говорил Ллойд Джордж Майскому, — я бы как можно скорее закончил эту финскую войну, ибо каждая ее неделя чревата новыми осложнениями и новыми попытками создать антисоветский блок. И я бы закончил финскую войну без использования «германских методов», применяемых в Польше, потому что они лишь дают лишние козыри в руки антисоветских провокаторов». Майский стал протестовать против этого последнего положения, но Ллойд

Джордж только рассмеялся: «Извините меня, старика, кое-что понимающего в международно-политических и военных делах. Я не хотел Вас обидеть. Однако из собственного опыта я знаю, что война есть война. А в особенности эта война, которая, на мой взгляд, является последней большой борьбой капитализма за свои права на существование».

Почему же этот очередной «крестовый поход» против большевизма провалился? Во-первых, Англия и Франция ждали, когда к ним, защитникам Финляндии, присоединится Германия, однако Гитлер не поддался на провокацию, у него были свои планы в отношении Англии и Франции. Во-вторых, свою роль сыграл простой народ Англии — Батлер не переставал повторять своим коллегам по Форин Оф¬фис: ««Рабочие очень не хотят войны с Россией». Мысли о России, несмотря даже на Финляндию, занимали важное место «в умах множества простых людей».

«Поражение Финляндии вызвало во Франции правительственный кризис. На первый взгляд, это кажется довольно странным». Ведь к тому времени возглавляемое Даладье правительство уже успело дважды предать союзную Чехословакию, а затем и союзную Польшу. «Никого это особо не возмущало. А тут Финляндия, с которой Францию не связывали никакие договоры, и которая по условиям мира сохранила свою независимость, потеряв лишь часть территории. Тем не менее факт поражения финнов оказался для французской общественности настолько невыносимым, что правительство Даладье было вынуждено уйти в отставку». В чем же причина такой реакции? «Все очень просто, — отвечает Пыхалов. — На этот раз победителями стали не добропорядочные немцы-нацисты, а русские варвары-большевики».

Английский посол в Париже в то время сообщал, что Даладье говорил о налетах на Баку, как отчасти о задаче «внутренней политики»: «...И эти элементы среди правя-

щего класса... благодаря своему страху перед большевизмом, будут рады заключить мир с Германией, пока ее еще окончательно не побили». Выступая 19 марта 1940 г. в парламенте, Даладье заявил, что для Франции «московский мирный договор (с Финляндией) — это трагическое и позорное событие. Для России это великая победа».

Пакт Молотова — Риббентропа

> Дело... идет в данном случае не о пакте взаимопомощи, как это было в англо-франко-советских переговорах, а только о договоре ненападения. Тем не менее в современных условиях трудно переоценить международное значение советско-германского пакта... Договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы.
>
> *Молотов*

В августе 1939 г. Германия и СССР заключили пакт, вошедший в историю под названием «Пакт Молотова — Риббентропа». По мнению Д. Дана, «инициатором пакта с самого начала безоговорочно была Россия. Германия долгое время «не отвечала на советские предложения... по той же причине, по которой не нападала на Советскую Россию: Сталин до такой степени истощил страну, что Советский Союз можно больше не принимать всерьез». Слова Д. Дана могут считаться компилятивным отражением мнения тех «историков», которые полагают, что Сталин вообще изначально предпочитал союз с Германией и все время склонялся к нему. Д. Дан утверждает, что «советские власти делали безответные попытки к сближению с Берлином еще в 1936 г.». «После аншлюса в марте 1938 г., — продолжает Д. Дан, — они

усилили свои попытки связать Германию пактом о ненападении, но Гитлер не видел выгоды от альянса с Советской Россией, истощенной коллективизацией, чистками и изолированной от Франции и Англии». Аналогичное мнение с тем же пафосом высказывает А. Некрич: в начале 1939 г. «Сталин возвращается к идее договора с Германией. Что до того, что Германия заклеймена как агрессор, что ведутся переговоры с Англией и Францией о заключении военного союза против Германии!»

Однако, как отмечает И. Фляйшхауэр, более подробное знакомство с документами ставит серьезного исследователя перед фактом, что «нет абсолютно никаких доказательств постоянных «предложений» Сталина правительству Гитлера, нацеленных на установление особых политических отношении». Действительно, несмотря на значительные пропагандистские усилия, ни Д. Дан, ни А. Некрич, ни их сторонники не приводят ни одного более или менее близкого факта, подтверждающего их собственные слова.

Хотя *инициативы* действительно были. Гитлер с первых дней своего прихода к власти стремился к развитию экономических отношений с СССР, но не политических. Советский Союз, в свою очередь, был единственной страной, которая на протяжении всех предвоенных лет последовательно проявляла *инициативу* в другой области — в создании антифашистских «народных фронтов» и системы «коллективной безопасности» против угрозы фашизма. Хотя советское руководство не отрицало и политических отношений с Германией, но только в рамках Лиги Наций или общеевропейского договора. *Инициативу* в установлении особых отношений с Германией первой, как уже говорилось, проявила Англия — в 1935 г. заключив с ней военно-морское соглашение. Особые отношения — пакты о ненападении с Германией еще в 1934 г. подписала Польша, а за ней в 1938 г. Англия и Франция, а в 1939 г. ведя переговоры с СССР, а затем

выполняя свои союзнические обязательства по отношению к Польше, «союзники» просто «бомбили» Германию своими *инициативами*.

Предысторию пакта Молотова — Риббентропа можно отнести к декабрю 1937 г., когда Геринг пригласил советского посла Я. Сурица и в ходе беседы сказал: «Я являюсь сторонником развития экономических отношений с СССР и как руководитель хозяйства понимаю их значение». Геринг заговорил о вопросах внешней политики, заветах Бисмарка не воевать с Россией и ошибке Вильгельма II, который эти заветы нарушил.

Непосредственно история пакта началась сразу после Мюнхена. И. Фляйшхауэр отмечает, что именно на это время (3 октября 1938 г.) приходится первая серьезная инициатива в советско-германском сближении, которая принадлежала германскому послу в СССР В. Шуленбургу. Эта «инициатива являлась следствием размышлений Шуленбурга о том, что «необходимо воспользоваться изоляцией Советского Союза, чтобы заключить с ним всеобъемлющее (экономическое) соглашение...». В конце октября Шуленбург уведомил министерство иностранных дел Германии, что «намерен в самом ближайшем будущем встретиться с Молотовым..., чтобы попытаться решить вопросы, осложняющие германо-советские отношения». По мнению У. Ширера: «Маловероятно, что посол сам пришел к подобному решению, учитывая недавнее враждебное отношение Гитлера к Москве. Скорее всего, инструкция поступила из Берлина».

В меморандуме германского МИДа от 4 ноября говорится о «настойчивом требовании из ведомства фельдмаршала Геринга хотя бы попытаться реактивировать... торговлю с Россией, особенно в той части, где речь идет о русском сырье». Сроки советско-германских торговых соглашений истекали в конце года, и документы с Вильгельмштрассе изобилуют материалами о взлетах и падениях во время пе-

реговоров о их возобновлении. «Каждая из сторон относилась к другой с большим подозрением, — отмечал У. Ширер, — и все-таки они медленно, но неуклонно сближались». Необходимость заключения договора была обусловлена не только текущими экономическими соображениями, но и примерами истории. Ведь именно отказ Николая II от продления русско-германского торгового соглашения, истекшего в 1914 г., стал одной из последних капель, приведших Германию к Первой мировой войне.

На этот раз Германия была готова идти даже дальше просто торгового соглашения. 16 декабря при продлении торгового договора Ю. Шнурре, глава немецкой делегации, сообщил, что Германия готова предоставить кредит в обмен на расширение советского экспорта сырья. Эти предложения стали точкой отсчета советско-германского сближения, по словам В. Шубина, пока неустойчивого и ничем не гарантированного. Стороны договорились о продолжении переговоров 30 января 1939 г. в Москве. Однако переговоры внезапно сорвались из-за Гитлера. На новогоднем приеме глав дипломатических миссий 12 января он неожиданно подчеркнул свое внимание к советскому послу. Такого прежде не бывало и вызвало фурор в дипломатическом корпусе: что бы это значило?! Позже сообщения о поездке Шнурре просочились в мировую печать. Правда, официальные круги Англии и Франции эта информация, казалось, мало трогала. «В Форин Оффис даже Коллье, который всегда был настороже относительно любых признаков сближения немцев с Советами, не обратил особого внимания на сообщение... Пайяр сообщал из Москвы об ожидаемом приезде Шнурре, но считал, что переговоры не выйдут за рамки чисто экономических вопросов». Однако 27 января лондонская «Ньюс кроникл» опубликовала статью, в которой говорилось об «опасности» «германо-советского сбли-

жения». На следующий день по инициативе германской стороны переговоры были прекращены.

Вслед за англичанами беспокойство проявили и французы. «4 февраля Пайяр спросил у Потемкина, не имеют ли нацисты желания перейти от переговоров экономических к политическим. «Я выразил в этом сомнение, — сказал Потемкин, — но тут же спокойно напомнил Пайяру, мы никогда не отказывались от урегулирования наших отношений с этим государством, и что в протоколе к франко-советскому пакту о взаимной помощи нами и французами зафиксирована желательность политического сотрудничества с той же Германией в плане укрепления мира и коллективной безопасности...» Пайяр, как заметил Потемкин, был озабочен советско-германскими экономическими консультациями, хотя и сообщил в отчете, что отношение советского руководства ко Франции и Англии улучшилось по сравнению с концом января. «Нам следует спешить, — предупреждал Пайяр, — чтобы извлечь выгоду из этой ситуации, иначе мы рискуем увидеть крутой разворот Советов в сторону нацистской Германии».

Советско-германские отношения перешли тем временем в скрытую фазу. Переговоры теперь велись через германского посла Шуленбурга. По мнению Мерекалова, немцы хотели избежать шумихи в прессе. «Активность сторон была очень незначительна, — отмечал М. Карлей. — Даже франко-германские экономические консультации, которые начались в декабре 1938 г., во время визита Риббентропа в Париж, можно рассматривать как более важные, нежели тот краткий всплеск активности, вызванный отмененной раньше, чем она успела начаться, миссией Шнурре. Даладье даже подумывал о визите в Париж Г. Геринга — именно Геринг был ответственным за германский четырехлетний экономический план, — Боннэ тоже был заинтересован в возможности заключения крупных контрактов». Литвинов в этой свя-

зи расценивал срыв Гитлером экономических переговоров с СССР как провокационную акцию, целью которой было оказание давления на Францию и Англию. По его словам, Германия «не прочь использовать советский козырь в своей игре с Англией и Францией, но не решается на соответствующие политические жесты, которые она хочет заменить, если возможно, экономическим сближением».

Речь в данном случае шла о Польше: Германия стремилась «купить» лояльность Запада в польском вопросе предложениями выгодного экономического сотрудничества. Официального политического соглашения после Мюнхена английскому и французскому правительству не позволило бы заключить общественное мнение обоих стран. Наоборот, оно активно настаивало на союзе с Советской Россией. И как мы помним, Чемберлен и Даладье в марте, под давлением общественности, были вынуждены обратиться к России.

Решающую роль в этом сыграла знаменитая речь Сталина от 10 марта. Д. Дэвис, бывший посол США в Москве, в своем дневнике отмечал: «Это открытое предупреждение правительствам Англии и Франции, что Советы устали от «нереальной» оппозиции агрессору. Это... действительно представляет угрозу для переговоров... между британским Форин Оффис и Советским Союзом. Это настоящий сигнал опасности...» Спустя десять дней Дэвис сообщал сенатору Питтману: «... Гитлер предпринимает отчаянные попытки настроить Сталина против Англии и Франции. Если Англия и Франция не пробудятся, то, боюсь, ему это удастся».

Между тем английское и французское правительства, демонстрируя на публике свою активность, на деле продолжали свою прежнюю политику, о которой Д. Леви говорил: «Московская Кассандра продолжает призывать к энергичным действиям, с которыми нельзя медлить ни часу, но она видит, что никто не прислушивается к ее словам, и чувствует, что никто им не доверяет, поэтому голос ее мало-пома-

лу становится слабее, а тон все более горестным». «Отклонение англо-французами многочисленных советских инициатив, направленных на улучшение отношений в период между мировыми войнами и на создание антинацистской коалиции, особенно в 1935 — 1938 гг., — констатирует М. Карлей, — в большой мере усилило недоверие и породило даже некий цинизм советского руководства».

17 апреля, на следующий день после того, как Литвинов выдвинул свои предложения о заключении пакта о взаимопомощи между Англией, Францией и СССР, советский посол в Берлине, перед своим отъездом в Москву, нанес визит в МИД к Вайцзекеру. «Как записал статс-секретарь, это был первый визит Мерекалова за все время пребывания на занимаемом посту... Посол говорил приблизительно следующее: «Русская политика всегда следовала прямым курсом. Идеологические разногласия мало повлияли на отношения между Россией и Италией, не должны они повлиять и на отношения с Германией. Россия не воспользовалась существующими трениями между государствами Запада и Германией и не намерена ими воспользоваться, поэтому нет причин, по которым между нашими странами не могли бы существовать нормальные отношения. А нормальные отношения всегда могут улучшиться». Тайна необычного визита советского посла прояснилась 3 мая, в этот день Литвинов был освобожден от должности Народного комиссара иностранных дел, на его место был назначен В. Молотов.

«Если у Британии были основания для подозрений в отношении России, то и у России, — как пишет верный приверженец Черчилля Макмиллан, — были свои основания для подозрений: враждебность западных держав после Первой мировой войны, интервенция, потеря Россией территорий — ничто это не было забыто. И все же при Литвинове русская политика была направлена на поиски безопасности посредством Лиги наций и союза с Западом. Мюнхен

был шоком, но все же Россия выдвинула 16 апреля 1939 года предложение о союзе с Британией и Францией. Это был последний шанс Литвинова, но это был и последний шанс Запада».

«Смещение Литвинова означало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии», — считал У Черчилль. Однако точка в этом вопросе еще не была поставлена, на смену «прозападному идеализму» Литвинова была поставлена «реалполитик» Молотова.

«Отставка Литвинова вызвала на Западе волну предположений о том, что теперь Советский Союз вполне мог заняться улучшением отношений с Германией и вовсе отойти от коллективной безопасности». Действительно, уже 5 мая Шнурре докладывал: «Астахов коснулся смещения Литвинова и попытался, не задавая прямых вопросов, узнать, приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза». С другой стороны, после отставки Литвинова «Гитлер впервые за шесть лет своего правления изъявил желание выслушать своих экспертов по России». Из их доклада Гитлер узнал много для себя нового, в частности — что СССР уже не придерживается политики мировой революции. Интерес Гитлера к России усиливался. Посмотрев документальный фильм о советских военных парадах, фюрер воскликнул: «Я совершенно не знал, что Сталин — такая симпатичная и сильная личность». Немецким дипломатам была дана команда и дальше зондировать возможности сближения с СССР.

В этом проблем не было. Шуленбург, по словам того же У. Ширера, последовательно выступал за сближение Германии с Советской Россией; во всех его донесениях за 1939 г. проглядывает искреннее стремление восстановить отношения, существовавшие во времена Веймарской республики.

Но, как и многие другие дипломаты старой школы, он плохо знал Гитлера. Примечательно, что и предыдущие немецкие послы в СССР придерживались подобных настроений. Об этом свидетельствует, например, письмо Молотову брата прежнего посла в России Ранцау: «Мой брат близнец посол граф Ранцау... понимая, что в любой момент может наступить его внезапная кончина, просил меня в свой смертный час передать Вам...», что «его последней и твердой надеждой была надежда, что немецкий и русский народы могут достичь желаемой для них цели».

* * *

Возобновление контактов между Берлином и Москвой не осталось незамеченным. 7 мая французский посол Кулондр информировал свой МИД, что Германия ищет контакта с Россией, в результате которого, помимо всего прочего, может произойти четвертый раздел Польши. Аналогичная информация достигла и Британии, но Галифакс не придал ей значения. Он считал, что «не стоит испытывать особого доверия к таким сообщениям, которые, вполне возможно, распространяются людьми, желающими подтолкнуть нас к пакту с Россией».

Встречи советских и германских представителей стали более частыми. 17 мая Шнурре докладывал: «Астахов подробно объяснил, что в вопросах международной политики между Советской Россией и Германией нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами». Были опасения нападения со стороны Германии, но если вернуться к политике времен Рапалльского договора, то все можно поправить. Что касается переговоров с Западом, то «при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты». Шнурре в ответ ска-

зал Астахову, что собирается в Москву для обсуждения торговых отношений.

Однако неожиданно возникли проблемы. Москва опасалась повторения литвиновского этапа взаимоотношений с Германией, когда Гитлер использовал торговые переговоры с СССР для давления на Запад. 20 мая Молотов на встрече с Шуленбургом заявил, что у него складывается впечатление, что Германия, вместо того чтобы вести серьезные экономические переговоры, предпочитает играть с Советским Союзом в какие-то игры. На бурные протесты Шуленбурга Молотов указал, что для успеха экономических переговоров должны быть соответствующие политические основания. Когда Шуленбург спросил, что Молотов имеет в виду, нарком предпочел уйти от конкретного ответа.

Именно в тот момент, когда Молотов не очень-то спешил с ответом на очевидные германские заигрывания, интерес к улучшению отношений с Берлином стали проявлять британцы. 18 мая Галифакс вызвал к себе посла Г. фон Дирксена. Министр спросил, нельзя ли убедить Гитлера сделать публичное заявление, осуждающее применение силы, и склонить его к мирным переговорам. Убедить не удалось, и 8 июня Галифакс сделал на заседании палаты лордов свое собственное заявление, в котором указал на возможность начала переговоров, если Гитлер не будет прибегать к силе или к угрозам применения силы.

Свое молчание на зондаж Галифакса Гитлер объяснил на совещании 23 мая. На нем фюрер заявил, что экономические проблемы «80-миллионной массы» немецкого народа нельзя решить «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества». В ответ военные указали, что в случае одновременной войны с Великобританией, Францией и СССР Германия проиграет. Однако Гитлер был непреклонен. Решение уже принято: напасть на Польшу при первом удобном случае. «Мы не можем ожидать, что собы-

тия начнут разворачиваться так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. От успешной изоляции Польши зависит успех всего». Однако, по убеждению германского МИДа, сделать это было не просто.

27 мая Вайцзекер писал Шуленбургу, что по мнению, циркулирующему в Берлине, англо-русские переговоры «не так легко будет сорвать», и Германия опасается решительно вмешиваться, чтобы не вызвать «раскатов татарского хохота» в Москве. Помимо того, статс-секретарь сообщил, что как Япония, так и Италия холодно отнеслись к планируемому сближению Германии с Москвой... «Таким образом,— писал он в заключение,— мы хотим выждать и посмотреть, насколько Москва и Лондон с Парижем свяжут себя взаимными обязательствами».

На очередной встрече с Молотовым 28 июня Шуленбург открыто заявил, «что германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР». Я действую, добавил Шуленбург, по инструкциям Риббентропа, одобренным Гитлером. «Нельзя, — ответил Молотов, — никому запретить мечтать, что, должно быть, и в Германии есть люди, склонные к мечтаниям». И добавил, что у посла не должно остаться сомнений относительно советской позиции. «Советский Союз стоял и стоит за улучшение отношений или, по крайней мере, за нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с Германией».

Реакция Гитлера последовала на следующий день: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимость от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений в том их виде, как они были сформулированы в январе. Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией». Вместе с этим Шуленбургу

был дан последний шанс для решения проблемы на встрече с Потемкиным. Посол сделал все от него зависящее и даже позволил себе обронить, что Германия могла бы способствовать улучшению советских отношений с Японией. Однако, с точки зрения Шуленбурга, встреча оказалась малоэффективной. Больше того, он нарушил новые инструкции Риббентропа не поднимать политических вопросов. В итоге Вайцзекер дал послу новые инструкции — на текущий момент «мы не должны подавать поводов к дальнейшим переговорам».

Однако уже 14 июля один из членов команды Риббентропа встретился с Астаховым, чтобы возобновить обхаживания. Шнурре предложил трехступенчатую схему улучшения экономических, культурных и политических отношений. Наконец 16 июля Шнурре донял Астахова: «Скажите, каких доказательств вы хотите? Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии». Ответ последовал 18 июля, когда торгпред СССР в Берлине обратился к Ю. Шнурре с подробным меморандумом о торговом соглашении и сообщил, что если разногласия между сторонами будут улажены, то он уполномочен подписать соглашение. Шнуре был доволен, он писал в отчете: «Такой договор неизбежно окажет влияние по крайней мере на Польшу и Англию». 22 июля в советской прессе было опубликовано сообщение о возобновлении советско-германских торговых переговоров.

В то время, как английские и французские военные миссии ждали парохода на Ленинград, 2 августа с Астаховым захотел встретиться сам Риббентроп. Министр заявил: «Ваша страна производит много сырья, в котором нуждается Германия. Мы же производим много ценных изделий, в которых нуждаетесь вы». Развивая тему, он заметил, что заключение экономического соглашения могло бы стать началом улучшения политических отношений. Нет причин для

вражды между двумя нашими народами, говорил Риббентроп, если они еще согласятся не вмешиваться во внутренние дела друг друга. На следующий день Риббентроп лично известил Шуленбурга, что он готов к переговорам с Россией, «если Советское правительство сообщит мне…, что оно также стремится к установлению германо-русских отношений на новой основе».

4 августа Шуленбург встретился с Молотовым. Нарком спросил, чем вызвано столь внезапное изменение отношений Германии к СССР. Шуленбург ответил «[Я] не имею намерения оправдывать прошлую политику Германии, [я] только желаю найти путь для улучшения отношений в будущем». Ответ понравился. По итогам встречи Шуленбург информировал Берлин: «Из всего отношения Молотова было видно, что советское руководство постепенно привыкает к мысли об улучшении германо-советских отношений, хотя застарелое недоверие к Германии сохраняется. Мое общее впечатление таково, что в настоящий момент советское правительство полно решимости заключить соглашение с Британией и Францией, если те выполнят все их требования. Однако переговоры эти могут длиться неопределенно долго, в особенности если учесть настороженность Британии. Я полагаю, что мои заявления произвели впечатление на Молотова; тем не менее потребуются еще значительные усилия с нашей стороны, чтобы вызвать поворот в курсе советского руководства». Шуленбург продолжал: «Мы по крайней мере… дали Советам пищу для размышлений». Однако в «каждом слове, на каждом шагу чувствуется огромное недоверие к нам...»

10 августа Шнурре перешел к делу. В отчете о встрече Астахов писал: «Германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме. Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет и польские провокации будут про-

должаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция советского правительства».

12 августа Астахов ответил Шнурре, что Молотов готов приступить к обсуждению предложенных вопросов, в том числе и о Польше. «Основной упор в инструкциях Молотова, — отмечал Шнурре в своем отчете, — был сделан на слове «постепенно»... Обсуждения должны проходить постепенно». Астахов в отчете о той же встрече в Москву сообщал, что немцы хотели от нас только «обещания невмешательства в конфликт с Польшей». Астахов предупреждал, что война с Польшей уже на пороге. 13 августа Шнурре вновь обратился к Астахову с еще более откровенным посланием: «События идут очень быстрым темпом и терять время нельзя». Советскому Союзу следует решить, кто он Германии — союзник или противник.

15 августа Шуленбург зачитал Молотову послание Риббентропа, настаивающего на срочном сближении двух стран, и сообщил, что последний готов немедленно прибыть в Москву для урегулирования советско-германских отношений. Однако нарком продолжал тянуть время: он заявил, что такой шаг «требует соответствующей подготовки, чтобы обмен мнениями оказался результативным». Одновременно Молотов спросил, не заинтересует ли Германию пакт о ненападении между двумя странами, не сможет ли Германия использовать свое влияние для улучшения советско-японских отношений. В те же дни Астахов телеграфировал из Берлина: «Ситуация столь напряжена, что возможность мировой войны не исключена. Все это должно решиться в течение максимум трех недель».

Официальный ответ Советского правительства был передан Молотовым Шуленбургу 17 августа. В нем после ссылки на многолетнее враждебное отношение нацистского пра-

вительства к России говорилось: «Тем не менее, если правительство Германии готово отойти от прежней политики..., Советское правительство... со своей стороны готово пересмотреть свою политику в отношении Германии в плане ее серьезного улучшения». Относительно визита Риббентропа Молотов заявил, что «визит такого известного политического и государственного деятеля свидетельствует о серьезности намерений правительства Германии», и добавил, что это заметно отличается «от линии поведения» Англии, которая прислала в Москву второстепенное лицо. Тем не менее, по словам Молотова, визит министра иностранных дел Германии требует тщательной подготовки.

18 августа Риббентроп отдал распоряжение Шуленбургу «немедленно добиться второй встречи с Молотовым и сделать все, чтобы эта встреча состоялась без задержки»... «Я прошу вас сообщить господину Молотову следующее: при нормальных обстоятельствах мы, конечно, тоже были бы готовы добиваться улучшения германо-русских отношений через дипломатические каналы и делать это традиционным путем. Но в сложившейся ситуации, по мнению фюрера, необходимо использовать другие методы, способные привести к быстрому результату...» «Настаивайте, в духе предыдущих заявлений, на скорейшем осуществлении моей поездки... В этой связи вы должны иметь в виду главенствующий факт, что вероятно скорое начало открытого германо-польского конфликта...»

Вопрос решился 19 августа, хотя еще на дневной встрече Молотов заявил, что в настоящее время невозможно даже приблизительно определить дату визита, поскольку к нему нужно тщательно подготовиться. Прежде, по словам Молотова, необходимо подписать экономическое соглашение, а затем настанет очередь и пакта о ненападении. Однако не «прошло и получаса после окончания беседы», как Молотов

пригласил Шуленбурга снова. Молотов передал удивленному послу проект пакта о ненападении и сказал, что Риббентроп может приехать в Москву 26—27 августа, если экономическое соглашение будет подписано на следующий день. Внезапное изменения позиции наркома Шуленбург объяснил вмешательством Сталина.

Но Гитлера уже не устраивали и эти сроки: он просил принять Риббентропа 22 августа. 21 августа ТАСС объявил о подписании советско-германского торгового соглашения; 22 августа в Москве ожидали Риббентропа, чтобы на следующий же день подписать пакт о ненападении. Согласно пакту СССР и Германия брали на себя обязательства воздерживаться от нападения друг на друга, разрешать споры мирными средствами и соблюдать нейтралитет, если одна сторона будет вовлечена в военные действия. Как отмечает М. Карлей: «Все были просто «поражены» тем фактом, что советское руководство позволило себе заключить договор с Германией, в то время как английская и французская делегации находились в Москве...» «Англичан и французов годами предупреждали об опасности германо-советского сближения. Литвинов, например, делал это постоянно. А также Альфан, Кулондр, Наджиар и Пайяр... «Сколько раз я говорил об этом! — вспоминал Альфан. — Договоритесь с СССР (о взаимопомощи), иначе русские договорятся с немцами»». В апреле 1935 г. Буллит писал Рузвельту, что советские власти угрожают германской картой, если французы не станут более активно выступать против нацистов. Однако, как отмечал Д. Данн: «Советская угроза заключить временное соглашение с нацистской Германией была неубедительной — западные политики были уверены..., что в силу идеологического антагонизма между нацизмом и коммунизмом союз Москвы и Берлина очень маловероятен, если вообще возможен». Действительно, выбирая будущих партнеров, Гитлер в конце 1932 г., остановился на Англии и Франции, поскольку,

по его мнению, «договоры могут заключаться только между партнерами, стоящими на одной мировоззренческой платформе... Политическое сотрудничество Германии с Россией неприятно задевает остальной мир».

* * *

История пакта получила свое развитие год спустя — в ноябре 1940 г., когда уже полным ходом шла война с Англией. В эти дни Гитлер предложил Сталину разграничить «сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов». Предложение, подготовленное Риббентропом, было весьма общим и отдавало СССР направление к югу от СССР в направлении Индийского океана, а также предполагало пересмотр режима Проливов, по сути, возвращая его к русско-турецким договорам 1799—1805 гг.

Ответ СССР включал следующие требования: демилитаризация Финляндии, при гарантии сохранения ее целостности и мирных отношений; в целях обеспечения безопасности в Проливах — заключение пакта взаимопомощи с Болгарией, организацию военно-морской базы на правах долгосрочной аренды в районе Босфора и Дарданелл; предоставление сферы интересов к югу от Батума и Баку в направлении к Персидскому заливу; отказ Японии от концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине. Проект советской декларации был подчеркнуто мягок к Великобритании и указывал на необходимость сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий), в частности был вычеркнут пункт об Индии. По словам Сталина: «Мы боимся, что контрагенты могут воспринять пункт об Индии как каверзу, имеющую возможность разжечь войну». Декларация соответствовала заявлениям

Гитлера, что он не намерен разрушать Британскую империю, а только хочет избавить Европу от ее влияния.

По мнению В. Молодякова, визит Молотова в Берлин для обсуждения данного круга вопросов был шагом на пути дальнейшего сближения Гитлера и Сталина. Молодяков настаивает на том, что Сталин принял предложения Гитлера или, по крайней мере, продемонстрировал готовность к диалогу. В свою очередь, Г. Куманев утверждает, что Сталин не сомневался в агрессивных намерениях Германии. В подтверждение своих слов Г. Куманев приводит цитату из инструкции, данной Молотову, в которой Сталин указывал: «Ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...»

На практике визит Молотова означал, что Сталин любой ценой старался избежать войны или, по крайней мере, на как можно больший срок оттянуть ее. Мир с Гитлером! Чудовищно! А как же Польша? А Франция? А другие страны Европы, стонущие под пятой нацизма!? А что эти страны сделали, для того чтобы противостоять ему, чем пожертвовали?! Пускали ли они Россию в свои семейные европейские дела?! Стоил ли мир пускай и с Гитлером новой мировой войны?! Новых десятков миллионов жертв?! Причем жертв со стороны Советской России, которая теперь ценой огромной крови и страданий своего народа должна была принести свободу проклинавшей ее Европе? Очевидно, эти мысли возникали в голове Сталина.

Сталин, как и Черчилль, помнил уроки Первой мировой. У Черчилль, при громадном превосходстве союзников в начале 1916 г., откровенно паниковал: «Я очень сомневаюсь в конечном результате. Больше, чем прежде, я осознаю громадность стоящей перед нами задачи, и неумность способа ведения наших дел приводит меня в отчаяние... Нашу армию нельзя сравнить с их (немецкой) армией... Мы — дети

в этой игре по сравнению с ними». После прихода Гитлера к власти в начале 1933 г. У Черчилль снова впадал в панику, утверждая, что говоря о немцах как об «одной из наиболее талантливых, просвещенных, передовых в научном отношении и мощных наций в мире, мы не можем скрыть чувства страха».

При этом передовая Англия не испытала и десятой доли того, что пришлось на долю отсталой России во время Первой мировой. А теперь к этой памяти добавились свежие уроки поверженных Чехословакии, Польши, Франции... Так, Р. Джексон, главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе, назвал советско-германский пакт «предательским миром» и тут же оправдал Мюнхен, и последующее бездействие Англии и Франции тем, что «Запад был охвачен ужасом... он страшился войны». Бездействие США, отделенных от Европы океаном, также, очевидно, диктовалось страхом войны. У Советской же России, надо полагать, чувство страха должно было быть атрофировано. Впрочем, Гитлер был видимо другого мнения. Геббельс в конце 1940 г. записал слова фюрера: «Россия ничего не предпримет против нас — из страха». Именно в страхе А. Некрич находит главную причину сближения Сталина с Гитлером: «В середине июня 1939 г. Сталин решил заговорить с немцами более определенно. Два обстоятельства подталкивают его: кровавые бои с японской армией на границе с Монголией и гипнотический страх перед войной на два фронта — на Дальнем Востоке и на Западе». Сталин испугался! Но точно так же, из страха, Париж и Лондон пальцем не пошевелили, когда германская армия громила Чехословакию и Польшу.

Запросы Сталина в вопросах о Болгарии, Буковине, Финляндии, проливах и Персидском заливе по видимому отражали стремление перестраховаться в случае, если мир все же удастся сохранить, даже ценой германского доминирования в Европе. Чем бы ни были предложения советской

стороны, они не сильно отличались от аналогичных британских и французских, которые неоднократно делались Гитлеру. ***Но демократии вне подозрений...***

Однако шансы на мир были ничтожны, и Сталин надеялся по возможности только оттянуть войну. Так, например, 6 марта 1939 г. Файрбрейс сообщал в Лондон, что «Красная Армия считает войну неизбежной и наверняка напряженно к ней готовится». Астахов за две недели до подписания пакта отмечал в своем послании Молотову, что не верит в то, что Германия будет долго придерживаться этих соглашений; любое взаимопонимание можно было планировать только на ближайшее будущее, «чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей». «Нью Йорк таймс» спустя несколько дней после пакта утверждала, что пакту суждена недолгая жизнь, что Гитлеру нельзя доверять, и что Германия обязательно нападет на СССР. Сам Сталин после подписания пакта заявлял: «Нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии... Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена»... «Какой был смысл разглагольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его «Майн кампф»? Разумеется, нет». Не случайно на этой же самой сессии Верховного Совета, на которой был одобрен пакт, был принят и закон о всеобщей воинской повинности, который заменил прежний закон об обязательной военной службе. Спустя год, 15 ноября, Сталин заявлял: договорам с Гитлером верить нельзя, благодаря пакту о ненападении ***«мы уже выиграли больше года для подготовки решительной и смертельной борьбы с гитлеризмом».***

Что касается Германии, то она, по мнению А. Сиполса, не имела «в виду заключать военный союз с СССР; предложения делались исходя из целей дезинформации и осложнения отношений между СССР и Англией, путем организации утечек о переговорах...» Очевидно и стремление Гитлера отвлечь внимание Сталина от Европы. С аналогичным призывом четверть века назад обращался к Николаю II Вильгельм II; не найдя понимания в данном вопросе, германский кайзер пошел на его силовое решение. Аналогично в 1940 г. поступил Гитлер. Получив ответ из Москвы, он отдал приказ о подготовке к войне против СССР. 5 декабря Гальдер представил Гитлеру операционный план войны против России. 18 декабря фюрер подписал Директиву № 21 (план «Барбаросса»).

Оценка Пакта Молотова — Риббентропа Западом

Против

> Липкая оболочка мошенничества и обмана... обволакивает этот германо-советский пакт о ненападении.
>
> *Биркенхед*

Говоря об оценках пакта западными историками, М. Карлей отмечал, что большинство из них до сих пор осуждает за пакт с Гитлером только Советский Союз. Их мнение сводится к тому, что «Сталин, красный царь, будучи вероломным по своей натуре, обманывал французов и англичан, одновременно договариваясь по секрету с немцами». У. Ширер: «По части неприкрытого цинизма нацистский диктатор в лице советского деспота нашел равного себе. Теперь они вдвоем

могли расставить все точки над i в одной из самых грязных сделок нашей эпохи». Обобщая эти мнения, Р. Иванов указывает, что «... все антисоветские публикации подчеркивали персональную ответственность Сталина за активизировавшуюся агрессивную внешнюю политику Германии. После подписания советско-германского пакта эта линия стала лейтмотивом всей политики и пропаганды демократических стран Европы и Америки». Позже к ним присоединились и российские либерально настроенные историки; так, Геллер и Некрич заявляли: «Советский Союз, подписав договор с Германией, открыл дорогу войне».

«История заключения нацистско-советского пакта о ненападении, — в этой связи отмечает М. Карлей, — давно уже обросла всякого рода слухами и легендами. Началось это еще летом 1939 года, когда французы и англичане сами устраивали «утечки» информации в прессу, чтобы подготовить общественное мнение к возможному провалу переговоров и возложить вину за это на Советский Союз. Согласно этим легендам Советы сами искали возможности заключения этого пакта, для чего тайно и вероломно «сговорились» с нацистами. А во время переговоров 1939 года Молотов нарочно изводил англичан и французов все новыми требованиями, чтобы дать немцам возможность решить. Советское требование о правах прохода представляется как «большой сюрприз» на переговорах в Москве. А Вторую мировую войну «обусловил» именно пакт о ненападении».

Зачем же нужна была Сталину Вторая мировая война? Приговор «Запада» однозначен и единодушен. Подписывая договор с Гитлером, Сталин преследовал свои цели: мировая война приведет к победе мировой революции, принесенной на штыках победоносной Красной Армии, сокрушившей ослабший в войне с Западом германский фашизм. А. Некрич назвал этот план «доктриной Сталина», согласно которой война неизбежна, и миссия Советского Сою-

за состоит в том, чтобы появиться в решающий момент и «выступить, но выступить последним... чтобы бросить решающую гирю на чашу весов, гирю, которая могла бы перевесить». После заключения Пакта один из сотрудников французского посольства в Москве сказал по этому поводу: «Не устаешь убеждаться, что советское руководство всегда готово отказаться от своих идеологических установок ради реалий жизни... и ненависть к фашизму, создание защиты от агрессоров для них не цели, а средства». Советская политика «не зависела от каких-либо моральных установок»; она целиком исходила «из кодекса Макиавелли в его чистейшей форме».

Заместитель начальника французского генштаба Кольсон заговорил об этом сразу после Мюнхена: «Россия продемонстрировала, несмотря на громкие заявления Литвинова в его речи... в Женеве, как свою неспособность, так и нежелание ввязываться в конфликт, который может подвергнуть ее политический режим мощным ударам германской армии. СССР, являясь в целом азиатской державой, может вмешаться в европейский конфликт только тогда, когда увидит возможность распространить свою... идеологию на руины цивилизации, ослабленной войной». М. Гоше из французской разведки «был убежден, что демократиям нечего ждать от военного взаимодействия с Россией. Теперь, как и всегда, в интересах Сталина было, чтобы демократии и тоталитарные государства сами перерезали друг другу глотки, что вымостило бы дорогу большевизму и наилучшим образом защитило бы русские территории; он больше не был заинтересован в том, чтобы демократии сокрушили тоталитаризм или наоборот».

В Лондоне придерживались аналогичного мнения. Так, один из документов Форин Оффис, указывал, что цель Советов — «поддерживать баланс между противниками в Интересах большевизации Европы, с как можно меньшими по-

терями для себя, пока обе стороны не истощат своих сил». При этом высокопоставленный чиновник данного учреждения Р. Липер винил во всем Гитлера: «Именно он... дал возможность Сталину захватить более сильные позиции для распространения большевистского вируса по Европе уже в начале войны, теперь ему не нужно ждать даже ее конца, когда европейские нации истощат друг друга в смертельной борьбе». Чемберлен писал сестре: «Я все не могу избавиться от подозрения, что больше всего они (русские) жаждут увидеть, как «капиталистические» державы разорвут друг друга в клочья, в то время как они будут стоять и смотреть». «В конечном счете, — говорил Сарджент, — главный принцип большевизма — коммунистическая экспансия». «Я в целом разделяю это мнение», — присоединялся Галифакс.

Единство Запада в данном вопросе подчеркивало мнение американского посла в России С. Штейнгардта: «Москва вступила в альянс, чтобы создать условия для полномасштабной войны Германии с Англией и Францией и таким образом добиться своих целей по сохранению и укреплению собственной страны, вначале оставаясь вне войны и занимая новые территории, а затем выступив против Германии с целью распространения коммунизма». Бывший американский посол в России Буллит также полагал, что война в Европе была главной задачей Кремля. Здесь в планах Москвы было вызвать войну между Германией и Францией, вначале избежать собственного участия, а затем, когда силы европейцев будут истощены, и когда Советский Союз укрепит свои, «осуществить успешное вступление в эту войну, и... защитить и укрепить коммунистическое правительство, которое может прийти к власти в ходе войны и последующей революции в любом государстве Европы».

В итоге авторы «Черной книги коммунизма», отстаивающие либерал-демократические ценности, провозглашают: «Помимо вопроса о прямой ответственности коммунистов, стоявших у власти, возникает вопрос и о пособничестве».

За

> Если бы, например, по получении русского предложения, Чемберлен ответил: «Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею» — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути. Вместо этого длилось молчание... Для безопасности России требовалась совершенно иная внешняя политика... Россия должна была позаботиться о себе.
>
> *У. Черчилль*

«В Лондоне и Париже горько сокрушались по поводу двойной игры Сталина. Многие годы советский деспот кричал о «фашистских зверях», призывая все миролюбивые государства сплотиться, чтобы остановить нацистскую агрессию. Теперь он сам становился ее пособником. В Кремле могли возразить, замечал У. Ширер, что, собственно, и сделали: Советский Союз сделал то, что Англия и Франция сделали год назад в Мюнхене — за счет маленького государства купили себе мирную передышку, необходимую на перевооружение, чтобы противостоять Германии. Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?» Аналогичную мысль высказывает М. Карлей: «Советское правительство, все время порицавшее Францию и Британию за «умиротворенчество», теперь взяло на вооружение ту же самую политику и по тем же причинам. И если уж «ревизионисты» так горячо ратуют за англо-французскую политику умиротворения, то почему бы им не сделать того же в отношении ее советского эквивалента?» Примечательно, что главный обвинитель от Великобритании Х. Шо-

укросс на Нюрнбергском процессе заявил: «Нацисты перешли от подготовки к агрессии непосредственно к самой активной агрессии» в начале февраля 1938 г.. Т.е. с аншлюса Австрии и захвата Чехословакии, которые были осуществлены с молчаливого согласия, а потом и признания Англии, Франции и США.

После войны, отмечает М. Карлей, Даладье «обвинил французских коммунистов в предательстве за то, что они поддержали пакт; но сам он несет не меньшую ответственность за то, что случилось в августе 1939 года... Точно так же, как Чемберлен, в особенности Чемберлен. Англо-французская беззаботность при подготовке переговоров в Москве просто невероятна, если не допустить, что она явилась отражением антисоветской настроенности, нежелания лишаться последней надежды договориться с Гитлером и, в случае Франции, недостатком решительности, который и заставил ее следовать за англичанами... Если не считать творцов англо-французской политики — Чемберлена, Галифакса, Даладье, Боннэ — дураками, каковыми они определенно не были, то их политику в отношении Советского Союза в 1939 году следует считать не грубым промахом, а скорее слишком хитроумным риском, который не оправдался».

«В основном западное общественное мнение возлагало вину за пакт с нацистской Германией на Советский Союз, — пишет М. Карлей. — Однако сами британские дипломаты вовсе не были так уверены в этом». Один их клерков Форин Оффис так просуммировал сложившуюся ситуацию: ***«Наша политика в отношении Советского Союза была по сути своей аморальна, навязана нам необходимостью, и чем меньше мы будем говорить о ней, тем лучше».*** Когда Л. Фишер, известный американский журналист и историк, попросил у Галифакса эксклюзивной информации

для статьи, осуждавшей советскую политику, Галифакс отказал, считая, что «не так уж невероятно, что эти материалы заставят краснеть нас самих...»

А. Тэйлор, по словам М. Карлея, удачно подметил, что отрицательное отношение Запада к нацистско-советскому пакту о ненападении «родилось из мнений политиков, которые ездили в Мюнхен... Русские, на самом деле, осуществили то, чего надеялись добиться государственные мужи Запада; горечь Запада по этому поводу была горечью разочарования, смешанной со злостью, по поводу того, что исповедание коммунистами коммунизма оказалось не более искренним, чем исповедание ими самими демократии». Сейчас «мы располагаем существенной частью тех архивных записей, и они, — отмечает М. Карлей, — подтверждают многие из предположений Тэйлора».

Навряд ли кто будет сомневаться в антикоммунистических взглядах У. Черчилля, но в этот раз он был явно на стороне Кремля. Как всегда он был оригинален, на этот раз встав на защиту *«ленинских норм»:* «Подписание секретного протокола было, конечно, отступлением от ленинских норм внешней политики социалистического государства, международного права и морали, и подлежит осуждению. Советская страна опустилась до уровня тайной дипломатии, действовала методами империалистических держав (т.е. в первую очередь Англии, Франции и США. — *В.Г.).* Но договор потому и был подписан, что он диктовался жизненно важными интересами безопасности СССР, позволял лучше подготовиться к неизбежной схватке с фашизмом». «Невозможно сказать, кому он [пакт] внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, *продиктованной обстоятельствами.* Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без со-

мнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав». У. Черчилль подчеркивал: «Если их (русских) политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной», международные события августа 1939 г. «знаменовали всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет».

Историки Робертс и Сиполс считают, что советское движение к пакту о ненападении было просто результатом неопределенности положения и пассивности. Однако неизменным в их аргументации остается положение, что нацистско-советский пакт явился результатом провала англо-франко-советских переговоров. Ванситтарт: «Мы никогда не оказывали им нашего доверия, не стремились установить с ними близкого контакта; именно этот факт и объясняет развитие изоляционизма, который набирает силу в России». М. Карлей: «Советский Союз не мог отказаться от пакта о ненападении с нацистской Германией, когда французское и британское правительства отвергали «всеобъемлющий» альянс, а Польша просто до самого конца плевала на предложения о советской помощи».

По мнению У Манчестера, война была крайне невыгодна Советскому Союзу, который только что встал на ноги: «Не знаю, какой степенью наивности надо обладать (если не сказать большего), чтобы обвинять И. Сталина, этого прагматика до «мозга костей», в желании войны с Германией». «Россия нуждалась в мире, каждый знал это, но (западные) демократии проявили нечувствительность». По мнению А. Тэйлора: «Советская Россия стремилась не к захватам, а к безопасности в Европе. Объяснение этого очевидно. Советские государственные деятели... не доверяли Гитлеру. Для них союз с западными державами представлялся бо-

гов

лее безопасным делом... Советское правительство повернулось в сторону Германии только тогда, когда удостоверилось, что заключение этого союза невозможно». Русские историки, активные критики сталинизма эпохи перестройки, Р. Медведев и Д. Волкогонов, тем не менее также пришли к выводу, что Запад не оставил советскому правительству иного выбора, кроме как заключить пакт о ненападении с Гитлером. Известный историк и публицист А. Верт, рассуждая о «пакте», безоговорочно утверждал, что «у русских не было другого выбора».

«Если Москва сблизится с Берлином, — писал бывший американский посол в СССР Дэвис Рузвельту, — она пойдет на это, только исходя из своих потребностей по безопасности, а также из-за нежелания англичан и французов считаться с Советским Союзом... Советские товарищи, утверждал Дэвис, это честные люди, которых англичане и французы безрассудно изолировали... После перевода в Брюссель в апреле 1939 г. Дэвис даже предложил, чтобы его послали обратно в СССР со специальным заданием по подготовке российско-британского соглашения о ненападении».

В начале 1980-х «Гардиан» писала: «Из опубликованных документов 1939 года ясно, что Вторая мировая война не началась бы в этом году, если бы правительство Чемберлена прислушалось к совету русских. Союз между Англией, Францией и СССР предотвратил бы войну, ибо Гитлер не мог тогда решиться на конфликт с великими державами на двух фронтах». Почему же все-таки тогда не состоялся такой союз? Газета отвечает так: «Англия могла бы иметь приемлемый союз с Россией, если бы Чемберлен и его министры хотели этого. Россия нуждалась в союзе и хотела его. Англия нуждалась, но не хотела»».

Альтернативы

> Мы обхаживали Сталина, говоря ему о чести, справедливости, свободе. Он ответил, что не хочет «таскать каштаны из огня» ради нашей выгоды. Германия говорила ему о войне, разделе территорий, революции: это язык, который он понимал.
>
> *А. Фабре-Люс, французский журналист*

А что было бы, если бы Сталин не заключил пакта с Германией? Помогло бы это избежать мировой войны или хотя бы уменьшить ее последствия?

К этим вопросам историки обращались неоднократно. Так, например, М. Семиряга склонялся к мысли, что «без пакта о ненападении с СССР Германия в это время вероятнее всего не рискнула бы напасть на Польшу». А. Некрич категоричен: Сталин «оказался недостаточно смелым и проницательным, чтобы остаться в августе 1939 года «вне игры», то есть не заключать соглашений ни с одной из сторон». МИД Франции в 1939 г. шел еще дальше: он считал, что даже сам факт заключения англо-франко-советского *политического* соглашения напугает Гитлера. В ответ французский посол в Москве Наджиар замечал: «Это ребяческая идея устрашить Гитлера пустыми словами, без каких-либо более веских доводов, которые могут заставить его задуматься: например, согласие Польши на военное сотрудничество с Россией».

Действительно, от решения СССР принципиально ничего не зависело, представители нацистской Германии не раз высказывали намерение в любом случае разгромить и ликвидировать Польское государство. Так, заведующий восточным отделом МИД Германии летом 1939 г. заявлял: «Фюрер не позволит, чтобы исход англо-франко-русских перегово-

ров о пакте оказал влияние на его волю в деле радикального разрешения польского вопроса. Германо-польский конфликт будет разрешен Берлином при условии как успешного, так и безуспешного исхода переговоров о пакте». Сам Гитлер объяснял нападение на Польшу неизбежными, объективными, не зависящими от него обстоятельствами: «Решение принять очень легко. Нам нечего терять; мы можем только выиграть. Наше экономическое положение таково, что мы сможем продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. У нас нет выбора, мы должны действовать...» 23 мая 1939 г. на совещании с военными Гитлер заявил, что решение экономических проблем Германии не может быть достигнуто без вторжения на территорию иностранных государств.

С другой стороны, договор мог возникнуть де-факто в случае вступления СССР в войну после нападения Германии на Польшу. Эту версию активно проталкивает в своих книгах Суворов (Резун). В ответ В. Грызун замечает, что Суворов требует, «чтобы Советский Союз, не дававший Польше никаких гарантий, не заключавший с ней никаких союзов и договоров и ровным счетом *ничем Польше не обязанный, выполнил работу Англии и Франции, которые... дали Польше свои гарантии... а затем — кинули ее...*» Но перед угрозой войны речь не идет о каких-то счетах. Если бы вмешательство Советского Союза смогло остановить войну, отсутствие договоров и гарантий не имело бы никакого значения. Но мог ли СССР в одиночку, малой кровью, остановить лучшую армию мира?...

Правда, у России были два вероятных союзника: Англия и Франция. У. Ширер в этой связи указывал, что в 1939 г. в Европе уже потенциально существовал «второй фронт», открытия которого впоследствии так настойчиво добивался Сталин, в лице польской, французской армии и английского экспедиционного корпуса. Но мог ли в тех условиях

СССР полагаться на *потенцию* Англии, Франции и Польши? В этом случае сразу возникал вопрос о их добросовестности, поскольку в противном случае союзники в лучшем случае превращались в зрителей, наблюдавших за смертельной схваткой Германии и России.

Даже если отстраниться от субъективного фактора — ярой антисоветской и русофобской позиции английского кабинета и судить только по объективным критериям, — Англия со своими десятью дивизиями физически не могла стать сколько-нибудь добросовестным союзником. Гитлер перед нападением на Польшу однозначно считал, что Англия не способна вести масштабную войну. В отличие от 1914 г., полагал фюрер, «Англия не позволит себе участвовать в войне, которая продлится годы... Это удел богатых стран... Даже у Англии сегодня нет денег, чтобы вести мировую войну. За что же воевать Англии? Ради союзника умирать никто не захочет... Англия и Франция в войну не вступят... Нет ничего, что может заставить их вступить в эту войну...»

По словам Р. Картье, Гитлер рассчитывал, что «Англия подвела итоги своего участия в Первой мировой войне, и баланс оказался далеко не утешительным. Она увидела, что работала для восстановления французского империализма. Англия обеднела. Она допустила Америку перегнать себя. Ее империя зашаталась. Она потеряла Ирландию. Она теряла Египет. Ей грозила потеря Индии. Новая война ускорила бы ее упадок и углубила бы зияющие трещины. Империя бы распалась. Южная Африка наверное, а Австралия и Канада вероятно отказались бы пуститься вслед за метрополией в новую авантюру, где им еще раз пришлось бы проливать свою кровь за чужие интересы. Америка — циничная, жадная, хищная — соберет обильную жатву. Англия это знает. Вот почему она не будет воевать, если только ее не принудят к этому. Доказательство этому Гитлер видел в ее ра-

зоружении. Для него, по складу его ума, разоружение было равносильно отречению. Он лучше, чем кто-либо знал состояние английского флота. Кроме двух линейных кораблей «Родней» и «Нельсон», уже не новых, у них не было крупных современных кораблей. Крейсера не были в достаточном числе и порядком изношены. Армия была сокращена до минимума. Авиация устарела. Что это все доказывало, как не то, что Англия решила оставаться нейтральной?» Мало того Лондон никогда и ни при каких условиях не вступил бы в войну ради России, тем более Советской.

* * *

Однако для Франции, в отличие от Англии, усиление Германии было вопросом жизни и смерти. Инстинкт самосохранения и довольно внушительный экономический потенциал могли заставить ее рано или поздно вступить в схватку с фашизмом. Что же представлял собой единственный серьезный потенциальный союзник Сталина — Франция?

Францию, на своей шкуре перенесшую Первую мировую войну, в отличие от Англии прежде всего интересовала не война, а мир. Профессор Ж. Бартелеми писал в то время: «В случае войны Франции придется отдать, как минимум 3 миллиона жизней — пожертвовать всей университетской, заводской, школьной молодежью». Генерал М. Вейган заявлял, что Франция не может позволить себе роскошь каждые 20—25 лет вновь переживать войну и терять миллионы людей, «так как это было бы физическим истреблением французского народа».

Первой лакмусовой бумажкой, характеризующей союзническую порядочность Франции, стал советско-французский договор 1935 г. По словам Наджиара, Советский Союз предложил четкие обязательства по договору, «на которые мы ответили расплывчатыми формулировками». Перего-

воры тянулись бесконечно. Дошло до того, что Потемкин обвинил Лаваля в лицемерии… будто Франция, заключая соглашение с Советским Союзом, приносит себя в жертву. В марте советское правительство фактически предъявило ультимативное требование завершить переговоры. Тогда же в марте Гитлер заявил о создании Люфтваффе и полумиллионной армии. Лаваль был вынужден согласиться, однако при этом чиновники французского внешнеполитического ведомства буквально выхолостили проект соглашения.

Несмотря на постоянное давление Литвинова, Франция ратифицировала договор только через год в марте 1936 г.. Но это было только политическое соглашение, теперь необходимо было подписать военное, без которого первое теряло смысл. Однако Франция не только не торопилась приступить к его обсуждению, а наоборот, в ответ на активность Литвинова и Тухачевского заблокировала советские заказы на военное оборудование. Как отмечает М. Карлей: «Оттяжки и лицемерие становились главными тактическими приемами в стремлении избежать штабных переговоров». Гамелен заявлял: «Нам нужно затягивать дело как можно дольше». Швайсгут подтверждал: «Нам следует не спешить, но и не создавать у русских впечатления, что мы дурачим их, что может привести к резкому развороту (т.е. к сближению с Германией)».

По словам М. Карлея: «Главным в политической повестке были «красная опасность» и «ненависть к социалистической революции»». Французская боязнь всего, что несло на себе советский отпечаток, достигла такой степени, что Biblioteque nationale, национальная библиотека в Париже, даже отказалась выставлять советские книги. Боннэ в январе 1939 г. заявлял: «Я тщательно изучил франко-советский пакт. И я открыл, что мы никак не связаны им. Нам нет нужды отказываться от него, потому, что он не принуждает нас автоматически присоединяться к России». В то время

«Матэн» на первой полосе призывала «Направьте герман-
скую экспансию на восток… и мы на западе сможем отдох-
нуть спокойно». «Для французского правительства, — отме-
чал в этой связи М. Карлей, — пакт о взаимопомощи был
просто страховым полисом от советско-германского сбли-
жения». Последний аргумент «Литвинов использовал вся-
кий раз, пытаясь повлиять на французское правительство...»
Кулондр по этому поводу предупреждал Париж: «...Если Со-
ветский Союз не будет с нами, он будет против нас».

Французы вернулись к соглашению только после, когда
Германия и Россия действительно подписали пакт. Но было
уже поздно. На телеграмму Боннэ воспользоваться статья-
ми франко-советского договора о взаимопомощи от 1935 г.
Наджиар смог лишь ответить: «Слегка поздновато». Сард¬
жент в то же время писал: «Русские уже несколько лет на-
стаивают на штабных переговорах как необходимом допол-
нении к франко-советскому пакту, от которых французы,
отнюдь не без нашего участия, всегда отказывались». Те-
перь Молотов поставил в этом деле точку. «Нечего было
держать нас за наивных дураков», — скажет он позднее».

Между тем во Франции «страх перед завтрашним
днем, — писал Суриц в ноябре 1937 г., — усиливается бу-
квально на глазах; Франция видела опасность буквально
повсюду и совсем потеряла голову». Ж. Камбон доходил
до утверждения, что «победоносной Франции пора привык-
нуть к тому, что она представляет собой меньшую силу, чем
Франция побежденная». Писатель Селин заявлял, что в слу-
чае войны: «Мы исчезнем, телесно и духовно, из этих кра-
ев, как галлы… От их языка не осталось и двадцати слов.
Нам повезет, если что-нибудь, кроме слова «merde» (дерь-
мо), переживет нас».

По поводу реакции французских правящих кругов на
Судетский кризис советский полпред писал: «Никто из них,
за исключением, может быть, одного Манделя, не чувство-

вал себя способным руководить современной войной. Ни у кого не было ни воли, ни энергии, ни хватки, ни размаха людей типа Клемансо и даже Пуанкаре. Мысль невольно цеплялась за всякий выход, который отсрочивал такое решение, который предоставлял какую-то передышку, хотя бы купленную ценой унижения...»

Действительно, второй лакмусовой бумажкой стали французские гарантии Чехословакии. В дни кризиса 1938 г. У. Черчилль отмечал, что Чехословакия на протяжении 20 лет была самым близким и самым верным союзником Франции. «Если в истории и имели место случаи, когда одна сторона обещала оградить другую своими вооруженными силами, всеми своими ресурсами, то это был как раз именно тот случай: Франция обещала сохранить границы Чехословакии всеми возможными средствами».

И несмотря на это, Франция сдала своего союзника. Типичные заголовки французских газет того времени гласили: «Нет вдов, нет сирот для чехов», «Почему нужно умирать за дело судетцев?», «Война, чтобы урегулировать чехословацкую проблему? Французы не желают этого». Требования расторгнуть союзнический договор с Чехословакией звучали как от ультраправых, так и от ультрапацифистов из социалистических партий.

Чехословаки однозначно восприняли поведение Франции как предательство. После Мюнхена глава французской военной миссии в Чехословакии генерал Л. Фоше писал Даладье: «Антифранцузские демонстрации снова имели место в Праге. Французский посланник говорит мне, что ему каждый день присылают ордена. Директор Французского института сказал мне, что будут распущены многие секции «Alliance francaise». Французские дипломы возвращают в институт... Я не могу забыть, к тому же, что однажды Вы сами... поручили мне заверить президента Бенеша, что нападение на Чехословакию немедленно приведет к выступ-

лению французских сил. Воспоминание об этой миссии не в малой мере содействовало моему решению просить Вас освободить меня от моих обязанностей».

Комментируя Мюнхенское соглашение, У Черчилль писал позднее: «Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть... Решение французского правительства покинуть на произвол судьбы своего верного союзника Чехословакию было печальной ошибкой... Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английское правительство не только дало свое согласие, но и толкало французское правительство на роковой путь».

С Францией теперь не считались не только чехи, но и Германия. Гитлер после Мюнхена презрительно «называл линию Мажино пограничной полосой народа, готовящегося к смерти». Когда же посол Франции попытался передать протест по поводу окончательного раздела Чехословакии, статс-секретарь фон Вайцзекер откровенно и заслуженно послал... посла Франции. В самой Франции после Мюнхена политика правительства сдвинулась резко вправо, был разогнан Народный фронт и запрещена компартия. 6 декабря 1938 г. Франция подписывает с Германией пакт о ненападении. Журналистка Ж. Табуи в то время передавала впечатления английского чиновника, ставшего на званом обеде свидетелем разговора двух французских генералов. Они обсуждали, не лучше ли для Франции быть захваченной Гитлером, чем стать победительницей благодаря армиям Сталина. «У нас подобные слова в устах военных руководителей были бы расценены как измена, но вокруг этого стола с ними согласились, что показалось мне зловещим предзнаменованием».

Лаваль еще в 1935 г. заявлял: «Мое германофильство... — это пацифизм французского народа; без улучшения отношений Франции с Германией мир не осуществим». В 1936 г.

Мандель утверждал, что «никто не решится предстать перед избирателями, как сторонник войны и защитник непримиримых позиций в отношении Германии... Выборы [в мае] должны пройти под знаком пацифизма». Советский посол, прибывший в Париж в 1938 г., был обескуражен: «Когда присматриваешься здесь к печати, больше чем наполовину захваченной фашистскими руками, к роли банков, трестов, реакционной военщины, когда наблюдаешь этот панический страх, смешанный с пиететом перед германской силой, немецкой «мощью», когда изо дня в день являешься свидетелем вечных оглядок, уступок, постепенной утраты своего собственного, самостоятельного лица во внешней политике, когда, наконец, видишь, как с каждым днем все больше и больше наглеет и подымает голову фашизм, то невольно возникают тревожные мысли и сомнения»....

Эти сомнения подтвердила германская агрессия против Польши, когда Франция и Англия, в очередной раз предали страну, которой дали свои гарантии. Когда настал черед самой Франции, как отмечал Кестлер: «Многие наблюдатели событий 1940 года удостоверились по собственному опыту: примерно сорок процентов французского населения было настроено либо откровенно прогерմански, либо вполне безразлично».

Отношение Франции к войне довольно красноречиво характеризует история с ее авиацией. Ж. Моне вспоминал: «...В области авиации наше отставание было реальным и угрожающим..., в то время, как Гитлер и Геринг гордо объявляли о рождении Люфтваффе... у них уже была тысяча истребителей-«мессершмиттов», превосходящих в скорости все французские и английские самолеты». Франция располагала всего 600 устаревшими боевыми самолетами. Даладье ехал в Мюнхен с уверенностью: «Немцы могут разбомбить Париж в любой момент». Когда же французы попытались заказать 1600 самолетов в США на сумму 85 млн. долл, сек-

ретарь казначейства США ответил, что французское «правительство не располагает внешними вкладами, которые позволили бы ему выплатить такую сумму в течение года». Выход предложил Буллит: «Четыре миллиарда золотом покинули Францию за последние четыре года. Часть этих капиталов осела в Соединенных Штатах, и американское правительство могло бы помочь разыскать их в соответствии с трехсторонним договором от 1936 года: для этого вы могли бы издать декрет о контроле над валютными сделками и об обязательном декларировании иностранных авуаров». На это либерально-демократическое правительство Франции, конечно же, пойти не могло. Правда у французского правительства были еще собственные золотовалютные резервы, но даже в 1940 г., в военное время «Поль Рейно (премьер-министр), поддержанный на этот раз британским министром финансов..., заявил, что такие расходы (покупка самолетов у США) опустошат казну союзников. Снова возникла та же идея: экономика наших стран должна быть готова выдержать длительную войну и выйти из нее с нетронутыми резервами».

А. Тейлор приводил другой пример, описывая ситуации во Франции после заключения ею «перемирия» с Германией 22 июня 1940 г.: «Для подавляющего большинства французского народа война закончилась... правительство осуществляло политику лояльного сотрудничества с немцами, позволяя себе лишь слабые, бесплодные протесты по поводу чрезмерных налогов... Единственное омрачало согласие; Шарль де Голль бежал в последний момент из Бордо в Лондон... Он обратился к французскому народу с призывом продолжать борьбу... Лишь несколько сот французов откликнулись на его призыв». Во Франции: «Немцы обнаружили в хранилищах достаточные запасы нефти... для первой крупной кампании в России. А взимание с Франции оккупационных расходов обеспечило содержание армии численностью 18 млн.

человек»; в результате в Германии «уровень жизни фактически вырос во второй половине 1940 года... Не было необходимости в экономической мобилизации, в управлении трудовыми ресурсами... Продолжалось строительство автомобильных дорог. Начали осуществляться грандиозные планы Гитлера по созданию нового Берлина».

Бравый генерал Петен приказал французской полиции вместе с гестапо вести борьбу с участниками Сопротивления и передал Гитлеру французских политических заключенных, евреев и немцев, бежавших от нацистского режима. По приказу Петена правительство Виши помогало фашистам, отправляя в Германию сырье и посылая французских рабочих на немецкие заводы.

Мог ли в таких условиях Сталин рассчитывать на мораль и добросовестность великих демократий — Франции и Англии?

Английский журнал «Контемпорери ревью», отвечая на этот вопрос, в те дни писал: «Что бы ни говорили о Сталине, он является наиболее находчивым и наиболее реальным политиком нашего времени; он никогда не занимается абстракциями... Сталин знает цену политических программ и манифестов... главным образом он хочет, чтобы не было никаких уверток, которые дали бы возможность западным демократиям втянуть его в войну с Германией и затем оставить одного... (Сталин) подозревает, что именно к этому стремились английский и военный кабинеты, и поэтому не желает рисковать в этом деле».

К. Типпельскирх: «Русские не были склонны ставить себя в зависимость от политики западных держав и дать им втянуть себя в войну. Они понимали, что им, возможно, пришлось бы нести главную тяжесть борьбы против Германии...» *У.* Черчилль: «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что в этом случае

от них будет мало проку». Для того чтобы появился реальный, а не декларируемый второй фронт, Англию и Францию необходимо было заставить вступить в войну, что Сталин и сделал, заключив пакт с Германией. «Самое главное, что подчеркивалось потом в официально изданной «Истории дипломатии»,— в Кремле возросла уверенность, что если Германия и нападет на Россию, то к этому времени западные демократии уже будут в состоянии войны с ней и Советскому Союзу не придется противостоять ей в одиночку, чего опасался Сталин летом 1939 года. Это, безусловно, верно», — отмечал У. Ширер.

Даже такой историк, как Б. Соколов, весьма далекий от симпатий к Сталину, в этой связи отмечает: «В 1939—1941 годах СССР и Германия были фактически союзниками. Благодаря этому Гитлер смог разгромить и оккупировать Польшу и Францию, установить контроль над Норвегией и Балканами. Однако тем самым он сделал неизбежным союз Англии и стоявших за ней США с Советским Союзом, что предопределило конечное поражение Германии».

* * *

Фактическими союзником Германии были не только СССР, но и Швейцария, и Швеция, и США. Да, они не заключали пакта с Германией, но чем от него отличался их нейтралитет? Швеция и США точно так же спокойно наблюдали, как Германия громит Польшу, Францию, Балканы, Норвегию, точно так же торговали с Германией. Почему же именно СССР, проклятый и разоренный европейцами, превращенный ими в изгоя, *должен* был идти умирать за них? СССР превратился в сильнейшую страну Европы не благодаря, а вопреки активным усилиям Англии, Франции, Польши, огромной ценой жертв и напряжения собственных ресурсов, и теперь он должен был бросить свой соз-

данный огромной кровью экономический потенциал ради них на чашу весов?

Германии было достаточно нейтралитета СССР в войне на Западе, чем бы в этом случае СССР отличался от США? Но почему в отличие от США и Швеции, благодаря своему нейтралитету в очередной раз наживавшихся на европейской крови, Сталин пошел на подписание пакта? Он считал войну неизбежной и сознательно готовился к ней. Он должен был победить, а для этого СССР необходимо было решить ряд стратегических задач, и поэтому Сталин пошел на подписание пакта, ставшего началом освобождения Европы от фашизма.

Стратегические задачи пакта Молотова — Риббентропа

Во-первых, пакт предотвращал возможность заключения «нового Мюнхена». «Новый Мюнхен» был не только возможен, а являлся логичным следствием всей англо-французской политики межвоенного периода. Мало того, «новый Мюнхен» был призван не столько отвести угрозу войны от Парижа и Лондона, сколько сделать Германию англо-французским инструментом войны против Советской России. К подобным выводам приходили не только советские руководители, но и, по сути, вся «мощная когорта канадских, английских и американских историков, которые видели в умиротворении только выражение профашистской и антикоммунистической идеологии».

Э. Нольте даже назвал свою известную книгу, посвященную тому периоду, «Европейская гражданская война». Действительно, это была Европейская гражданская война, где по одну сторону стоял СССР, а по другую — фашист-

ская Германия вместе с демократическими странами Запада. Это была гражданская война русского социализма и западного либерального капитализма образца XVII в. Француз А. Симон в своем исследовании, посвященном началу войны, приходил к выводу, что «Запад буквально вскормил гитлеровскую Германию, рассчитывая, что она станет его бастионом против СССР. Грядущая мировая война трактовалась как «война цивилизаций». Даже когда «внутри» самого Запада уже шла война, Франция снимала со своего фронта танки и самолеты и посылала их против СССР. Любая страна, принимавшая помощь СССР, автоматически становилась врагом. Как с врагом Запада поступили с республиканской Испанией... Еще более красноречива фразеология, с которой западные политики обращались к президенту Чехословакии, заставляя его принять ультиматум Германии. Приняв помощь русских, Чехословакия стала бы врагом всего Запада и жертвой его крестового похода».

Ш. Рист, в то время управляющий французским банком, отмечал в своем дневнике: «То, о чем в будущем, вероятно, забудут, но что нужно запомнить, это огромная роль общественного консерватизма, страх перед коммунизмом и большевизмом, который играл большую роль в последние годы во внешней политике Франции и Англии. Этот страх ослеплял некоторых, делал их неспособными оценивать определенные события иначе, как через эту искажающую призму. Отсюда скрытая, но очевидная симпатия даже к Гитлеру, к его методам и жестокости. Думали лишь о том, что демократическое правительство во Франции не будет достаточно сильным, чтобы их защитить. Видимость сохраняющегося порядка, отсутствие острых социальных конфликтов не успокаивали их. Им нужно было внешнее проявление полицейской силы так же, как им нужен был образ воинствующего коммунизма, и для этого они не останавливаются даже перед покушениями, которые сами совершают, но при этом обвиняют в них коммунистов».

М. Карлей: «Для многих британских тори и французских консерваторов кооперация с Советским Союзом никогда не была приемлемой альтернативой. До 1939 года фашизм или нацизм не воспринимались как абсолютное зло, хотя такая форма правления и пользовалась дурной репутацией. Наоборот, фашизм был эффективным оружием против коммунизма и социализма, барьером для экспансии большевизма за пределы Советского Союза». «Угроза была столь серьезна, что союзные силы взяли Советскую Россию в блокаду, наладили тайные связи с ее внутренними врагами и послали войска, чтобы остановить большевистскую опасность. У союзников не было сил подавить революцию, но они никогда с нею не смирились, злоба и страх сохранялись и через много лет после того, как большевики победили».

Молотов позднее подтвердит, что советское правительство заключило пакт о ненападении с Германией только для того, чтобы предотвратить англо-германское соглашение. Именно провал планов «крестового похода» Запада против СССР увидел в пакте Молотова — Риббентропа один из наиболее известных идеологов «холодной войны» Дж. Кеннан. Он обвинил в заключении пакта не Сталина, а... Гитлера: «Заключение Гитлером пакта о ненападении со Сталиным и поворот его штыков против французов и англичан означали колоссальное предательство западной цивилизации… Сближение западных держав с Советским Союзом было результатом политики нацистов, за что те должны нести самую серьезную ответственность перед историей».

* * *

Во-вторых, пакт давал СССР уникальную возможность технического переоснащения. 5 января 1939 г. Германия предложила возобновить замороженные в конце марта 1938 г. переговоры о предоставлении СССР кредита в 200

млн. марок, немцы дополнительно предложили уступки в сроках кредита и снижении процентов по нему. А. Буллок пишет, что немцы были ошеломлены, когда увидели, чего хотят русские. Меморандум директора отдела экономической политики министерства иностранных дел Э. Виля от 11 марта гласил: «Хотя Германии недостает русского сырья, хотя Геринг постоянно требует его закупки, рейх просто не в состоянии снабжать СССР теми товарами, которые придется поставлять в обмен».

Переговоры возобновились 17 августа, когда в ответ на предложение Германии нормализовать советско-германские отношения глава советского правительства В. Молотов ответил: «Правительство СССР считает, что первым шагом к такому улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения». Фактически Молотов поставил ультиматум — пакт в обмен на кредит. 19 августа было подписано советско-германское кредитное соглашение[1], кроме этого предусматривалось размещение советских заказов в обмен на поставки сырья и продовольствия.

8 октября в Москву прибыл представитель Германии К. Риттер, который привез с собой годовой план закупок на сумму 1,3 млрд. марок, однако советская сторона согласилась исходить из максимального объема поставок в прежние годы, т.е. 470 млн. марок. Для составления ответных заявок в Германию была послана специальная комиссия, собранная из ведущих специалистов. Чего хотели русские? В официальном запросе руководителя советской делегации говорилось: «Нашей задачей является получить от Германии новейшие усовершенствованные образцы вооружения

---

[1] 200 млн. марок, под 4,5%, на 7 лет. В дальнейшем были заключены хозяйственные соглашения от 11 февраля 1940 г., и 10 января 1941 г., а также 6 дополнительных торговых соглашений. Общая сумма соглашений составляла 620—640 млн. марок, со сроком поставки до августа 1942 г.

и оборудования. Старые типы покупать не будем. Германское правительство должно показать нам все новое, что есть в области вооружения, и пока мы не убедимся в этом, мы не сможем дать согласия на эти заявки». Немцы пошли на встречу русским с большим трудом, только после настойчивых требования советской делегации. Наиболее важные вопросы решались лично Гитлером и Герингом.

11 февраля 1940 г. договор был подписан, список военных материалов, предусмотренных к поставке германской стороной к концу текущего года, составлял 42 машинописные страницы, напечатанные через полтора интервала, и включал, например, чертежи и образцы новейших немецких боевых самолетов «Мессершмитт-109» и «-110», «Юнкерс-88» и т.д., артиллерийских орудий, танков, тягачей и даже целый тяжелый крейсер «Лютцов»! Советский список состоял почти полностью из военных материалов и включал не только взятые на вооружение, но также и те, которые находились в разработке: десятки полевых морских и зенитных артиллерийских систем, минометы калибра 50—240 мм с боеприпасами, лучший танк Pz-III, торпедное вооружение, десятки радиостанций, 8 единиц переносных пеленгаторов, 2 полевые радиостанции для обнаружения самолетов, 4 комплекта приборов для стрельбы ночью, 10 комплектов засекречивающих приборов для телеграфно-телефонных аппаратов, сверхмощные прессы, прокатные станы, горное оборудование, танкер водоизмещением 12 тыс. т., 3 сухогруза, канатную проволоку, трубы и т.д..

Кроме этого, по договору Советский Союз получал из Германии новейшие технологии, в которых СССР отказали США и Англия (химическое оборудование и документацию, для налаживания производства синтетических материалов, технологии: получения сверхчистых материалов; получения отдельных элементов радиоэлектронного оборудования; изготовления многих видов инструментальной и высокопроч-

ной стали, некоторых видов брони, средств автоматизации и управления, «образцы и рецептуру беспламенных и бездымных, аммиачных... взрывчатых веществ» и т.д.) Как заметил в итоге Геринг: «В списке имеются объекты, которые ни одно государство никогда не продаст другому, даже связанному с ним самой тесной дружбой».

В обмен СССР поставлял сырье:

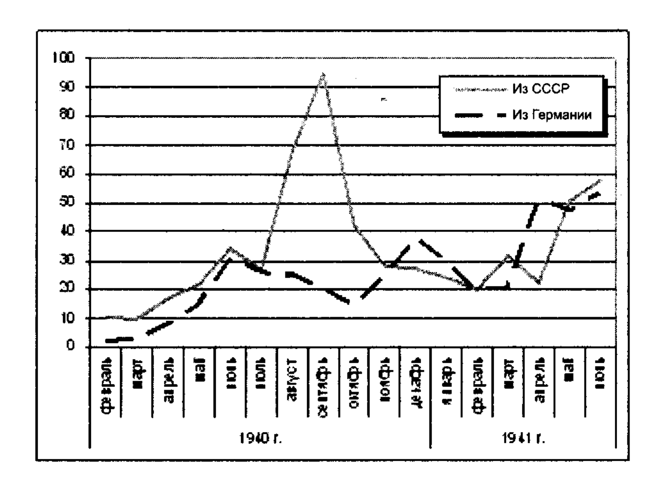
Поставки СССР в Германию
с декабря 1939 г. по конец мая 1941 г.

Товар	Количество тыс. т	Стоимость млн. марок
Нефтепродукты	1000	95,0
Зерно	1600	250,0
Хлопок	111	100,0
Жмыхи	36	6,4
Лен	10	14,7
Лесоматериалы	1	41,3
Никель	1,8	8,1
Марганцевая руда	185	7,6
Хромовая руда	23	2,0
Фосфаты	214	6,0

Кроме этого было поставлено 6 тыс. т. меди, по 500 т. олова, вольфрама и молибдена, и главным образом железный лом, всего на сумму 17,5 млн. марок, 2,782 т платины, а также пушнины на 10 млн. марок. И даже 11 300 т. «очесов льна, хлоповых отходов, тряпья».

Циркуляр министерства иностранных дел Германии гласил: «Советский Союз поставил все обещанное. По многим пунктам он поставил даже сверх того, о чем первоначально было оговорено. Вызывает законное восхищение то, как Советский Союз организовал отгрузку гигантского количества товаров. В настоящий момент торговые и транспортные каналы работают бесперебойно».

Динамика советско-германских товарных поставок, млн, марок

Немцы отставали не намного. В натуральном выражении советский импорт из Германии вырос в 1940 г. по сравнению с 1939 г. почти в 29 раз. Июнь 1941 г. стал рекордным по объему немецких поставок. Всего за апрель — июнь 1941 г. немецкие поставки составили 151,3 млн. марок, в то время, как советские — 130,8 млн. марок. И это не случайно. В первых числах февраля 1941 г. Гитлер распорядился, что обязательства Германии по хозяйственному соглашению с СССР *«безусловно должны быть выполнены»*. Когда же в марте русские приостановили поставки зерна и нефти, ссылаясь на то, что германская сторона не выполнила своих обещаний[1], Гитлер подписал указ, отдававший приоритет поставкам оружия в СССР, даже за счет вермахта. Немецкий историк Г. Швендеман отмечает, что весной 1941 г., когда уже вовсю шла подготовка к нападению на СССР, «Со-

---

[1] Германо-советский договор предусматривал жесткое выполнение обязательств, если немецкие поставки отставали от советских более чем на 20%, СССР имел право приостанавливать свои поставки.

ветский Союз стал абсолютно привилегированным торговым партнером Германии, заказам которого было отведено по степени важности в программе военного производства преимущественное место по сравнению с другими заказами как для собственных нужд, так и для поставок иностранным государствам». Германская промышленность прекратила все остальное производство, за исключением обеспечения вермахта и поставок в Советский Союз.

Конечно, импорт из СССР усиливал позиции Германии. Так, К. Хильдебранд утверждает: «Главным образом русские военные поставки в Третий рейх помогли преодолеть внешнюю зависимость Германии от сырья и продовольствия». Аналогичное мнение высказывал Штейнгардт — Советский Союз играет роль агента Германии по закупкам товаров на международном рынке, в том числе в США, то есть «действует фактически, если не юридически, как молчаливый партнер Германии в существующем конфликте». Д. Данн: «Штейнгардт был абсолютно прав. Советские власти оказывали прямое содействие немцам в войне против Франции и Англии. Они осуществляли снабжение германской военной машины». Однако, сколь ни важны были эти поставки, они составлял лишь небольшую часть — около 650 млн. марок общей суммы германского импорта, составлявшего примерно 7 млрд. марок. Т. е. доля СССР не превышала 10%[1]. В импорте Германии СССР занимал 5-е место (после Италии, Дании, Румынии и Голландии). Конечно, Италию можно исключить, поскольку она была союзницей Германии.

Румынские же нефтепромыслы принадлежали англо-французским фирмам и поставляли нефть в Германию с полного ведома их правительств. Дания и Голландия, в

---

[1] В 1940 г. поставки из СССР составляли 7,6% общей суммы германского импорта, а поставки в СССР — 4,5% германского экспорта, в 1941 г. — соответственно 6,3% и 6,6%.

свою очередь, сохраняли нейтралитет, оставаясь транзитными странами, через которые шел поток товаров, и в первую очередь из США. Примечательно, что, когда накануне вторжения Германии во Францию «англичане потребовали от голландского правительства права передвижения по территории Нидерландов... голландцы отказали». Главным поставщиком железной руды для Германии была нейтральная Швеция, точных приборов — нейтральная Швейцария, хромовой руды Турция. Фашистская Испания, не имеющая собственных месторождений нефти, вдруг стала ее экспортером, вернее перевалочной базой для американской нефти, поставляемой в Германию.

Ситуация изменится лишь в апреле-мае 1940 г., когда Голландия и Дания будут оккупированы Германией. А Румыния окончательно возьмет ориентацию на Берлин, поскольку «Германия становилась отныне хозяином континента». С этого времени сотрудничество с СССР будет иметь для Германии гораздо большее значение. Правда, основную роль будут играть не советские поставки, а транзит товаров через советскую территорию (именно транзит, а не посредничество) на Ближний и Дальний Восток. Так, в апреле-декабре 1940 г. через СССР прошло 59% германского импорта и 49% экспорта, а в первой половине 1941 г. соответственно 72% и 64%. Основным деловым партнером Германии в войне против Англии и Франции и на востоке являлись... США. Очевидно именно поэтому Англия, за исключением ареста советских судов, не только не пошла на разрыв дипломатических отношений с СССР, но и не предъявила сколько-нибудь существенных претензий. Примечателен в этой связи эпизод, — когда в мае 1940 г. англичане поймали за руку караван с американской нефтью для немецких потребителей под французским флагом, то их тут же одернул глава Госдепа К. Хелл, и могучий британский флот молча подчинился.

Торговля с фашистской Германией носила для США принципиальный характер и была совершенно осоз-

нанной. Точно так же США наживались на миллионах смертей европейцев во время Первой мировой войны. Э. Хауз в 1915 г. в письме президенту объяснял позицию США следующим образом: «Германия нарушала права человечества, между тем как разногласия с Великобританией были гораздо менее значительны. Но они задевали карман и самолюбие многих американцев». В очередном послании президенту Э. Хауз отмечал: «Мы наживаем деньги на их несчастье, но это, тем не менее, неизбежно».

После Первой мировой войны на Версальской конференции США в ультимативной форме требовали от союзников признания принципа «свободы морей» — права «торговли нейтральных стран во время войны». Хауз откровенно угрожал: «Вмешательство англичан в американскую торговлю в случае новой войны бросит Соединенные Штаты в объятия врага Великобритании, кто бы он ни был». Англия и Франция не пошли на сделку с США и Великая Демократия отказалась подписать Версальский мир. Учтя негативную реакцию европейцев на торговлю с врагом во время Первой мировой, в начале Второй США торговали с Германией через сеть посредников в разных странах мира. В итоге в 1940 — 1941 гг. доля США в торговле с Германией превышала долю СССР в несколько раз. Т.е., образно говоря, США были во столько же раз большим фактическим союзником Германии, чем СССР. Следует также отметить, что СССР не был агентом Германии в торговле с США (а то мог бы неплохо заработать на комиссионных, — почти на порядок больше, чем от транзита)[1].

---

[1] На этом история не закончилась — «13 декабря, через 6 дней после Пирл-Харбора, когда Гитлер уже объявил войну США, Рузвельт подписал президентский указ, регламентирующий условия, при коих выдается официальное разрешение американской администрации на торговлю со странами, с которыми США находятся в состоянии войны» *(Грызун В.* С. 352).

Между тем поставка Советскому Союзу большого количества новейших станков ослабляла военную экономику Третьего рейха. Как отмечают И. Пыхалов и В. Сиполс, поскольку свыше половины использовавшихся в немецкой промышленности металлорежущих станков к тому времени устарела, имея срок службы более десяти лет. За 1940—1941 гг. СССР получил из Германии 6430 металлорежущих станков, для сравнения: в 1939 г. из всех стран — 3458 станков. Причем многие из этих станков были уникальными, которые в Советском Союзе не производились. Б. Мюллер-Гиллебранд писал о положении Германии в то время: «Положение со станками продолжало оставаться неудовлетворительным. Некоторые станки удалось получить через нейтральные страны (Швейцария, Швеция). В военной промышленности пришлось создать органы, на которые возлагалась задача распределения машинного оборудования».

Кроме этого, отмечал Б. Мюллер-Гиллебранд, «ощущалась хроническая нехватка рабочей силы, особенно квалифицированных рабочих, для военной промышленности. 13 сентября 1939 г. ОКБ... отдало распоряжение о возвращении из Вооруженных сил в военную промышленность квалифицированных рабочих... 27 сентября.. изда(н)о положение об освобождении рабочих от призыва в армию в случае незаменимости их на производстве... В конце 1939 г. последовал приказ... об увольнении из армии военнослужащих рождения 1900 г. и старше, владевших дефицитными профессиями». В этих условиях весомая часть рабочих была отвлечена на изготовление техники по советским заказам.

Для советской экономики, отмечают И. Пыхалов и В. Сиполс, поставки сырья были не слишком обременительны. За 1940 г. Германия получила 657 тыс. т нефтепродуктов, в

то время как добыча нефти в СССР в том году составила 31,1 млн. т. Зерна в Германию в 1940 г. было поставлено чуть меньше 1 млн. тонн, а заготовлено 95,6 млн. тонн.

Баланс торгово-экономических отношений между СССР и Германией, млн. марок

Со стороны СССР:	Со стороны Германии:
Поставлено товаров с августа 1939 поиюнь1941 г. — 671,9	Поставлено товаров и золота* с августа 1939 по июнь 1941 г.— 507
Транспортные услуги по транзиту немецких товаров — 84,5	«Продажа» литовской территории** — 31,5
Итого: 756,4	Кредит 1935 г.*** — 151,2
	Итого: 689,7

* Золото на сумму 44,7 млн. марок, поставлялось Германией для выравнивания баланса товарообмена с СССР.

** Летом 1940 г. по предложению советского правительства Германия отказалась от своих прав на часть литовской территории в обмен на материальную компенсацию.

*** По кредиту 1935 г. СССР получил из Германии заводское оборудования и другие товары. Встречные поставки для покрытия кредита должны были начаться в конце 1940 г.

Почему Гитлер, уже подписавший план «Барбаросса», продолжал поставлять в СССР новейшие технологии? По мнению А. Шахурина: «Зная, что война с нами не за горами, фашистское руководство, видимо, считало, что мы уже ничего не успеем сделать. Во всяком случае, подобное тому, что у них есть». К аналогичным выводам приходил и X. Штрандман: «Для Гитлера, по-видимому, решающими оказались стратегические доводы. В противном случае трудно было бы понять, почему он согласился снабжать Советский Союз самой последней военной технологией, зная, чтс он собирается напасть на него в не очень далеком будущем. И, кроме того, у него было довольно низкое мнение о технических возможностях России — предубеждение, подтвержденное во время войны с

Финляндией. Он также допускал, что произойдет некоторая задержка, прежде чем Россия сможет использовать технологическое преимущество от получения немецкого оружия». Однако Сталин сумел реализовать полученный от Гитлера уникальный технический потенциал. Таким образом СССР вышел из «технологической» изоляции. Многие из этих технологий обеспечили конкурентоспособность научного потенциала СССР вплоть до 1960-х гг.

* * *

В-третьих, пакт обеспечивал СССР выигрыш времени в 2 года. Время работало на СССР, экономический потенциал Советской России рос невиданными темпами. Еще несколько лет, и у России не было бы экономических конкурентов на континенте Евразии. Рос и военно-технический потенциал. За 1939—1940 гг. были созданы все основные виды новых вооружений: танки Т-34, КВ; самолеты МиГ, ЛаГГ, Як-1, Ил-2, Пе-2; самозарядные винтовки СВТ-40, (их образцы, попавшие к немецким специалистам, «вызывали удивление»); автоматы ППШ-41, реактивные минометы «Катюша», первые радиолокационные станции «Редут» и РУС-1, и т.д. Кроме этого с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. численность Красной Армии была увеличена более чем в 2,8 раза и достигла почти 5,4 млн. человек. Была проведена мобилизация экономики, расходы на оборону выросли с 16,5% бюджета в 1937 г., до 32,6% в 1940 г.

Была и другая сторона медали.

Так, например, информация, полученная советской стороной от немцев, продемонстрировала отсталость советской техники, особенно в области авиации. Это, по-видимому, вызвало паническую реакцию, ставшую одной из причин разгрома КБ Поликарпова и потери лучших самолетов

того времени И-185 и И-200. Новые научные школы, возникшие на его руинах, к началу войны еще не успели как следует сформироваться.

Другой пример был еще более существенным. Никто в Кремле не предполагал, что европейские страны падут и будут покорены с такой скоростью. Да что Москва, — по словам А. Некрича: «Экономические последствия побед Германии на западе и юго-востоке Европе не могли быть предусмотрены даже самыми смелыми расчетами руководства германской военной экономики. В руки Германии попала высокоразвитая промышленность европейских стран, таких, как Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург... Захват Польши, а затем победы на западе позволили гитлеровскому руководству получить даровую рабочую силу... Только в сельском хозяйстве Германии было использовано свыше 1 млн. человек, главным образом польских военнопленных. Таким образом высвобождалось значительное число немцев, в которых так нуждалась германская армия». Уже к концу 1940 г. «хозяйственное пространство» Германии составляло 4 млн. кв. км. с населением 333 млн. человек. Теперь даже валовый экономический и промышленный потенциал «объединенной немецкой Европы» превосходил показатели СССР. Только в одной Бельгии германские вооруженные силы обслуживала половина рабочих и служащих, или более 900 тыс. человек.

* * *

В-четвертых, пакт отодвигал границы СССР и восстанавливал его статус-кво. Присоединение украинских и белорусских территорий Польши, Прибалтики и пограничных с Ленинградом земель Финляндии осуществлялось на основании *духа* секретного протокола, подписанного вме-

сте с пактом. Секретный протокол после его обнародования после Второй мировой войны стал основанием для новых обвинений в адрес СССР. Так, И. Фест пишет: «Сухие формулировки (протокола) обнажали империалистический по своей сути характер соглашения и неопровержимо свидетельствовали о его взаимосвязи с запланированной войной... Ни один из этих аргументов не может заставить забыть о Секретном дополнительном протоколе, который превращал пакт о ненападении в пакт о нападении». Э. Нольте даже обвинял СССР в отходе от принципов марксизма: «Какие бы тактические и обусловленные реальной политикой элементы оправдания, выдерживающие в конце концов более или менее строгий анализ, ни использовались в советских работах, ясно, что дополнительный протокол был недостоин идеологического движения, которое утверждало, что обладает самым глубоким пониманием исторического процесса».

Сталина в данный момент идеология действительно интересовала в меньшей степени, — речь шла о безопасности государства. Надеяться на помощь или благоразумие Англии, Франции и Польши в тех условиях мог только тот, кому надоело собственное существование. Присоединенные территории отодвигали границы СССР на 100—400 км от ключевых экономических центров страны. Так, например, говоря о Польше, У. Черчилль замечал: «Россия проводит холодную и взвешенную политику собственных интересов... Но для защиты России от нацистской угрозы явно было необходимо, чтобы русские армии стояли на этой линии... Премьер-министр полностью согласен со мной».

Эти территории были отторгнуты у России силой, сначала Германией, Брестским миром, а затем во время «Первого крестового похода против России в XX в.» — интервенции Англии, Франции, США, Польши в 1918—1922 гг. Не случайно прибалтийские страны по своему положению

и значению повторяли государства «рыцарских орденов» времен Крестовых походов XI века. Не имея возможности играть самостоятельной роли в европейской и мировой политике, лимитрофы по изначальному замыслу стратегов Антанты выполняли функции «санитарного кордона», отделявшего СССР от Европы. Что являлось актом агрессии уже само по себе. В случае же очередного Мюнхенского сговора, эти страны вместе взятые могли выставить против СССР около сотни дивизий или, в крайнем случае, пропустить через свою территорию немецкие армии к жизненным центрам России.

Следует отметить, что возврат украинских и белорусских земель Польши и Прибалтики был осуществлен мирным путем при подавляющей поддержке местного населения. Что касается удара в спину польской армии, то Красная Армия вошла в Польшу только 17 сентября, когда польского государства фактически уже не существовало[1]. Остатки польской армии спасались, отступая на завоеванные Польшей в 1920-х гг. белорусские и украинские земли, где Красная Армия их не громила, а спасала[2]. Так, по воспоминаниям адьютанта Андерса: «Местное украинское население относилось к нам весьма враждебно. Его приходилось избегать. Только присутствию Красной Армии мы обязаны тем, что в это время не дошло до крупных погромов или массовой резни поляков». Как отмечалось, Финляндия также готова была обменять свои пограничные районы мирным путем на встречные компенсации СССР, и только провокации Англии и Франции сделали конфликт неизбежным.

---

[1] Польское правительство к этому времени уже бежало из Польши.

[2] Впрочем, некоторые до сих пор не сомневаются в мощи польской армии, способной в 1939 г. разгромить немецкую. Вот если бы не Красная Армия, то мы бы...

* * *

В-пятых, пакт нейтрализовывал активность Японии. Положение на восточных границах СССР было не менее напряженным, чем на западных; там уже шла война, и там также господствовала политика «умиротворения». *У.* Додд вспоминал: посол Китая «подтвердил сообщения... японцы потопили американские и английские суда на китайских реках, убив при этом нескольких американцев, и президент потребовал от японского императора полностью возместить убытки и принести извинения. Посол хотел знать, намерены ли Соединенные Штаты действительно что-либо предпринять. Я не мог дать ему никаких заверений, хотя согласился с тем, что демократические страны должны спасти Китай, если они не хотят поставить себя перед серьезной опасностью. Наше прощание было грустным: он сказал, что его страна, возможно, будет покорена, а я признал, что современная цивилизация находится, по-видимому, на грани катастрофы... если Соединенные Штаты и Англия не остановят Японию». Несколько дней спустя китайский посол снова посетил американского посла. Он «все еще надеется, что Соединенные Штаты и Англия заставят Японию прекратить истребление его народа, и умоляет об этом».

Американский посол обратился к своим европейским коллегам: «Если Франция и Англия поддержат Соединенные Штаты в блокаде Японии, война против Китая будет приостановлена в течение двух месяцев. Предпримите же что-нибудь в плане этого сотрудничества, пока еще не поздно». Но Англия, Франция и США не только не шелохнулись, а наоборот, продолжили свои торговые поставки Японии. Так, к 1940 г. доля поставок США в импорте Японии составляла по нефти и нефтепродуктам 67%, по стали и лому, меди —

90%, по самолетам и запчастям к ним — 77% и по металлическим сплавам — 99%.

Единственной страной, противостоящей агрессии Японии в Китае, оставалась Советская Россия. У. Додд записывал в этой связи слова русского поверенного в делах, который «утверждал, что Англия, Франция и Соединенные Штаты хотят, чтобы его страна спасла Китай без их участия. Россия этого не сделает, сказал он, но она будет сотрудничать с этими странами, если они придут на помощь Китаю». Когда после нападения Японии на Китай СССР предложил США заключить пакт, Рузвельт ответил: «Пакты не дают никакой гарантии, им нет веры... Главная гарантия — сильный флот».

Последней надеждой Китая оставались поставки оружия и боеприпасов через Монголию и Синьцзян из СССР. В 1937—1938 гг. Советским Союзом было поставлено вооружений и техники на 300 млн. рублей, в том числе 361 самолет с летчиками. Политические установки советского правительства в Китае соответствовали новой европейской политике Кремля, использованной в Испании: единый фронт, создание правительства национальной обороны и единой антияпонской армии, переименование советской рабоче-крестьянской республики (которую провозгласили коммунисты на контролируемых ими территориях) в советскую народную республику.

Не обошлось и без очередной антисоветской, профашистской пропаганды; так, статс-секретарь Макензен заявлял: «Россия тайком помогает как Японии, так и Китаю, надеясь ослабить обе стороны». По его словам, Германия одинаково дружественна к Японии и к Китаю, но не намерена помогать ни одной из сторон». В ответ У. Додд приводил данные, что «Гитлер продает военные материалы и Китаю и Японии, и даже посылает в Китай немецких офицеров. Его цель... состоит в установлении господства Японии над Китаем, что-

бы обе эти страны были готовы выступить против России, если возникнет война в Европе». Французский посол в Германии, в свою очередь, «опроверг причастность России к развязыванию военных действий на Дальнем Востоке, но отметил, что вступление России в войну на стороне Китая вызовет европейскую войну».

В июне 1938 г. японские войска вторглись в СССР в районе озера Хасан, но были отброшены, правда, с большим трудом. После Хасана японцы решили, что СССР не слишком сильный противник, и в мае 1939 г. Япония крупными силами напала на Монголию в районе реки Халхин-Гол с целью перерезать советские коммуникации с Китаем. В то время, как англо-французская делегация устраивала «переговорный спектакль» в Кремле, на восточных границах СССР уже вовсю шла война. По «15 сентября 1939 года на территории МНР происходили ожесточенные столкновения между советско-монгольскими и японо-манчжурскими войсками». Несмотря на то, что японские войска были разгромлены, угроза войны на два фронта не исчезла. У. Додд еще в 1936 г., говоря о германо-японских отношениях, отмечал, что «существует неписаный договор, по которому эти две страны начнут войну против России, когда наступит подходящий момент». 21 октября 1936 г. Геббельс записывал в дневнике: «Фюрер подписал договор с Японией. Союз против большевизма».

Не случайно заключение пакта Молотова — Риббентропа, отмечает И. Пыхалов, было воспринято в Японии как предательство. Временный поверенный в делах СССР в Японии Н. Генералов докладывал: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь». Аналогичную оценку дал и английский посол в Токио Р. Крейги, согласно

донесению которого это событие «было для японцев тяжелым ударом». Япония заявила Германии протест, указав, что советско-германский договор противоречит Антикоминтерновскому пакту, в соответствии с которым подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров».

Японский кабинет министров во главе с К. Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. А 13 апреля 1941 г., несмотря на то, что Япония была одним из инициаторов антикоминтерновского пакта, СССР и Япония подписали пакт о нейтралитете, что исключило войну СССР на два фронта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бурный экономический рост СССР в 1930-х годах означал возвращение России на свой прерванный Первой мировой войной цикл развития, остановить ее движение в очередной раз могла только новая война. ***Война против русской цивилизации как таковой.*** Обе мировые войны становились звеньями одной цепи, отмечает в этой связи большинство историков. Так, по словам В. Шамбарова: «Вторая мировая выглядела как повторная атака тех же самых позиций после неудачи первого штурма. Атака, осуществленная после получения свежих подкреплений, более тщательно продуманная и подготовленная...» И. Фест: «Взаимосвязь между Первой и Второй мировыми войнами ощущается на различных уровнях... Гитлер сам всякий раз настойчиво указывал на это». А. Фурсов: «Многие историки склонны считать 1914—1945 гг. единым военным периодом, по сути, непрекращающейся или почти непрекращающейся мировой войной...» Черчилль вообще назвал этот период «тридцатилетней войной».

Запад привык смотреть на Россию как на полуколонию, которая в скором времени должна была превратиться в полную колонию. Эти взгляды в полной мере отражают слова о будущем России Дарре, министра продовольствия нацистского правительства: «Страна, населенная чуждой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных и промышленных рабочих». Вполне естественно, что попытка России, как и любой другой колонии, выйти из промыш-

ленной зависимости Запада, конкурировать с ним, расценивались Европой не иначе как бунт рабов[1].

О размерах потенциальной угрозы принципам западного мира говорил уровень влияния России на этот мир. Русский социализм впитал в себя основы русской цивилизации, созданной национальной интеллигенцией от Чаадаева и Пушкина до Достоевского, от Добролюбова до Чехова, которая на базе близости к основам русской жизни придала форму своей — русской цивилизации. Это был русский вклад в мировую цивилизацию, и западный мир страстно нуждался в нем. Именно с русской цивилизацией Гердер еще в конце XVIII в. связывал будущее европейской — с неповторимостью русской души.

Геббельс еще до того, как присоединился к фашистам в 1918—1924 гг., писал в дневнике: «Шпенглер — «Закат Европы». Пессимизм. Отчаяние — мысль о самоубийстве... Впервые Достоевский — потрясен. «Преступление и наказание». Читаю по ночам... ««Идиот» — величайшее впечатление... Все эти книги о раннем христианстве происходят не из чего иного, как из сильнейшей тоски по Духу Святому. Гуптман, «Безумец во Христе». Пока первая книга на немецком языке на эту тему. Но насколько этот «Безумец» уступает «Идиоту» Достоевского. Россия найдет новую христианскую веру со всем своим юношеским пылом и детской верой, с религиозной скорбью и фанатизмом». «Великая русская музыка... Русская музыка, моя старая незабываемая привязанность». Геббельс продолжал: «Русская психология так наглядна, поскольку она проста и очевидна. Русский не ищет проблем вне себя, поскольку он носит их в своей груди. Россия, ко-

---

[1] В. Шубарт накануне Второй мировой войны отмечал: «В своей расовой гордости европеец презирает восточную расу. Причисляя себя к разряду господ, он считает славян за рабов (уже звуковое подобие этих слов соблазняет его на это). (По английски Slav — славянин, slave — раб; по немецки Slawe — славянин, Sklave — раб.)

гда же ты проснется? Старый мир уже жаждет твоего освободительного деяния! Россия, ты надежда умирающего мира!» «Свет с Востока... С Востока идет идея новой государственности, индивидуальной связи и ответственности перед государством...» — заключал Геббельс[1].

Бежавший из фашистской Германии В. Шубарт только в России видел спасение европейской цивилизации и мира: «Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе... Только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род... Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее, поскольку во всей совокупности жизненных процессов придерживается установки, противоположной той, которую занимают европейские народы... Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов».

Конечно, это чересчур идеалистический взгляд на Россию, у нее были свои проблемы, не меньшие, чем у Запада... Но даже такой жесткий реалист, которого вряд ли можно заподозрить в бесплодных мечтаниях, как У Черчилль, вынужден был признать: «Несомненно, покорить Россию в материальном отношении вполне возможно, но в моральном отношении — это слишком ответственная задача, чтобы ее могли выполнить одни лишь победители...»

Огромным благом для России было то, что во главе ее стоял в то время Сталин. Все его действия были направлены на укрепление страны, которой он руководил, и для достижения этой цели он вел тяжелую, полную драматических поворотов борьбу как с внешними, так и с внутренними противниками Советской державы.

---

[1] Спустя неделю после нападения Германии на СССР Геббельс запретит книги и музыку *русских* писателей и композиторов.

Он был готов пожертвовать во имя русской государственности, а еще шире — во имя русской цивилизации — даже догмами марксизма. В середине тридцатых годов Сталин похоронил идеи мировой революции в могилах ее приверженцев. А потом спокойно пожертвовал своей коммунистической репутацией, поддержав республиканцев в Испании, а затем подписав пакт с Германией.

В заключение этой книги напомним еще раз слова Сталина, сказанные им на XVII съезде партии: ***«Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР».***

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Астахов Г.А. (1897—1942) — советский дипломат, в 1937—1939 советник, временный поверенный в Германии.

Бальфур А.Д. (1848—1930) — лорд, премьер-министр Великобритании в 1902—1905 гг., один из лидеров консервативной партии. В 1916—1919 министр иностранных дел. С марта 1918 активно участвовал в осуществлении антисоветской интервенции. В 1919—1922 и 1925—1929 входил в состав правительства. Возглавлял английскую делегацию на Вашингтонской конференции 1921—1922.

Барту Л. (1862—1934) — премьер-министр Франции в 1913 г. Глава французской делегации на Генуэзской конференции 1922 г. В 1922—1926 председатель Репарационной комиссии; настаивал на выполнении Германией постановлений Версальского договора. С 1933 сторонник франко-советского сотрудничества. С 1934 министр иностранных дел. Убит хорватским террористом.

Батлер Р.О. (1902—1982) — парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1938—1940. Занимал ряд постов в кабинетах Р. МакДональда, С. Болдуина и Н. Чемберлена.

Бек Ю. (1894—1944) — сторонник Пилсудского, в 1932—1939 министр иностранных дел Польши. После немецко-фашистского вторжения бежал в Румынию.

Бенеш Э. (1884—1948) — в 1918—1935 министр иностранных дел Чехословакии, в 1935—1938 президент. В 1927—1938 председатель Комитета безопасности Лиги Наций. Приняв условия Мюнхенского соглашения, в октябре 1938 вышел в отставку. С 1939 руководитель чехословацкого правительства в изгнании. В 1943

подписал в Москве советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. В 1946—1948 президент республики.

Берзин Я.К. (Кюзис Петерис) (1889—1938) — армейский комиссар 2-го ранга (1937). В 1924—1935 и 1937 начальник Развед¬управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1936—1937 главный военный советник в Испании. Репрессирован.

Бернштейн Э. (1850—1932) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократической партии и II Интернационала, идеолог «ревизионизма». В 1881—1990 — редактор газеты «Социал-демократ». Депутат рейхстага с 1902. В книге «Предпосылки социализма» (конец 90-х) подверг ревизии учение Маркса. Сторонник эволюционного пути развития за счет сращивания интересов рабочего класса и буржуазии в вопросах таможенной и колониальной политики, вооружений. Перед Первой мировой «обосновал» значение идеи отечества для рабочего класса.

Бломберг В. фон (1878—1946) — генерал-фельдмаршал, в 1927—1929 начальник войскового управления (замаскированного Генштаба) Германии. С 1933 министр рейхсвера, с 1935 военный министр, главнокомандующий вооруженными силами. В феврале 1938 уволен в отставку. Привлечен к суду Нюрнбергского трибунала, умер в тюрьме.

Блюм Л. (1872—1950) — лидер Французской социалистической партии. В 1936—1937 и в марте — апреле 1938 возглавлял правительства Народного фронта. В июне 1940 противник предоставления чрезвычайных полномочий Петену, арестован, до 1945 интернирован в Германии. Премьер-министр в 1946—1947.

Боннэ Ж. — министр иностранных дел Франции в 1938—1939.

Браухич В. фон (1881—1948) — генерал-фельдмаршал, с 1938 главнокомандующий сухопутными войсками Германии. После провала наступления на Москву в 1941 уволен в запас. В 1945 сдался в плен английским войскам, умер в госпитале.

Бриан А. (1862—1932) — дипломат, в 1909—1931 неоднократно занимал пост премьера-министра и министра иностранных дел

Франции. Один из инициаторов Локарнской конференции, автор проекта «Пан-Европы».

Брокдорф-Ранцау У (1869—1928) — граф, в 1919 министр иностранных дел в правительстве Шейдемана. Председатель германской делегации на Парижской мирной конференции, возражал против принятия Германией условий Версальского мирного договора. В 1922—1928 посол в СССР.

Бубнов А.Д. (1883—1963) — контр-адмирал из старой дворянской семьи, закончил Николаевскую морскую академию, в русско-японской войне мичман, участвовал в создании Морского Генерального штаба, преподавал в Морской академии. В Первой мировой начальник управления в штабе Верховного главнокомандующего. В гражданской войне в армии Деникина, эмигрировал. Организовал по просьбе короля в Югославии Морскую военную академию и училище. Автор многочисленных работ по истории военно-морского искусства.

Буллит УК. (1891—1967) — дипломат. Член американской делегации на Парижской конференции 1919, возглавлял секретную миссию В. Вильсона в Советской России. После отклонения его предложения о признании советского правительства, вышел в отставку и выступил с резкой критикой Версальских соглашений. Первый посол США в СССР (1933-36), затем во Франции, советник министра ВМФ. В 1944—1945 в армии де Голля.

Бюлов Б. (1849—1929) — князь, юрист. В 1897—1900 статс-секретарь иностранных дел Германии, в 1900—1909 рейхсканцлер и министр-президент Пруссии. Инициатор жестких репрессий против рабочего движения. Требовал для Германии «места под солнцем», добивался всемерного увеличения германской военной мощи. Проводил политику колониальной экспансии.

Вайцзекер Э. — статс-секретарь министерства инсотранных дел Германии в 1938—1943.

Вандам А.Е. (Едрихин; 1867—1933) — генерал-майор, сын солдата, с отличием закончил академию Генерального штаба, добровольцем участвовал в англо-бурской войне, затем в военной раз-

ведке в Китае, с 1906 в Генштабе. Главные работы касались геополитики: «Наше положение» 1912, «Величайшее из искусств» 1913. В Первой мировой ком. полка, нач. штаба дивизии. В гражданской войне пассивно на стороне белых, эмигрировал.

Ванситтарт Р.Г. (1881—1957) — замминистра иностранных дел Великобритании 1930—1937, представитель британского правительства в Германии. Главный дипломатический советник министра иностранных дел в 1938—1941.

Вильсон Х. — главный советник британского премьер-министра в правительстве Чемберлена 1937—1940.

Вирт К.Й. (1879—1956) — в 1921—1922 рейхсканцлер и министр иностранных дел Германии. В 1930—1931 министр внутренних дел. В 1933—1948 — в эмиграции. В 1953 в ФРГ основал и возглавил партию «Союз немцев, борющихся за единство, мир и свободу». Выступал против возрождения милитаризма, за установление дружественных отношений с СССР.

Ворошилов К.Е. (1881—1969) — член РСДРП с 1903, профессиональный революционер, активный участник Первой русской революции 1905 г., с 1918 г. командующий и член Реввоенсовета ряда армий и фронтов. Один из организаторов 1-й Конной армии. С 1925 нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР; в 1934—1940 нарком обороны СССР. С 1940 заместитель Предсовнаркома СССР, председатель Комитета обороны. В Великую Отечественную после поражений первых месяцев войны отозван с фронта и контролировал подготовку резервов Красной Армии. С 1953 Председатель президиума Верховного Совета.

Галифакс Э. Ф. (1881—1959) — в 1926—1931 вице-король Индии, лорд-председатель Британского совета в 1937—1938, в 1938—1940 министр иностранных дел Англии. В 1941—1946 посол в США.

Гальдер Ф. (1884—1972) — генерал-полковник, с 1936 в Генеральном штабе сухопутных войск Германии. В 1938—1942 начальник Генерального штаба сухопутных войск. В связи с поражения-

ми осенью 1942 отстранен, с января 1945 в отставке. В брошюре «Гитлер как полководец» пытался представить Гитлера единственным виновником поражения Германии. Популярность приобрел «Военный дневник» Гальдера.

Гамелен М. (1872—1958) — французский генерал. В 1925—1928 командующий войсками в Сирии, подавил национально-освободительное восстание. В 1931—1935 и 1938—1939 начальник Генерального штаба, в 1935—1940 заместитель председателя Высшего военного совета. В 1939—1940 главнокомандующий союзными войсками во Франции. Осужден на процессе над виновниками поражения под председательством Петена (1942). До конца войны в концлагере.

Гендерсон А. (1863—1935) — в 1929—1931 министр иностранных дел в лейбористском правительстве Р. Макдональда. В 1932—1933 председатель международной конференции по разоружению.

Гендерсон Н. — британский посол в Берлине в 1937—1939.

Генри Э. (Ростовский С. Н.; 1904—1990) — журналист, публицист («Гитлер против СССР» и др. книги). Участник антифашистского движения в Германии, член Коммунистической партии Германии в 1920—1933, в 1935—1951 — сотрудник советского посольства в Лондоне.

Тереке Г. (1893—1970) — политический деятель Веймарской республики, прусский помещик, в 1924—1929 Президент Германского конгресса земельных общин, депутат рейхстага от Немецкой национальной партии, с 1929 от Христианско-национальной крестьянской партии. По настоянию Гинденбурга был включен в кабинет Шлейхера, а затем Гитлера, как «имперский комиссар по трудоустройству», отказался вступать в НСДАП, за что был арестован гестапо. В 1946 министр внутренних дел в Нижней Саксонии, затем занимал посты в земельных правительствах и ХДС. Из-за несогласия с авторитарной политикой Аденауэра и возвращения нацистов на руководящие посты ФРГ эмигрировал в ГДР.

Гилберт М. (1936) — английский историк, автор 3-томного труда «История XX века», истории мировых войн, биографии У Черчилля и т.д.

Голль Ш. де (1890—1970) — президент Франции в 1959—1969. Родился в аристократической семье, закончил военное училище в 1912, в 1914—1918 в германском плену. В межвоенный период он стал приверженцем французского национализма и сторонником сильной исполнительной власти. Работы «Раздор в стране врага» (1924), «За профессиональную армию» (1934), «Франция и ее армия» (1938)... В 1940 основал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция»; в 1943 стал руководителем Французского комитета национального освобождения. В 1944—1946 — глава Временного правительства Франции. После войны основатель и руководитель партии «Объединение французского народа». В 1958 премьер-министр Франции.

Головин Н.Н. (1875—1944) — генерал-лейтенант, сын генерала, закончил Пажеский корпус, академию Генерального штаба, диссертация по военной психологии, с 1907 профессор Николаевской академии. В Первой мировой ком. полка, нач. штаба армии. В гражданскую войну ярый сторонник интервенции, воевал в армии Колчака, эмигрировал. Один из крупнейших специалистов по истории Первой мировой, военной теории, социологии войны, контрреволюции. Автор более 30 фундаментальных работ и 100 публикаций по этим темам. Активно сотрудничал с различными французскими и американскими институтами и научными обществами. Создатель курсов «высшего военного самообразования» для русских офицеров-эмигрантов и т. д. Член РОВС.

Гофман М. (1869—1927) — генерал, писатель. В 1904—1905 в германской военной миссии при 1-й японской армии. В 1914—1916 генерал-квартирмейстер штаба Восточного фронта, начштаба. Фактический глава германской делегации во время Брестских переговоров.

Гугенберг А. (1865—1951) — в 1909—1918 генеральный директор фирмы Круппа. В 1916 создал собственный концерн и

стал одним из самых могущественных промышленников Германии. Владелец многих газет, телеграфных агентств и издательств, крупнейшей киностудии УФА. Лидер крайне правой Национальной партии. В 1933 министр продовольствия и сельского хозяйства. После войны в ФРГ, освобожден от наказания. Способствовал восстановлению в Западной Германии милитаристских организаций, в том числе «Стального шлема».

Даладье Э. (1884—1970) — лидер республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. Неоднократно министр по военным вопросам и обороне, иностранных дел и премьер-министр в 1933, 1934, 1938 — марте 1940.

Данн Д.Дж. — современный американский историк, директор программ международных исследований Университета Юго-Западного Техаса. По направлению оруженосец «холодной войны».

Детердинг Г. (1866—1939) — один из крупнейших монополистов, «королей нефти». С 1902 — ген. директор «Ройял датч», с 1907 «Ройял датч-Шелл». Инициатор создания Международного нефтяного картеля.

Дигкоф— германский посол в 1930—1940 гг. в США, в Испании.

Димитров Г.М. (1882—1949) — деятель болгарского и международного рабочего движения. Участник восстания 1923, эмигрировал. Работал в ИККИ. В 1933 арестован в Берлине по обвинению в поджоге германского рейхстага, предстал перед судом на Лейпцигском процессе. В 1934—1945 в СССР. В годы 2-й мировой войны инициатор создания и руководитель Отечественного фронта Болгарии.

Дирксен Г. фон (1882—1955) — дипломат, с 1920 в посольстве в Варшаве. В 1923—1925 генеральный консул в Данциге. В 1929—1933 посол в СССР. С 1938 посол в Лондоне. После вступления Великобритании в сентябре 1939 в войну покинул страну, вышел в отставку.

Додд У. (1869—1940) — историк, получил докторскую степень в Лейпциге. Преподавал в Чикагском университете. Президент

Американской исторической ассоциации. Составил жизнеописания Джефферсона, Линкольна, Вильсона. Пламенный сторонник Ф. Рузвельта. Посол США в Германии в 1933—1937. Оставил свой уникальный дневник, который благодаря уму и честности автора дает понимание истинных причин Второй мировой войны.

Дольфус Э. (1892—1934) — с мая 1932 канцлер и министр иностранных дел Австрии. В 1934 подписал Римские протоколы, поставившие политику Австрии в полную зависимость от Италии. Убит австрийскими национал-социалистами, стремившимися к включению Австрии в состав Германии.

Дэвис Дж. (1876—1958) — американский посол в СССР в 1936—1938, автор книги «Миссия в Москве».

Думенк Ж. — глава французской военной миссии в Москве.

Зейсс-Инкварт А. (1892—1946) — один из лидеров национал-социализма, австриец. В 1938 назначен под давлением Гитлера министром внутренних дел Австрии, способствовал аншлюсу. С 1939 — рейхсштатхальтер Австрии, затем заместитель генерал-губернатора Польши, в 1940—1945 рейхскомиссар Нидерландов. В последние дни войны — министр иностранных дел. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. (Апфельбаум Герш-О.А.) (1883—1936) — член РСДРП(б), участник революции 1905—1907, в октябре 1917 выступал против вооруженного восстания. С декабря 1917 председатель Петроградского совета. В 1919—1926 председатель Исполкома Коминтерна. В 1923—1924 вместе со Сталиным и Каменевым боролся против Троцкого. Член ЦК партии в 1907—1927; член Политбюро ЦК в октябре 1917 и в 1921—1926. В 1934 арестован по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», расстрелян.

Иден А. (1897—1977) — один из лидеров консервативной партии. В 1935—1938 министр иностранных дел, оставил этот пост из-за разногласий с премьер-министром Н. Чемберленом. В 1940—1945 министр иностранных дел в коалиционном кабинете

Черчилля. В 1955—1957 премьер-министр. Один из инициаторов англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956.

Йодль А. (1890—1946) — генерал-полковник армии. В 1939—1945 начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил Германии, главный советник Гитлера по всем оперативно-стратегическим вопросам. 7 мая 1945 подписал в Реймсе общую капитуляцию германских вооруженных сил перед западными союзниками. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Кадоган А.Дж. (1885—1968) — британский дипломат. В 1933—1936 — посланник, затем посол в Китае. В 1938—1946 постоянный 1-й заместитель государственного секретаря по иностранным делам. В 1946—1950 постоянный представитель Великобритании в ООН.

Калинин М.И. (1875—1946) — участник революционного движения с 1896, член РСДРП(б) с 1903. Активный участник революций. В 1918 комиссар городского хозяйства Петрограда. С 1926 член Политбюро ЦК, с 1919 председатель ВЦИК. В 1938—1945 председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Карлей М. Дж. (1945) — американский историк, автор трудов по истории Второй мировой войны.

Карлейль Т. (1795—1881), английский публицист, историк и философ.

Келлог — государственный секретарь США.

Кеннан Д. Ф. (1904—2005) — американский дипломат и историк. С 1925 занимал различные посты в дипломатических и консульских представительствах США. В 1952 посол США в СССР, отозван в связи с враждебными выпадами в адрес СССР. В 1961—1963 посол США в Югославии. Один из идеологов «холодной войны», сторонник политики «с позиции силы» в отношении СССР.

Клемансо Ж. (1841—1929) — премьер-министр Франции в 1906—1909,1917—1920. Неоднократно министр. Председатель Парижской мирной конференции 1919—1920. В 1880—1890-х гг. лидер радикал-социалистов, журналист, редактор газеты «Справед-

ливость», издатель журнала «Блок» и т.д.(«Вlос»), с 1913 издавал газету «Свободный человек», в которой выражал мнение о неизбежности войны с Германией.

Конт О. (1798—1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом. Кредо позитивистской социологии — «порядок и прогресс». Социальной силой, призванной осуществить преобразования, считал пролетариат, превосходящий все другие социальные слои морально-интеллектуальными качествами, при этом являлся сторонником незыблемости частной собственности. Был противником демократии, революции (анархии) и классовой борьбы. Отвергал либерализм как генератор эгоизма и низменных инстинктов, считал «коммунизм» противоречащим законам социологии учением. Основные сочинения: «Курс позитивной философии», «Система позитивной политики».

Коллье Л. — глава северного департамента британского Форин Оффис в 1935—1942.

Корбен Ш.— французский посол в Лондоне в 1933—1940.

Крестинский Н.Н. (1883—1938) — с 1918 нарком финансов РСФСР. С 1921 полпред в Германии, с 1930 заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1937 заместитель наркома юстиции СССР. Репрессирован.

Кривицкий В.Г. (1899—1941) — советский разведчик. В 1918—1921 на нелегальной партийной работе по линии Коминтерна в Австрии и Польше. С 1923 г. в Германии, с 1935 глава советской военной разведки в странах Европы. В 1937 эмигрировал во Францию, затем в США.

Криппс Р.С. (1889—1952) — один из лидеров левого крыла лейбористской партии Великобритании; в 1934—1935 член ее исполкома. Выступал за создание единого фронта левых сил, включая компартию. В 1939 исключен из партии (восстановлен в 1945). В 1940—1942 посол в СССР. В 1942—1950 в правительстве.

Кузнецов Н.Г. (1904—1974) — адмирал флота Советского Союза. С 1930 командир крейсера, в 1936 военный атташе в Испании, с 1937 командующий Тихоокеанским флотом, в 1939—1946 нарком ВМФ. В 1951—1953 военно-морской министр. В 1953—1956 главком ВМС.

Кулондр Р.— французский посол в Москве в 1936-38 и Берлине в 1938—1939.

Кюстин А. (1790—1857) — маркиз, французский автор романов и путевых заметок. Европейскую славу принесла книга «Россия в 1839 г.». В России была запрещена, неоднократно использовалась в целях антироссийской пропаганды. Однако если отбросить идеологизмы, до сих пор остается одной из лучших и наиболее проникновенных книг о России.

Лаваль П. (1883—1945) — в 1931—1932 и в 1935—1936 премьер-министр Франции, в 1934—1935 министр иностранных дел. С началом Второй мировой войны добивался подписания сепаратного мира с Германией. Министр в правительстве Петена, в 1942—1944 премьер-министр коллаборационистского правительства. В 1945 казнен по обвинению в измене.

Литвинов М.М. (Баллах Макс; 1876—1951) — дипломат, с 1918 г. член коллегии Наркоминдела. С 1921 заместитель наркома, а затем в 1930—1939 нарком иностранных дел СССР. В 1941—1943 заместитель наркома иностранных дел, одновременно посол СССР в США. Член ВЦИК, ЦИК СССР.

Лотиан, лорд (1882—?) — журналист, в 1916—1921 секретарь премьер-министра Ллойд Джорджа. С 1939 посол Великобритании в США.

Луначарский А.В. (1875—1933) — закончил цюрихский университет, с 1898 активный участник марксистского движения. Развивал идею «богостроительства» (сборник «Религия и социализм», 1908). В 1917—1929 нарком просвещения. С 1933 полпред СССР в Испании.

Майский И.М. (1884—1975) — дипломат, историк. В 1929—1932 полпред в Финляндии, в 1932—1943 посол СССР в Велико-

британии. В 1943—1946 заместитель наркома иностранных дел СССР.

Маккензен А. (1849—1945) — генерал-фельдмаршал. В армии с 1868, участвовал во франко-прусской войне 1870—1871, с 1882 в германском генштабе. В Первую мировую командир корпуса, армии на Восточном фронте.

Мандель Ж. (1885—1944) — журналист, во время Первой мировой войны выполнял поручения Клемансо по установлению контроля за прессой и профсоюзным движением. В 30-е гг. министр почт, министр колоний. Выступил за союз с СССР против «политики умиротворения» и Мюнхенских соглашений. Участник боев с германскими войсками, в мае 1940 назначен министром внутренних дел. Арестован, убит вишистами.

Маннергейм К.Г. (1867—1951) — барон, маршал (1933). До 1917 на службе в русской армии, генерал-лейтенант (1917); в 1918 командующий белофинской армией, подавил Финляндскую революцию. Председатель Совета государственной обороны с 1931. Руководил действиями финской армии во время советско-финской войны 1939—1940, и в 1941—1944 в качестве союзника фашистской Германии. В 1944—1946 — президент Финляндии.

Микоян А.И. (1895—1978) — участник Гражданской войны. В 1926—1946 нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности СССР. В 1937—1946 заместитель председателя СНК СССР. С 1941 председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии; в 1942—1945 член ГКО, в 1943—1946 член Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации. В 1946—1964 заместитель председателя Совета Министров СССР.

Молотов В.М. (1890—1987) — член РСДРП с 1906, до 1917 г. неоднократно подвергался арестам и ссылкам. С 1917 член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1921—1930 секретарь ЦК ВКП(б). В 1930—1941 председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР, одновременно с мая

1939 нарком иностранных дел СССР. В 1941—1957 1-й заместитель председателя СНК (затем Совета Министров) СССР, одновременно в 1941—1949, 1953—1957 министр иностранных дел СССР.

Монро — президент США. Доктрина Монро провозглашена 2 декабря 1823 г. в форме послания конгрессу. В послании выдвигался принцип разделения мира на европейскую и американскую системы и провозглашалась идея невмешательства США в дела европейских государств и соответственно невмешательства последних в дела Американского континента (отсюда принцип «Америка для американцев»).

Мерекалов А.Ф.— советский посол в Берлине в 1938—1939.

Мехэн (Mahan) А.Т. (1840—1914) — американский военный морской теоретик и историк, контр-адмирал (1906). Окончил военно-морскую академию США (1859), участвовал в Гражданской войне 1861—1865 на стороне северян. В 1886—1888 и 1892—1893 президент военно-морского колледжа в Ньюпорте. В 1893—1895 командовал крейсером, с 1896 в отставке. Во время испано-американской войны 1898 член Морского комитета по стратегии, в 1899 член американской делегации на 1-й Гаагской конференции. Обосновывал закономерность войн, оправдывал захватнические войны США и завоевание мирового господства. Создал и обосновал одновременно с английским теоретиком Ф. Х. Коломбом так называемую теорию «морской силы». Работы: «Влияние морской силы на историю 1660—1783»; «Влияние морской силы на французскую революцию и империю».

Наджияр П. Э.— французский посол в Москве в 1939—1940.

Надольный Р. А. (1873—1953) — дипломат. В 1903—1907 вице-консул в Петербурге, затем советник германского министерства иностранных дел. В 1932—1933 глава германской делегации на конференции по разоружению в Женеве.

Натчбулл-Хаджессен Х. — посол Великобритании в Турции во время Второй мировой войны. Автор книги «Diplomat in Peace and War».

Нейрат К. (1873—1956) — дипломат, в 1932—1938 министр иностранных дел Германии. В 1938—1939 глава Тайного кабинета — высшего консультативного органа по вопросам внешней политики. В 1939—1942 «протектор Чехии и Моравии». На Нюрнбергском процессе приговорен к тюремному заключению.

Некрич А.М. (1920—1993) — историк. Автор книги «22 июня 1941 г.» (1966), ставшей сенсацией в СССР и подвергшейся резкой официальной критике. Исключен из партии, в 1976 получил разрешение покинуть СССР. Преподавал в Гарвардском университете. Другие произведения: «Наказанные народы»; «Утопия у власти».

Никольсон Г. — дипломат, писатель.

Осусский С. — чешский представитель в Париже в 1938—1939.

Пайяр — французский поверенный в делах Москве в 1931—1940.

Пальмерстон Г.Д. (1784—1865) — виконт, лидер вигов, министр иностранных дел Англии в 1830—1840-е, в 1855—1859 премьер-министр. 1830—1855 министр иностранных дел, внутренних дел. Сторонник консервативно-реакционного курса.

Папен Ф. фон (1879—1969) — сын крупного землевладельца. В 1914—1918 офицер Генштаба. В 1913—1915 военный атташе в США, откуда был выслан за шпионаж и подрывную деятельность. В 1921—1932 депутат прусского ландтага от католической партии «Центра»; примыкал к ее крайне правому крылу. В июле — ноябре 1932 канцлер. В 1933 вице-канцлер, в 1934—1938 посол в Австрии, содействовал аншлюсу. В 1939—1944 посол в Турции. В 1946 предстал перед Нюрнбергским трибуналом, был оправдан.

Петен А.Ф. (1856—1951) — маршал, с 1917 начальник Генштаба, главнокомандующий французской армией. В 1934 — военный министр, в 1940 премьер-министр. Подписал капитуляцию Франции. Глава правительства Виши 1940—1944. В 1945 приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

Потемкин В.П.— советский посол в Париже в 1935—1937, заместитель наркома иностранных дел в 1937—1939.

Радек К.Б. (1885—1939)— в 1919—1924 член ЦКРКП(б). В 1920—1924 член (в 1920 секретарь) Исполкома Коминтерна. Сотрудник газет «Правда» и «Известия». Репрессирован.

Радо Ш. (1899—1981) — венгерский картограф и географ, доктор географических и экономических наук. Участник революционного движения 1919 в Венгрии и антифашистской борьбы во время Второй мировой войны, руководил разведгруппой «Дора» в Швейцарии.

Ратенау В. (1867—1922) — мультимиллионер, владелец Всеобщей электрической компании (АЭГ). По словам Г. Далласа: «Ратенау был богат, как Гувер, и был философом, как Кейнс». В 1921—1922 министр восстановления, иностранных дел Германии. Во время Генуэзской конференции подписал Рапалльский договор с Советской Россией. Убит националистами.

Рейнхарт Ф. — статс-секретарь министерства финансов Германии в 1934 г.

Редер Э. (1876—1960) — гросс-адмирал. Во время Первой мировой войны командовал крейсером. С 1928 начальник Главного морского штаба; в 1935—1943 главнокомандующий ВМФ. С 1943 в отставке.

Риббентроп И. (1893—1946) — один из приближенных А. Гитлера. В 1936—1938 посол в Лондоне. В 1938—1945 министр иностранных дел. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Розенберг А. (1893—1946) — окончил рижский техникум, учитель черчения, журналист, участник «пивного путча», один из семи официальных лидеров нацистской партии, с 1923 — главный редактор ее центрального органа «Фолькишер беобахтер». С 1933 глава внешнеполитического отдела национал-социалистической партии. С июля 1941 — министр оккупированных восточных территорий. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Рыдз-Смиглы Э. (1886—1941) — генеральный инспектор польской армии, фактический диктатор Польши с 1935, маршал.

Командующий армией в советско-польской войне 1920. В сентябре 1939 главком; после нападения Германии бежал в Румынию.

Саймон Дж. — британский министр внутренних дел в 1935—1937, министр финансов в 1937—1940.

Сект Х. (1866—1936) — генерал. В Первой мировой командовал войсками на восточном фронте. С 1918 начальник турецкого Генштаба. В 1919—1920 начальник войскового управления (аналога Генштаба). В 1920—1926 начальник управления сухопутными войсками.

Сидс У — британский посол в Москве в 1939 г.

Спенсер Ч. — видный член консервативной партии Великобритании, директор «Джон Браун энд К» и «Ассошиэйтед электрикал индастриз».

Стрэнг У — начальник главного департамента британского МИД в 1938—1939, руководитель британской миссии в Москве 1939 г. Помощник заместителя министра иностранных дел 1939—1941.

Суриц Я.З. (1882—1952) — советский дипломат. В 1920—1934 полпред в Афганистане, Норвегии, Турции. В 1934—1937 полпред в Германии. В 1937 переведен во Францию. В 1937—1939 постоянно входил в состав советской делегации в Лиге Наций.

Тиссен Ф. (1873—1951) — крупнейший германский промышленник, пользовавшийся решающим влиянием в тресте «Ферайнигте штальверке». Субсидировал нацистский переворот, а затем — вооружение гитлеровской Германии. Поссорившись с Гитлером, в 1939 г. покинул страну и жил за границей, где издал книгу «Я оплачивал Гитлера». После Второй мировой войны активно способствовал восстановлению западногерманского промышленного потенциала.

Тойнби А.Д. (1889—1975) — английский историк и социолог. Профессор Лондонского университета, затем Лондонской школы экономических наук. В 1925—1955 один из руководителей Королевского института международных отношений; автор «Исследования истории», в которой стремился переосмыслить все общественно-историческое развитие человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций.

Тухачевский М.Н. (1893—1937) — маршал. Участник Первой мировой войны. С 1918 в Красной Армии, командовал армиями и фронтами. Начальник Военной академии РККА, в 1925—1928 начштаба РККА. С 1931 зам. председателя Реввоенсовета СССР, с 1934 зам. наркома обороны. Репрессирован.

Уборевич И.П. (1896—1937) — военачальник. В Гражданскую войну командующий армией на Южном, Кавказском и Юго-Западном фронтах. В 1922 военный министр и главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики. С 1925 командующий войсками ряда военных округов. Репрессирован.

Уткин А.И. (р. 1944) — историк, профессор МГУ с 1994, с 1997 директор центра международных исследований Института США и Канады РАН, эксперт по внешней политике США, советник Комитета по международным делам Госдумы. Автор монографий: «Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне», «Франклин Рузвельт», «Американская стратегия для XXI века» и др.

Фиппс Э. — британский посол в Берлине в 1933—1937 и Париже 1937—1939.

Фош Ф. (1851—1929) — маршал. В Первой мировой командовал корпусом, армией, группой армий «Север». С 1917 начальник Генштаба, с 1918 верховный главнокомандующий союзными войсками. Один из активных организаторов военной интервенции в Советскую Россию.

Фриш С.Э. (1899—1977) — физик, член-корр. АН СССР (1946). Основные труды по спектроскопии и спектральному анализу.

Фуллер Д.Ф. (1878—1966) — военный историк и теоретик, генерал-майор. Участник англо-бурской и Первой мировой войны. Труды посвящены истории Первой и Второй мировых войн.

Хадсон Р. — секретарь британского министерства внешней торговли в 1937—1940.

Хайек фон Ф. (1899—1992) — представитель австрийской школы экономического либерализма. Родился в Австрии, эмиг-

рировал в Великобританию, затем в США. Основные направления работ: денежная теория, методология. Подверг острой критике идеи и практику социализма. Автор книг «Дорога к рабству» (1944), «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» (1988) и др. Один из вдохновителей (наряду с М. Фридменом) неоконсервативного поворота в экономической политике стран Запада. Нобелевская премия (1974).

Хинчук Л.М. (1869—1944) — меньшевик, член «Комитета Спасения Отечества и Революции», большевик с 1920 г. Посол в Германии в 1930—1934. Репрессирован.

Хор С. — министр иностранных дел Англии в 1935, первый лорд адмиралтейства в 1936—1939, лорд-хранитель королевской печати в 1939—1940.

Чемберлен Н. (1869—1940) — консерватор, брат О. Чемберлена, член парламента с 1918, в 1922—1937 генеральный почтмейстер, казначей вооруженных сил, министр здравохранения, финансов, премьер-министр Великобритании в 1937—1940.

Ченнон Г. (1897—1958) — член парламента в 1935-58, парламентский секретарь замминистра иностранных дел в 1938-40. Лорд, активный сторонник умиротворения Германии.

Чичерин Г.В. (1872—1936) — в 1918—1930 нарком иностранных дел РСФСР, СССР, руководитель делегаций РСФСР на Генуэзской и Лозаннской конференциях. Член ЦК партии в 1925—1930.

Шахт Я. (1877—1970) — финансист, в 1916 директор Национального банка Германии. В 1923—1930, 1933—1937 и с 1938 президент рейхсбанка. В 1934—1937 рейхсминистр экономики.

Ширер У. (1904-?) — американский журналист и историк, автор многих книг, статей и радиорепортажей о Третьем рейхе. В 1925—1932 собкорр газеты «Трибюн» в Западной Европе, затем шеф берлинского бюро американской службы новостей.

Шлейхер К. фон (1882—1934) — генерал, с 1913 офицер Генштаба. После 1918 сотрудник командующего рейхсвером фон Секта, участвовал в разработке планов восстановления военного потенциала Германии. С 1929 статс-секретарь военного министерст-

ва, в 1932 военный министр. В декабре 1932 рейхсканцлер. Убит в «ночь длинных ножей».

Шнурре Ф. — глава департамента экономической политики министерства иностранных дел Германии в 1938—1940.

Штреземан Г. (1878—1929)— в 1903—1918 зампред Союза германской промышленности. Один из организаторов и лидеров Немецкой народной партии. В 1923 глава правительства, министр иностранных дел.

Шуленбург В. фон (1875—1944) — граф, дипломат, в 1934—1941 — посол в СССР. Выступал против войны и за сотрудничество между Германией и СССР. Причастен к Июльскому заговору 1944 г. против Гитлера, казнен.

Шушниг К. (1897—1977) — один из лидеров австрийской Христианско-социальной партии. В 1932—1934 министр юстиции, министр просвещения. С 1934 канцлер. После аншлюса заключен в концлагерь. Освобожден в 1945, эмигрировал в США.

Эберт Ф. (1871—1925) — социал-демократ, в 1916 возглавил свою фракцию в рейхстаге. В 1918 рейхсканцлер, подавил германскую коммунистическую революцию. С 1919 президент Германии.

Эмери Л. — лорд, в 1922—1940 первый лорд Адмиралтейства.

Ягов Г. (1863—1935), дипломат, в 1913—1916 статс-секретарь министерства иностранных дел Германии.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999.

Бернстайн П.Л. Власть золота. М.: Олимп-бизнес, 2004. — 400 с.

Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984.

Булатов В.Н. Адмирал Кузнецов. Архангельск: Поморский университет, 2004. — 268 с.

Буллок А. Гитлер и Сталин. В 2 т. Пер. Н. Бочкаревой, Н. Пальцева, Н. Казаковой, Л. Артемова, А. Фельдшерова. Смоленск: Русич, 2000.

Вандам А. Наше положение. СПб., 1912. (Неуслышанные пророки грядущих войн. Пред., сост. И. Образцов. М.: АСТ, Астрель, 2004. — 363 с.)

Вандам А. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб., 1913. (Неуслышанные пророки грядущих войн. Пред., сост. И. Образцов. М.: АСТ, Астрель, 2004. — 363 с.)

Витте СЮ. Воспоминания, мемуары. В 3 т. Мн: Харвест, М., АСТ, 2001.

Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией». Вопросы экономики. М.: Институт экономики РАН. № 6, 2004.

Ржевская ЕМ. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2004. — 400 с.

Генри Эрнст. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М., ИПЦ «Русский раритет», 2004. — 488 с.

Тереке Г. Я был королевско-прусским советником. М., Прогресс, 1977. — 868 с.

Голдин В. И. Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. Составитель В. И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997.

Головин Я., Бубнов А. The Problem of the Pacific in the Twentieth Century. Лондон, Нью-Йорк, 1922 г.; Стратегия американо-японской войны. М., Военный вестник, 1925. (Неуслышанные пророки грядущих войн. Пред., сост. И. Образцов. М., АСТ, Астрель, 2004. — 363 с.)

Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 608 с.

Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., Три квадрата, 2004. — 472 с.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Мн., Харвест, 2002.

Дирксен фон Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. Пер. с англ. Н.Ю. Лихачевой. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001.—445 с.

Додд У. Дневник посла Додда. 1933—1938 / Пер. с англ. В. Мача¬ вариани и В. Хинкиса. М., Грифон, 2005. — 480 с.

Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., Эксмо, Яуза, 2004. — 416 с.

Жуков Ю. Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М., Вагриус, 2005. — 336 с.

Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая.От начала до великой победы. М., Алгоритм, 2002.

Карлей М.Д. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., «Грантъ», 2005. — 376 с.

Картье Р. Тайны войны. После Нюрнберга. М., Вече, 2005. — 448 с.

Киган Д. Первая мировая война / Пер. с англ. Т. Терешковой, А. Николаева. М., «АСТ», 2002. — 576 с.

Клаузевиц К. О войне / Пер. Рачинского. М., Логос; Наука, 1994. — 448 с.

Кожинов В. В. Россия. Век XX (1901—1939). М., ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.

Кожинов В. В. О русском национальном сознании. М., Эксмо, Алгоритм, 2004. — 416 с.

Кремлев С. Россия и Германия: стравить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М., АСТ; «Астрель», 2003. — 318 с.

Кремлев С. Россия и Германия: путь к пакту: Коридоры раздора и пакт надежды: историческое исследование. М., АСТ; «Астрель»; ВЗОИ, 2004. — 469 с.

Куняев С.Ю. Русский полонез. М., Алгоритм, 2006. — 352 с.

Лампмен Дж. Роберт. Богачи и сверхбогачи. М., Прогресс. 1975.

Манчестер У. Стальная империя Круппов. М., Центрполи¬граф 2003. — 702 с.

Мау В.А., Стародубровская И.В. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М., Вагриус, 2001.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941 (Документы, факты, суждения). М., Вече, 2000.

Некрин А. М. 1941, 22 июня. М., Памятники исторической мысли, 1995.— 335 с.

Нольте Э. Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем / Послесловие С. Земляного. М., Логос, 2003. — 528 с.

Нюрнбергский процесс. В 8 т. Т.l. М., Юридическая литература, 1987. — 688 с.

Оруэлл Дж. Англичане. Эссе. Статьи. Рецензии. Пермь: Ка¬пик, 1992. — 320 с.

Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. 1933—1947 / Пер. с анг. М. Барышникова. М., Центрполиграф, 2005. — 590 с.

Печатное В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., ТЕРРА, 2006. — 752 с.

Пуанкаре Р На службе Франции 1914—1915. М., АСТ, Мн.: Харвест, 2002. — 784 с.

Пыхалов И. Великая оболганная война. М., Яуза; Эксмо, 2005. — 480 с.

Рыбас С. Ю. Столыпин. М., Молодая гвардия. 2003. — 421 с.

Скидельски Р. Хайек versus Кейнс. Дорога к примерению // «Вопросы экономики», № 6, июнь 2006.

Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927—1933. М., МФД, 2002. — 824 с.

Соколов Б. Германская империя: от Бисмарка до Гитлера. М., Эксмо, 2003. — 480 с.

Такман Б. Первый блицкриг, август 1914 / Предисл. и пер. О. Касимова. М., ООО «Издательство АСТ»; СПб., Terra Jantastica, 2002. — 635 с.

Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939—1940 / Пер. с англ. В. Кайдалова. М., 2003. — 349 с.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб., М., Полигон; АСТ. 1998. — 795 с.

Типпельскирх К., Киссельринг А. Гудериан Г. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.-М., Полигон; АСТ. 1998.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., Международные отношения. 1982. — 464 с.

Тэтчер М. Исскуство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М., Альпина Паблишер, 2003. — 504 с.

Уткин А.М. Рузвельт. М., Логос. 2000. — 544 с.

Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, «Русич», 2000. — 640 с.

Уткин А. И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., Эксмо; «Алгоритм», 2004. — 624 с.

Уткин А.И. Россия над бездной. Смоленск, Русич, 2000. — 480 с.

Фест И. Гитлер. Биография. Путь наверх. Пер. А. Федорова, Н. Летнева, А. Андропова. М„ Вече, 2006. — 640 с.

Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. Пер. А. Федорова, Н. Летнева, А. Андропова. М., Вече, 2006. — 640 с.

Фурсов А. И. «Биг Чарли», или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория... РИЖ. Весна 1998.

Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., АСТ, СПб., Полигон, 2006. — 559 с.

Фурсов А. И. Saeculum vicesimum: in memoriam. РИЖ, 2000, № 1—4.

Архив полковника Хауза. В 2 т. М., АСТ, Астрель, 2004.

Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2 кн. М., АСТ, Транзиткни¬га, 2003. — 492 с.

Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., Эксмо, 2003. — 768 с.

Шамбаров В. Е. За веру, царя и Отечество! М., Алгоритм, 2003. — 656 с.

Шацилло В. К. Первая мировая война 1914—1918. Факты. Документы. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 480 с.

Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне М., РОССПЭН, 2000. — 399 с.

Ширер У Взлет и падение Третьего рейха. В 2 т. / Пер. с англ. С предисл. и под ред. О. А. Ржешевского. М., Воениздат, 1991.

Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности / Пер. СВ. Лисогорского М., Центрполиграф, 2005. — 654 с.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М., ЭКСМО; Алгоритм, 2003. — 480 с.

Язъков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918—1945) —2 изд. М. МГУ; ИНФРА-МБ 2001.— 352 с.

Churchill W. The Second World War. London Pimlico. 2002. — 1034 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Васильевич Галин

ОТВЕТНЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

Редактор О. *В. Селин*
Художественный редактор С. *В. Курбатов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

0 0 0 «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-08-25
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» - 375-3211, 375-2433, 375-3673
0 0 0 «БСК»: 380-0028
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в
интернет-магазине: http://www.politkniga.ru

Подписано в печать 27.03.2008.
Формат 84x108 1/32 Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж 4000 экз. Заказ № 4831011

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.